

S E R I E S M I N O R

ВЯЧ. ВС. ИВАНОВ

ЛИНГВИСТИКА
ТРЕТЬЕГО
ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

ВОПРОСЫ К БУДУЩЕМУ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

STUDIA PHILOLOGICA

МАЛАЯ СЕРИЯ

Вяч. Вс. Иванов

ЛИНГВИСТИКА
ТРЕТЬЕГО
ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

ВОПРОСЫ К БУДУЩЕМУ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

МОСКВА 2004

ББК 83.3(2Рос=Рус)

И 18

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
грант 04-04-16048

Иванов Вяч. Вс.

И 18 Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 208 с., ил. – (Studia Philologica).

ISSN 1726-135X

ISBN 5-94457-091-1

В книге рассматриваются некоторые вопросы исследования языка, представляющие жгучий интерес, но до сих пор не получившие окончательного решения. Из внутрилингвистических проблем структуры языка, относящихся к членению речи и соотношению между единицами разных уровней, изучается реализация фонем в пределах слога и слова, историческая значимость субморфов, сокращение морфем при инкорпорации и аббревиации, возможность использования целых предложений и сочетаний слов в функции одного слова, число главных элементов предложения, степень обязательности различия глагола и имени, взаимосвязь грамматикализации и лексикализации, грамматических и лексических значений, совпадение грамматических структур в разных языках, текст как единое целое. Из вопросов внешней исторической и социальной лингвистики рассмотрена языковая ситуация мира, примеры многоязычных культур и лингвистики большого города, изменение языка на протяжении жизни одного человека, роль реконструкции и обнаружение связей между семьями языков. Из проблем аффективного и поэтического языка исследуются уменьшительные формы, парные слова, синэстетические связи звучаний и цветов, применение теории информации и теории сложности к стихотворному языку и связанные с этим вопросы взаимосвязей наук. Изложение иллюстрируется примерами из исследовательской практики автора и его научной биографии. Книга предназначена для широких кругов читателей, интересующихся языком и современными методами его изучения.

ББК 83.3

На обложке: Два музыканта (согдийское письмо на манихейском согдийском языке), I тыс. н. э., Безеклик

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavica@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-94457-091-1

© Вяч. Вс. Иванов, 2004

© Языки славянской культуры, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

0.1. Вместо предисловия	7
0.2. Вступление	13
1. Насколько линейна реализация фонем в речи? Психофонетика и письмо	17
2. Субморфы и их диахроническая значимость	29
3. Сокращение и изнашивание морфов	35
4. В чем разница между предложением, словосочетанием и словом: <i>don't-touch-me-or-I'll kill-you</i> sort of countenance . . .	42
5. Из скольких частей состоит предложение? Проблема начальной группы частиц	46
6. Грамматические универсалии. Глагол и имя.	51
7. Пути семантических исследований. Распределение семантических и грамматических типов значений в мозге	60
8. Грамматикализация лексем и лексикализация грамматических форм.	71
9. Какие грамматические структуры совпадают в разных языках?	77
10. Что создается заново и что запоминается? Текст как целое. Данные нейролингвистики	84
11. Языковая ситуация мира и прогноз на ближайшее будущее	89
12. «По-просту»: языки Великого княжества Литовского	101

13. Языки большого города	106
14. Языковая биография личности	123
15. Методы реконструкции и их роль	128
16. Связи между макросемьями	135
17. Аффективная сторона текста. Уменьшительность: четверостишие Бунина и тохарские параллели	139
18. Парные слова с начальным губным носовым	142
19. Синэстезия: Хлебников, Рембо, Скрябин	144
20. Остаточная энтропия языка и сложность	148
21. Замечания к проблеме методологии гуманитарных наук	154
Литература	161

Иллюстрации

А. Размещение семантических и грамматических кате- горий в передних и задних отделах левого и правого полушарий (по данным односторонних электросу- дорожных шоков). Схемы 1—13	171
Б. Карты распространения языков в области Лос- Анджелеса. 1—8	9 \mathcal{D}

0.1. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Предварительный сокращенный вариант предлагаемого сочинения был написан по предложению Г. Берестнева (в прошлом — моего аспиранта, потом успешного докторанта) для издававшегося им в Калининграде сборника статей. Когда черновой набросок был закончен, я показал его нескольким друзьям — Т. М. Николаевой, Е. В. Падучевой, Т. В. Цивьян, А. А. Зализняку, В. Н. Топорову. У них возникла мысль превратить статью в небольшую книгу. Согласившись с этим предложением, я стал дорабатывать текст, добавляя иллюстрации и уточняя некоторые из излагаемых мыслей.

Переходя к обряду выражения благодарностей, в данном случае совсем не формальному, я хотел бы вовлечь в него не только всех выше названных, помогавших мне своими доброжелательными откликами на этот текст, но и гораздо более широкий круг моих коллег по наукам, изучающим человека. Большинство идей, развитию которых посвящена эта книга, стали предметом обсуждения в тот период «бури и натиска», который лингвистика, а с ней вместе и другие вновь возникавшие дисциплины семиотического цикла, переживала в России в 1960—1970-х гг. Возможно, что уже в начале 1950-х гг. самая способная гуманитарная молодежь (многим из которой мне посчастливилось читать лекции, хотя разница в возрасте между нами была небольшой) выбирала как поле приложения своих способностей языкознание потому, что из всех наук о человеке оно обладало наиболее строгими методами и вмешательство правящей идеологии здесь после смерти Сталина становилось минимальным. Приезжие ученые, которым довелось участвовать в лингвистических и семиотических обсуж-

дениях тех лет в Москве, Ленинграде и (несколько позднее) в Тарту, дивились на это интеллектуальное богатство, не уставая твердить, что ничего подобного тогда не было ни в одной другой стране. Постоянное общение с блестящими представителями этого лингвистического поколения, занятого возникавшими впервые проблемами, на всю жизнь дало неисчерпаемый запас новых точек зрения и оригинальных вопросов, которые я пробую развить и продолжить в этой книжке. Я не повторяю того, что уже тогда было выяснено, а хочу заглянуть в еще неразведанные области, куда ведут начатые тогда поиски. Все основные постулаты лингвистики с точки зрения этих наших только вступавших в нее ниспровергателей подлежали пересмотру. Но в то же время они всерьез занимались сделанным раньше в разных областях языкознания и хорошо знали наиболее существенное из затевавшегося в духе их занятий в это время за рубежом. Их привлекали и открывавшиеся возможности приложений математики, а также и применение экспериментальных методов, подсказанных смежными науками (как, в частности, развивавшейся в те годы нейропсихологией). Начинаясь плодотворное сравнение естественного языка с искусственными логическими и введение в лингвистику математически строгих рассуждений объединяло это новое поколение лингвистов в нашей стране с их сверстниками (а отчасти и с такими редкими предшественниками, как Ельмслев и Рейхенбах) в Америке и западноевропейских странах. На первый план выдвинулось изучение метаязыка лингвистики¹, сопоставление разных возможных лингвистических моделей, структуры порождающих и анализирующих

¹ В строгом логическом смысле о метаязыке можно говорить применительно к формализованной системе. Поэтому терминологически точно употребление этого названия по отношению к грамматике Панини, который описывал уже достаточно формальную («обработанную» — *saṃskṛta*, т. е. искусственную) систему классического санскрита. В лингвистике термин «метаязык» принято, однако, употреблять и в более широком (и поэтому расплывчатом) смысле как обозначение языка, используемого для исследования другого языка.

правил и их объяснительной силы. Со временем можно предположить вероятность выделения этого рода занятий в особую область, в такой же мере обособленную от остальных частей языкознания, в какой математическая логика отлична от собственно математики. Но, продолжая это сравнение, можно надеяться и на пользу, которую исследование оснований лингвистики может принести конкретным исследованиям. Формальные методы описания естественных языков (вскоре пригодившиеся и для разных языков программирования) уже привели к более строгой постановке новых и переформулировке старых собственно лингвистических задач².

Накопленный в лингвистике (не только в описываемый период, но и гораздо раньше на протяжении тысячелетий) запас идей и методов, сближающих ее с другими точными науками³, может представить интерес и для смежных дисциплин.

² Разумеется, сохранялись и консервативные тенденции или лингвистический изоляционизм: во вполне традиционной филологической работе далеко не всегда предпринимаются сколько-нибудь серьезные попытки учесть недавно открывшиеся новые возможности более точного анализа текстов. В то же время первые робкие (отчасти еще крайне наивные и несовершенные) опыты формализации не всегда приводили к ощутимым лингвистическим результатам, а при этом иногда отвлекали от необходимой срочной работы по описанию языков (в том числе исчезающих с большой скоростью или быстро меняющихся в новых социальных условиях). Это особенно огорчительно из-за того, что может возникнуть недооценка формальных методов вообще.

³ Поскольку недостижимым пока образцом методологически строгого исследования остается древнеиндийская грамматика, начало которой можно отнести к предшественникам Панини, жившего в середине I тыс. до н. э., кажется поучительным изучаемое теперь Столлом (а до него Алленом) соотношение идеи нуля в математике (развивавшейся несколько позднее лингвистики и под вероятным ее влиянием) и грамматике в Индии. В частности, показательно, что знак нуля ⁰ используется в обозначениях чисел и для того, чтобы символизировать отсутствие слога или части слова в грамматике, ср. Kaplan 1999, р. 41—48; о кружке (санскрит. *śūnya-sakra* — «нулевой круг») как графическом символе математического нуля в Индии см. Ifrah 2000, р. 368—406, 433, 437—438, 483, 509, 534.

Сейчас во всем мире гуманитарные науки переживают глубокий кризис. Хотя теоретически многими осознается, что, вслед за биологией и отчасти опираясь на ее опыт, науки о человеке начнут сближение с основными областями точного знания, тем не менее движение в этом направлении к концу завершившегося века замедлилось. Набор представлений, сформировавшихся во время создания теории информации и всего нового комплекса знаний, называвшихся (в широком смысле) кибернетикой (которая долго служила для нас и защитой от обвинений в противоречии официальной идеологии), обновлялся лишь в незначительной степени. За редкими исключениями (такими, как грамматика Панини) богатое наследие формальной лингвистики предшествующих эпох и направлений структурализма, отличных от нескольких последующих, излишне популярных (как порождающая грамматика), и других течений, объединяемых иногда понятием функциональных, полузабыто. В мире до сих пор недостаточно знают и многие существенные итоги русских работ 1950—1990-х гг. по дешифровочному и формальному подходу к языку, которые отчасти шли в направлении, близком к порождающей семантике и сходным течениям, но привели к значительно более содержательным результатам⁴.

В особенности обидно то, что занимающиеся формальной лингвистикой за редкими исключениями почти не знают давно достигнутых выводов исторического языкознания, которые могли бы при должном рассмотрении пролить свет на структуру языка в целом. Вместе с тем в традиционно хорошо изученных областях сравнительно-исторического исследования языков заметно ослабление творческого импульса, сказывающееся в недооценке установления макросемей, которое (за вычетом замечательных работ покойного Гринберга, в Америке совершенно изолированного) велось главным образом русскими учеными (в том числе и уехавшими на Запад). Хо-

⁴ В частности, в описании морфологии, которую генеративисты в США открыли для себя с удивительным опозданием и нередко без знания всего уже в этой сфере сделанного, в частности, И. А. Мельчуком.

тя лингвистика приближается к возможностям соединения синхронного описания с диахроническим, напоминающим осуществляемое в таких естественных науках, как астрофизика и молекулярная биология, эти вероятные пути, сулящие новые достижения в понимании самых ранних периодов истории современного человечества, привлекают пока лишь немногих смельчаков. Впереди маячит пока еще недостижимый синтез описательной и исторической лингвистики, математически строгих методов и синхронного детального описания, учитывающего и экспериментальные результаты, получаемые на стыке с нейропсихологией, а также и некоторыми другими смежными науками.

В заметках, собранных в этой книжке, я пробую понять, в каком направлении могли бы пойти исследования близкого и более далекого будущего, чтобы приблизиться к реализации этих заманчивых возможностей.

При этом из разных насущных задач лингвистики самой неотложной представляется срочное описание всех тех тысяч исчезающих языков, гибель которых предполагается в самом близком будущем (см. подробнее о таком прогнозе в разделе 11 этой книжки). Кажется неосуществимой (хотя и желательной теоретически) цель частичного замедления процесса их умирания. Только для сравнительно небольшого числа сохраняющихся в немногочисленных коллективах языков представляется еще возможным создание таких «тепличных» условий, благодаря которым они могли бы еще некоторое время оставаться объектом лингвистического описания. Во всех других случаях можно ожидать скорой потери редко употребляемых языков, составляющих сейчас основную массу языков человечества. Безусловно их бесследное исчезновение стало бы большой потерей и для общего языкознания, и для сравнительно-исторического исследования семей и макросемей языков (которое в конечном счете позволило бы сопоставить языковедческие выводы с биологическими, антропологическими, археологическими и привело бы к революции в понимании прошлого). Но кроме того с уходом еще неизведанных грамматических и лексических способов описания мира, отличных от общераспространенных, уменьшается потенциаль-

ное разнообразие этих сторон духовной деятельности (одним из наглядных примеров могло бы быть исследование познавательной разницы между рассмотренными ниже в разделе 6 языками, когнитивные возможности которых, как во многих исчезающих американских индейских например, ирокезских, связываются главным образом с глаголами и глагольными конструкциями, в том числе инкорпорирующими полисинтетическими, и получившим развитие в языках науки преимущественно именным способом введения основных понятий). Долг лингвистов — по мере сил помешать катастрофе, сопоставимой с экологической.

0.2. ВСТУПЛЕНИЕ

Хотя научное языкознание, достаточно строгая система которого была представлена уже у Панини⁵, существует более 3 тысяч лет, главные его проблемы только еще начинают формулироваться. Их подробное обсуждение, а по возможности

⁵ Как заметил Есперсен (в речи на Копенгагенском предвоенном съезде лингвистов), «цепь преемственности, соединяющая Панини и Трубецкого, непрерывна». Но пока еще нет хорошей истории научных методов в лингвистике, которая бы подкрепила эту мысль фактами. Одной из наиболее интересных могла бы стать глава, посвященная российскому академику Бётлингку (соавтору знаменитого полного и краткого многотомного санскритского словаря, по первому изданию которого мы все учились). Он не только сделал прекрасный для своего времени перевод санскритской грамматики Панини (до сих пор переиздающийся), но и приложил подобные строгие методы к описанию якутского языка (ср. Блумфилд 1968, с. 32). Это дало результаты, сказавшиеся и на развитии диахронической лингвистики. В частности, индоевропейцы (как Хирт) применили введенное в якутской грамматике Бётлингка с соответствующими выводами исторического свойства (см. Бётлингк 1989, с. 238—239, 363—366) понятие «неопределенного падежа» (*casus indefinitus*), характеризующегося отсутствием окончаний («бессуффиксальный падеж», Поливанов 1991, с. 395, 403, ср. выше о нуле). Со ссылкой на Хирта эту идею по отношению к древнехеттскому языку развил покойный видный хеттолог Ней (Neu 1979, S. 182—185). Прямое влияние Панини заметно у создателей дескриптивной лингвистики, ср., например, о Панини и Блумфилде: Иванов 1988а. Интересно перекрещивание воздействий Панини и порождающей грамматики у П. Кипарского, который в ряде публикаций и лекций о Панини (Kiparsky 1982; 2002) сосредоточил внимание соответственно на соотношении уровней и направленности правил от одного уровня к другому, объеме и условиях действия правил.

и решение откладывается на наступившее столетие, а быть может, и на все тысячелетие. Ниже перечислены лишь некоторые из них. Чтобы сделать понятнее, что имеется в виду, в последующем изложении каждый из рассматриваемых вопросов иллюстрируется поясняющими примерами, почерпнутыми из моего собственного лингвистического опыта (в том числе и из многих начатых, но еще не завершенных или не напечатанных работ). Предсказание будущего науки основывается отчасти и на воспоминаниях о прошлом, намеренно субъективных. Поэтому жанр книжки местами клонится к научной автобиографии на манер Шухардта⁶.

Я начинаю с «внутренней лингвистики» в смысле Соссюра. Группа первых шести вопросов касается членений речи и соотношений между единицами языка разных уровней, следующие 4 вопроса относятся к лексической и грамматической семантике и к тексту в целом. Затем я перехожу к внешней лингвистике. В этих главах (11—16) ставятся проблемы исторической и социальной лингвистики, в 17—20-й я затрагиваю вопросы аффективного и поэтического языка, в последнем разделе (21) говорю о методах будущего научного исследования в целом. В XX веке язык стал основной темой размышлений не только у таких философов, как Витгенштейн⁷, и физиков, как Бор, занимавшихся ролью языка в человеческом познании, в том числе и на научном. Тема языка становится главной и для использующих его и взаимодействующих с ним писателей, что выражено, например, в статьях О. Мандельштама и Т. С. Элиота и в нобелевской лекции Иосифа Бродского. Поэтому, говоря о возможном будущем науки о языке, мы касаемся и важнейших составляющих частей современной культуры и ее вероятных продолжений в следующих за нами поколениях. Если Вселенная в целом осознается и описывается нашим разумом, возникновение которого возможно благо-

⁶ Шухардт 1950.

⁷ См. в особенности Крїрке 2000. Хорошим введением может послужить запись лекций Витгенштейна о понимании языковых значений, «языковых играх» и «примитивном» детском языке в противоположность языку специальному: Ambrose 2001.

даря ее изначальному устройству согласно антропному принципу, то само это описание невозможно без естественного языка и его искусственных аналогов. В этом смысле язык необходим для разумного осознания Вселенной, а его осознание становится одной из главных задач науки в целом.

Если человек отличается не только наличием у него рассудочной деятельности (которая в своих простых формах обнаруживается и у животных), но и неизвестной ни у кого кроме него способностью помыслить о собственном мышлении, то сходным образом можно охарактеризовать и его отношение к языку. Средства общения, хотя и более ограниченные по числу элементов и их функциям, известны у пчел, птиц, дельфинов и китов, обезьян, антропоидов (орангутанов, горилл, шимпанзе). Но возможность описания языка и его исследования реализована только у человека.

Еще в конце позапрошлого (19-го) и в начале прошлого (20-го) века крупнейшие филологи (как Потебня в России) и этнологи (как Хокарт в Англии) настаивали на центральной роли языкознания для всех наук о человеке. Это связано, прежде всего с тем, что язык является основным средством описания и познания внешнего мира и психики самого человека. Многие другие виды знаков и текстов, используемых человеком, либо прямо основаны на устном и письменном языке (как литература), либо применяют наряду с языком выросшие из него специализированные системы символов (как математика и химия). Те же (преимущественно эстетические) семиотические системы, которые по своему происхождению и функционированию связаны с языком лишь вторичным образом (как музыка и живопись), для современного общества в целом играют менее существенную роль. Поскольку языкознание выработало строгие методы исследования раньше остальных гуманитарных дисциплин, его пример оказывается для них особенно ценным.

То, что при далеко идущих структурных различиях между языками они все имеют общую основу, предполагается возможностью взаимопонимания и перевода. Как отмечал замечательный русский этнолог Ю. В. Кнорозов, показательно, с какой быстротой после открытия Америки Колумбом испан-

цы научились говорить с туземцами. Новейшие достижения сравнительно-исторического языкознания все больше проясняют исходное общее происхождение языков. В этом смысле изучение языков полезно для осознания реального единства человечества. Развитие сравнительных исследований праязыков макросемей, кратко обозреваемых в разделе 16 этой книжки, подводит к поискам доказательств вероятного общего происхождения подавляющего большинства языков современного человечества. В этом отношении выводы сравнительного языкознания скорее всего могут оказаться соединимыми с картиной, которую открывает молекулярная биология. Языки не только вероятно едины по своим истокам, но и сохраняют при всех (иногда огромных) структурных различиях некоторые общие черты, позволяющие говорить об универсальной грамматике. Вместе с тем общие черты естественных языков (например, соотношение глаголов-предикатов с актантами или управляемыми глаголом именами, выполняющими различные семантические роли) сопоставимы с аналогичными структурами в таких искусственных языках, как логические исчисления, что позволяет наметить контуры будущей науки о разных системах знаков (которая должна включить и семиотическое исследование языков жестов, особенно существенных для описания наиболее ранних средств общения у гоминид и других высших приматов). Часть выявляемых во всех человеческих семиотических структурах общих черт должна быть связана с генетически передаваемыми особенностями мозга. Поэтому движение по такому пути может оказаться решающим для объединения наук о человеке с естественными науками.

1. Насколько линейна реализация фонем в речи? Психофонетика и письмо

В ближайшие годы ожидается резкое увеличение роли обычной устной речи при общении человека с разного рода автоматами и приборами: в управлении автомобилем, в Интернете и в различных коммерческих системах. Автоматическое распознавание и понимание речи, над которым ученые бились полвека, становится одной из важнейших сторон прогресса информационной техники, лежащей в основе жизнедеятельности всех развитых обществ планеты. Римляне считали наши орудия немymi (в отличие от «полуговорящего» домашнего скота и говорящих орудий — рабов). Мы впервые в истории вида начинаем широко пользоваться техническими говорящими орудиями — иначе говоря, не только изготавливать орудия (чем человек отличается от животных), но и обучать их нашему языку (чем мы начинаем отличаться от всех ранее живших людей). Поэтому кажется возможным сейчас припомнить важнейшие из тех проблем на этом пути, которые до сих пор остаются нерешенными.

В начале лета 1961 г. мне предоставилась возможность поработать в лаборатории Л. А. Чистович в ленинградском Институте физиологии. Я пользовался только что разработанным В. А. Кожевниковым прибором, который давал исключительно точную картину движений разных органов речи при произнесении русской фразы. Целью моей поездки было обсуждение теории соотношения артикуляции и распознавания речи, предложенной Чистович. Но попутно в предпринятой тогда совместной работе мы хотели уточнить и понимание временной организации речи, для чего я старался возможно тщательнее измерить длину соответствующих отдельным фонемам отрезков на

кривых, начерченных прибором при записи многократных произнесений одного и того же предложения (вычисления мы еще делали вручную на логарифмической линейке и тратили массу времени на то, что сейчас бы за нас быстро посчитал компьютер). В некоторых случаях обнаружилось несовпадение того, что я видел и измерял на лабораторных кривых, и линейного представления последовательности фонем, с которым мы оперируем теоретически и в так называемой «фонологической транскрипции». Например, в такой русской форме, как *швы* [švy], две первые согласные фонемы в своей речевой реализации не следуют друг за другом, а произносятся одновременно. Незадолго до того, живя летом в Пидунде, я брал уроки абхазского у одного из местных жителей и среди прочего пытался правильно научиться произносить огубленные шипящие спиранты. Разглядывая и измеряя записи движений языка и губ при произнесении сочетания русских шипящих с губными, я убедился, что произносим мы почти то же, что абхазы. Но фонологическая функция различна. В абхазском это — отдельные фонемы, а для говорящих по-русски — сочетания фонем.

Если движения органов речи, нужные для реализации двух или больше фонем, совместимы друг с другом, они и совершаются в одно время — параллельно, а не последовательно⁸. Мы часто говорим об отдельных явлениях, которые объясняются взаимовлиянием следующих друг за другом фонем; для этого есть обозначения — ассимиляция, лабиализация, палатализация, в более широком понимании — умлаут, сингармонизм. Меньше изучено то, в какой мере одна фонема перетекает в другую, как они сплавляются друг с другом⁹, а также и с суперсегментными (просодическими, в частности,

⁸ Утверждение, например, о том, что английские фонемы произносятся со скоростью 10—12/сек (Levelt 1989), должно было бы сопровождаться пояснением, вычислено ли это теоретически или учитывает реальную возможную «упаковку» с их частично параллельным произнесением. О времени по поводу фонем см. интересные цитаты из рукописей Соссюра: Parret 1997, p. 94—114.

⁹ Иногда с исторической точки зрения в таком едином сочетании, как прагерманские *sk-, *st-, *sp-, где вторая смычная фонема не претерпела обычных изменений, отражена одна исходная фонема

тоновыми и акцентуационными, характеризующими целый слог или целое слово) признаками. В те годы (еще перед своей эмиграцией) А. С. Либерман (отчасти продолжая направление последних исследований С. Д. Кацнельсона) начал изучать придыхание и ларингализацию (прежде всего — исландскую) в связи с германской акцентуацией. Еще не зная об этих работах, я в нескольких статьях пытался увидеть связь гортанной смычки или глоттализации с определенным тоном (чаще всего восходящим или высоким) на материале разных языков. Впервые я это заметил, еще занимаясь латышским в студенческие и аспирантские годы; происхождение латышской прерывистой интонации, часто реализующейся как гортанная смычка, из акутового тона в восточно-балтийских парадигмах с подвижным ударением обнаружил патриарх балтийского языкознания Я. Эндзелин, с которым я обсуждал эти процессы в его поместье «Нака» на Даугаве летом 1953 г. Новые примеры отчасти сходного развития тонов я нашел в енисейских языках — кетском и вымиравшем югском, которые я изучал во время экспедиции в Западную Сибирь в 1962 г. (по новейшим реконструкциям С. А. Старостина, эти тоны как просодическое явление находят соответствие в других ветвях сино-кавказской макросемьи, в частности, в таких признаках северно-кавказских согласных, для которых ранее было предположено, что они как просодическое явление распространяются на все слово и поэтому должны быть отнесены к области просодии, а не сегментных фонем¹⁰). А еще позднее типологией взаимозависимости глухости—звонкости и высокого—низкого тона, описанной в некоторых языках Новой Гвинеи, да и в нескольких других, я пытался объяснить явления, отвечающие закону Вернера в германском (в частности, звонкость начального согласного в готской приставке *ga-*, немецк. *ge-*, родственной лат. *com* и восходящей к той же индоевропейской энклитике, что и тождественное по происхождению русск. *к*, санскритск. *kam*, хеттское *-kan*).

(в этом примере — ностратическая аффриката по Иличу-Свитычу), позднее расщепившаяся на две.

¹⁰ Nikolayev, Starostin 1994, p. 90—91; Starostin 2002.

Находившаяся в становлении область занятий, которая увлекала в ту пору меня и Чистович, была по сути современным вариантом «психофонетики» Бодуэна¹¹ и Поливанова, который уже писал о возможной одновременности кинем — произносительных единиц, выделявшихся им (вслед за Бодуэном) внутри фонемы¹². Поливанову же принадлежит и другая плодотворная идея, важная для понимания обсуждаемого круга явлений. Он хорошо знал китайскую традицию, описывающую звуковую структуру слога через понятия инициали — начального элемента и финали — конечных элементов. Отсутствие фонемы как дискретной единицы в этих раннекитайских лингвистических описаниях сейчас скорее выглядит как их недостаток¹³.

Поливанов отнесся к этой проблеме более конструктивно: он предположил, что в языках типа китайского основной фонологической единицей может быть не фонема, а силлабема. Слог в целом, а не отдельные его дискретные части оказывается главным объектом фонологического исследования. Выявление слога как особой фонологической единицы согласуется и со свидетельством слоговых систем письма (как японские катакана и хирагана) или систем, включающих слоговой принцип (как, например, крито-микенское линейное В письмо). Для дешифровки таких систем письма оказывается нужным составление решетки слогов, состоящих из комбинаций согласного с гласным, как это было сделано и учеными, прочитавшими иероглифические лувийские тексты¹⁴.

¹¹ К числу многочисленных лингвистических достижений Бодуэна де Куртенэ, по-настоящему оцененных только узким кругом таких его ближайших учеников, как Церба и Поливанов, нужно отнести формализованную символическую запись фонетических и (мор)фонологических изменений, которая была им введена в книге «Опыт теории фонетических чередований», изданной в немецком и польском вариантах в конце позапрошлого века, и наукой до сих пор как следует не воспринятой.

¹² Поливанов 1991, с. 326.

¹³ См., напр., Norman 1993, р. 28—32.

¹⁴ Как и многие другие идеи современной науки, мысль о такой решетке была предвосхищена Леонардо да Винчи; в последнее вре-

Одно из преимуществ подхода к силлабеме у Поливанова я вижу в том, что снимается различие между частями слога — силлабемы и тоном (интонацией), принадлежащей слогу в целом. При диахроническом исследовании мы можем, например, проследить, что исчезновение праиндоевропейских ларингальных фонем вело в балто-славянском не только к появлению новых долгих гласных¹⁵, но и к возникновению в соответствующих слогах акутовой интонации. Если полагать, что речь идет об изменении слога в целом, такое изменение получает вполне простую фонологическую формулировку. Несколько позднее я пришел к двойственному пониманию фонологии и того, что Поливанов называл «психофонетикой». Звуки речи можно рассматривать по меньшей мере с двух совершенно разных точек зрения. Одна — внешнего наблюдателя, который слышит речевой поток, записывает его или производящие его движения, как прибор Кожевникова или спектрограф, пробует, как любой фонетист, сегментировать этот поток или его запись прибором и описать их согласно принятой общefonетической схеме. Для такого стороннего наблюдателя в принципе безразлично, кто или что произносит анализируемые звуки — человек, синтезатор речи или компьютер. Другая точка зрения — изнутри говорящего, который знает, какие слова и в каких сочетаниях он хочет произнести. Этот последний взгляд — субъективный, он и касается фонологической структуры языка как такового¹⁶. Са-

мя исследователи предположили, что подобные занятия языком позволили Леонардо прийти к его методу изучения переменных. Как показал Ю. К. Лекомцев в специальном исследовании, использовавшем математический язык для описания структуры слога, ее роль вырастает в языках типа классического тибетского, где в пределах слога возможны чрезвычайно сложные сочетания фонем (особенно согласных).

¹⁵ С фонологической точки зрения этот результат падения ларингальных можно описать как совпадение древних долгих гласных (в ступени удлинения, напр., в последнем слоге праиндоевропейских собирательных форм типа хеттск. *widar*, греч. *ῥδωρ*) с новыми долготами, образовавшимися из древних сочетаний с ларингальными.

¹⁶ Ср. Сепир 1993, с. 299. Представители пражской и московской школ фонологии (в частности, мой университетский учитель

мо разбиение непрерывного звукового потока на фонемы определяется унаследованными характеристиками памяти человека: фонологическая система зависит от ограничений, наложенных эволюцией на устройство, которое этой системой пользуется. Позднее, участвуя в совместных обсуждениях с теми, кто готовился к возможному общению с внеземными цивилизациями, я пробовал им объяснить, что система с другими параметрами могла бы и не делить речевой поток на части так, как мы это делаем. Какие отделы центральной нервной системы во взаимодействии друг с другом отвечают не только за речевые движения, но и за построение и использование всей системы фонем и других уровней языка, начинает открывать нейролингвистика. Кроме заинтересовавшего нас вслед за Якобсоном и Лурия (в лаборатории которого с его сотрудниками в Институте нейрохирургии я с начала 1960-х гг. занимался лингвистическим анализом афазий) патологического материала, относящегося к нарушениям этих систем, в последнее время становится доступной для наблюдения (по мере внедрения новых и пока еще весьма несовершенных методов получения образов мозга и кровотока в нем) и обычная работа речевых зон мозга в норме¹⁷.

П. С. Кузнецов, у которого я слушал курс фонологии в 1947 г., когда она в официальной печати объявлялась наукой запретной и порождением «белоэмигрантов» — Трубецкого и Якобсона) обычно хвалили родоначальника второй из этих школ Н. Ф. Яковлева за то, что (в начале 1920-х гг. в своих таблицах кабардино-черкесских фонем, сочувственно цитируемых в «Основах фонологии» князя Трубецкого) он переформулировал основные идеи Бодуэна вне психологических терминов (под влиянием «Логических исследований» Гуссерля отказ от психологизма считался гарантией приближения к строгой науке). Хотя это помогло их усвоению лингвистами, само по себе такое переформулирование не решает вопроса о неизбежных психологических истоках фонологической интуиции говорящего, которые как бы выносятся за скобку, а не декларируются, как в психофонетике Бодуэна и Поливанова (позднее примкнувшего к пражской школе) и у Сепира.

¹⁷ См. из многочисленных пока дискуссионных работ, пробующих в свете (еще не всегда точно сфокусированных) методов не-

О самых ранних этапах истории размещения речи и других систем знаков (в частности, жестов) в мозге наших предков и о дальнейшей их эволюции и функционировании в нервной системе современных людей мы теперь каждый год узнаем много нового благодаря экспериментальным возможностям, несколько лет назад открытым приматологией — наукой о наших ближайших родственниках-антропоидах (шимпанзе, гориллах, орангутанах) и обезьянах, и начавшемуся широкому применению новых методов наблюдения за работой мозга (посредством магнитно-резонансных образов, позиционно-эмиссионной томографии, исследования кровоснабжения). Благодаря этим методам впервые стало возможным изучать разные виды деятельности всего мозга как единого целого, а не только отдельных его зон, чем раньше в основном занималась нейропсихология, основывавшаяся на клинических данных, которые относились к патологии, а не к норме, лишь сейчас ставшей объектом точных исследований. Поток работ и открытий в этой области нарастает лавинообразно. Генетики начинают постепенно открывать наследственные механизмы, связанные с владением речью и другими высшими психическими функциями. Удивительность человеческого языка с эволюционной точки зрения состоит и в том, что органы, ставшие нужными для речи (но в начале имевшие другие функции), были использованы в качестве клавиатуры столь сложно построенного инструмента. Рядом с этим шло и развитие управляющих ими систем. Новые исследования позволяют отнести формирование таких частей нейролингвистической организации человека, как речевая зона Вернике, по меньшей мере на 8 миллионов лет вглубь нашей эволюционной предыстории¹⁸. А специфический нервный путь фильтро-

инвазивного наблюдения за нормой пересмотреть, уточнить и сузить понимание зоны Брока и других областей мозга, совместно участвующих в управлении речевыми движениями: Wise, Greene, Buchel, Scott 1999.

¹⁸ Gannon, Holloway, Broadfield, Braun 1998, p. 221—222, ср. там же о параллельных чертах в соответствующих частях мозга орангутана, что позволило бы отодвинуть возраст «предзоны Вер-

вания звуковой информации с целью обнаружения в ней полезных коммуникационных сигналов (в отличие от других, в частности от используемых для ориентации в пространстве) восходит к гораздо более ранней предыстории приматов (он был обнаружен сперва у обезьян и лишь недавно получил подтверждение в исследованиях параллелизма оптического и акустического восприятия у человека¹⁹). Среднее число фонем в языках мира (от 11—15 в языках тихоокеанского и частично южноамериканского²⁰ ареала — типа айнского и полинезийских с минимальным числом согласных, о чем в свое время специально писал Одрикур, — и до 81 в абхазском) соответствует среднему числу сигналов у приматов и других млекопитающих. Но в дочеловеческих системах каждый сигнал имел свою смысловую функцию, а у человека фонемы служат для различения элементов высших уровней — словоформ. Развитие у человека пошло по пути не увеличения числа элементов системы, а введения иерархических уровней, надстроенных над запасом, который унаследован от более ранних этапов эволюции. Если успехи гуманитарного знания в наступившем веке будут зависеть (как предполагали многие) от соединения достижений естественных наук, прежде всего — биологии, с еще мало изученным с этой точки зрения материалом наук о человеке, то нейролингвистика и психофонетика окажутся теми областями, где продвижение в этом направлении уже начинается.

Одной из первых работ, где убедительно была показана психологическая реальность фонем (или «звукопредставле-

нике» вспять до 13 миллионов лет. Наконец, обнаружение отчасти сходных (но не вполне идентичных) принципов организации восприятия акустических стимулов верхней височной долей у макаки резус в сопоставлении с человеком (Rauscheker, Biao Tian 2000) делает возможным проецировать истоки речевой зоны Вернике и близких к ней областей мозга на еще более ранний период использования первичных сигналов, многие фонетические признаки которых у макаки резус и других обезьян оказались подобными человеческим (см. там же; ср. Бару 1978).

¹⁹ Scott, Blank, Rosen, Wise 2000.

²⁰ Ср. Иванов 1988б.

ний» в ранней терминологии Бодуэна и Поливанова), была статья Сепира, который пользовался в качестве аргументов примерами того, как индейцы записывают фонемы своих языков (я бы мог привести аналогичные примеры из наблюдений над тем, как кеты, после ареста создателя их первого латинского алфавита Каргера не имевшие своего признанного советской властью письма, тем не менее успешно записывали свой язык в 1960-е гг.). Письмо представляет значительную ценность для понимания психологии фонологического анализа у того, кто им пользуется, как показал Лурия в пионерских исследованиях, где на материале аграфии он сравнил (мор)фонологическое письмо (русское) с полуиероглифическим или полуполографическим (французским). В самое последнее время выявлены левополушарные механизмы, дающие возможность воспринять фонологическое слово и его зрительное буквенное соответствие, отличающееся от простого набора согласных²¹.

Для обоснования тезиса о нелинейном характере восприятия звукового облика слова, во всяком случае в тоновых моносиллабических языках, значительный интерес представляет письменность *paḥawh* Hmong языка хмонг (Лаос и сопредельные страны Юго-Восточной Азии), открытая Шонг Луэ Янгом (по мнению его последователей, в качестве божественного откровения) в 1950—1960-х гг. XX в. В этой оригинальной системе письма записывается сперва гласная фонема слога и тон и лишь после этого (в отличие от порядка фонем в устной речи) согласный, которым начинается произносимое слово.²²

Кажется возможным обратить внимание по меньшей мере на две средневековые евразийские системы письма, в которых отражены существенные свойства взаимодействия фонем на протяжении сингармонического слога и слова (а иногда и более длинной последовательности). Я имею в виду тот вариант курсивного письма брахми, которым пользовались во второй половине I тыс. н. э. для записи тохарских (А и В) текстов, а

²¹ Cohen, Lehericy, Chochon, Lemer, Rivaud and Dehaene 2002.

²² Smalley, Vang, Yang 1990, p. 60.

также древнетюркское руническое письмо, вероятно, испытывавшее структурное влияние тохарского варианта брахми (хотя возможно, что сами по себе рунические тюркские знаки были заимствованы из согдийского письма). В тохарском письме кроме перенятых из древнеиндийского знаков в форме, обычной для центральноазиатского брахми, есть ряд дополнительных слоговых знаков, в том числе для передачи гласного переднего ряда 'ä, и целый класс «чужих знаков». Последние в соответствии с их истолкованием Дж. Рейтером и Н. Д. Мироновым могут пониматься как обозначение палатализованных фонем [k'], [t'], [p'], [s'], [tš'], [š'], [š'], [ts'], [n'], [m'], [l'] либо в сочетании с последующим гласным переднего ряда ä, либо в позиции в конце слова и в некоторых других не перед этим гласным. Признак палатализации может при этом распространяться и на соседние слоги и слова, а не на один только слог, обозначаемый данным «чужим знаком» в комбинациях с другими (причем, как и во всех лигатурах в древнеиндийских системах письма, расположение элементов не линейное, а вертикальное, что при строго фонетическом характере письма иконически воспроизводит одновременность произнесения). Образуется длинная последовательность, которая вся в целом обладает различительным признаком палатализованности. Так, например, сплошной последовательностью «чужих знаков» передается числительное тохарск. *В раñ kãnt*²³ — '500' (родственно рус. *пятьсот*).

Точно так же построена система тюркского рунического письма, делящая все согласные в зависимости от того, следуют ли за ними гласные переднего или заднего ряда: в пределах сингармонического слова соблюдается и слоговой сингармонизм. Типологически сходное явление, отраженное и в старославянском письме (но без введения специальных отдельных знаков для большинства палатализованных согласных и при наличии лишь дополнительных знаков их смягчения), дало основание Роману Якобсону реконструировать слоговой сингармонизм для славянского, входившего, как и тюркский и то-

²³ См. YQ 1.30 1/2 (recto), 8; факсимиле рукописи: Xianlin, Winter, Pinault 1998, p. 22, 310.

харский, в выявленный тем же Якобсоном евразийский языковой союз. Важнейшей приметой этой языковой зоны было наличие парных противопоставлений палатализованных и непалатализованных согласных. Для теории языка кажется важным то, что распространение признака палатализованности на длинную последовательность фонем препятствует дискретному восприятию каждой из них. В сингармоническом палатализирующем («палатализованном» по терминологии Поливанова) языке слог и слово, а не фонема становятся основными фонологическими единицами, а признак палатализованности может охватывать целую слоговую и словесную цепочку²⁴.

Открытие фонем как дискретных единиц в XX в. было связано с той тенденцией к обнаружению роли дискретного (прерывного), которую многие ученые признавали одной из главных интеллектуальных характеристик этой эпохи²⁵.

На этом пути естественны были и некоторые преувеличения: на время отошел на задний план центральный для фонетики и ее практических приложений вопрос о том, как непрерывная последовательность звуков перекодируется в линейный ряд дискретных элементов — фонем или букв алфавита. Далее применение принципа изоморфизма разных уровней языка вело к предположению, что и «план содержания» (се-

²⁴ Сходным образом признаки палатализованности и лабиализованности признаются накладывающимися на собственно фонемные характеристики в древнем состоянии северокавказских языков: см. предисловие к словарю: Nikolayev, Starostin 1994.

²⁵ Этой проблемы касается Павел Флоренский (под вероятным влиянием своего учителя математика Бугаева) уже в своей диссертации (соответствующие отрывки из нее недавно опубликованы). У его соученика по университету Лузина интересные мысли по этому поводу высказаны в статье о Ньюtone (Лузин 1943, с. 66—70 и 76, примеч. 16, где речь идет о подходе Павлова к «процессам квантового характера в человеческом мозге», что заставляет вспомнить недавние гипотезы Пенроуза). Мне довелось весной 1957 г. слушать на механико-математическом факультете МГУ лекцию А. Н. Колмогорова о теории информации, где точка зрения о роли дискретного в современной науке иллюстрировалась, в частности, и на примере фонем.

мантическая структура языка) может быть построен из таких же дискретных элементов, как «план выражения» (его фонологическая система). Эта точка зрения была исходной для целого ряда выдвинутых на протяжении второй половины минувшего века семантических теорий. На идеи Лейбница, склонявшегося и в математике к исследованию «зернистых» структур (о чем в упомянутой статье писал Лузин²⁶), опиралась и их развивала А. Вержбицкая. Однако можно усомниться в том, насколько дискретными можно считать такие исходные понятия ее семантической системы, как «мир» и «Бог». Кажется вероятным, что для наступающей интеллектуальной эпохи особенно важным может оказаться поиск равновесия и взаимного соответствия дискретного и непрерывного в языке и других видах знаковой деятельности (как кино, где при очевидной значимости непрерывной передачи информации в XX в. особое внимание обращалось на дискретный прием монтажа). Уже популярность фракталов может говорить о смене интеллектуальной доминанты. Для эпохи квантовых компьютеров и соответствующих им моделей мозга идея непрерывности может оказаться снова (как при Ньюто-не) не менее важной, чем дискретность была для рубежа 19 и 20 веков.

²⁶ Лузин 1943, с. 70.

2. Субморфы и их диахроническая значимость

В работе А. А. Зализняка о русском именном словоизменении, представляющей вместе с его грамматическим словарем одно из наиболее полных и четких морфологических описаний целой системы форм, получила поддержку мысль Романа Якобсона о возможности выделения субморфов, характеризующих классы морфов, которые обладают общим семантическим признаком. Дальнейшее развитие этих идей, позволяющих думать о построении фоно-морфологии как нового отдела лингвистики, содержится в африканистических работах К. И. Позднякова, снова рассмотревшего и русский материал²⁷.

Поскольку Якобсон пришел к своей идее в новаторских работах о структуре системы русских и славянских падежей, имеет смысл коснуться вопроса о полезности и целесообразности понятия субморфа именно в связи с падежной системой древних индоевропейских диалектов²⁸. Выделяется две груп-

²⁷ Поздняков 1993, с. 309—362. Пользуюсь случаем высказать признательность К. И. Позднякову за увлекательное обсуждение проблемы субморфов в сентябре 2001 г. на встрече в Европейском университете в Санкт-Петербурге.

²⁸ Одна из первых попыток описания была сделана Богородицким в кратком варианте его сравнительной грамматики ариоевропейских языков, напечатанном в 1917 г., но уже предвещавшем ту переинтерпретацию индоевропейской падежной системы в духе последующих работ Якобсона, которую И. М. Тронский наметил в своей (недавно переизданной) характеристике общеиндоевропейского состояния (Тронский 2001, с. 462—473). Предложенные после первой работы Якобсона системы описания падежей (в част-

пы этих диалектов, каждая из которых характеризуется особым субморфом в именных косвенных падежных окончаниях (творительном и дательном-отложительном) преимущественно двойственного и множественного чисел: **-bh-* (в восточно-индоевропейском — греко-армяно-арийском ареале, и в западном — кельто-итало-венето-мессапском) и **-m-* в балто-славяно-германском (русские формы типа *те-м-и*), к которому примыкают своими энклитическими местоименными формами тохарский, северно-анатолийский (хеттский) и южно-анатолийский (лувийский)²⁹. Выделение этих субморфов оказывается важным и для дальнейшей ностратической — евразийской реконструкции³⁰. Благодаря обобщенному характеру категорий, которыми оперирует сравнительно-историческое языкознание, в таких случаях удается отвлечься от затемняющих суть подробностей и проникнуть в глубинные соотношения, существенные и для синхронного описания значительно более поздних состояний отдельных диалектов. В удаленной перспективе становятся более ясными основные элементы структуры. Это относится и к тем субморфам, которые выявляются в личных местоимениях и соответствующих личных глагольных окончаниях нескольких макросемей Старого и Нового Света.

Выделение субморфов может оказаться полезным для установления связей между морфами, позднее разошедшимися, но восходящими к одному источнику. В то же время нелегко избежать опасности ошибочного объединения морфов, исто-

ности, в исследованиях Ельмслева, Бенвениста, Куриловича, де Хроота, Лотца) исходят из той же идеи наличия основного значения для каждого из них и возможности построения системы значений по тому же принципу, что фонологическая (ср. в главке 1 о применении идеи изоморфизма плана выражения и плана содержания). Может представить интерес соотнесение этих теоретических исследований с нейролингвистическими данными об употребительности падежей в высказываниях, приуроченных к разным отделам мозга, ср. ниже, рис. 5.

²⁹ Обзор флексий по диалектам: Гамкрелидзе, Иванов 1984, т. 1, с. 379—382; группировка с выделением субморфов, хеттскими, тохарскими и индо-уральскими параллелями: Ъор 1979.

³⁰ Greenberg 2000, p. 139—147; Ъор 1979.

рически друг с другом не связанных. Согласно правдоподобной реконструкции индоевропейской ранней именной системы, древний эргатив сформировался из комбинации неопределенного падежа с артиклеобразным местоименным указательным элементом *-so > -s³¹, а именительный падеж на *-s явился результатом развития этого эргатива по мере смены активного-эргативного типа аккузативным. Главной функцией нового окончания *-s было обозначение одушевленного рода в противоположность среднему. Поэтому кажется возможным соотнести с тем же субморфом лувийские «активированные» формы на -sa/-za, образованные от имен среднего рода: иероглифическое лувийск. *matu-sa* 'вино' (ср. в восточнобалтийском литовск. *medù-s* 'мед' и родственные слова мужского рода с тем же — во всех языках кроме анатолийских ставшим показателем этого рода — окончанием *-s в праславянском, прагерманском и пратохарском при формах среднего рода этого названия «сладкого опьяняющего напитка, вина, меда» в других индоевропейских языках), *atama-za* 'имя' (ср. в западнобалтийском др.-прусс. *etmen-s* от общиндоевропейского слова среднего рода со значением «имя»). Тот же субморф выделяется в нескольких разных окончаниях

³¹ См. уже Бётлингк 1989, с. 28—29 (со ссылкой на основателя индоевропеистики Боппа); Гамкрелидзе, Иванов 1984, т. 1, с. 267—319 (с дальнейшей библиографией). По Стертеванту с этим же «индо-хеттским» элементом связан отразившийся в древнехеттском начальный союз *š(u)-*, вводящий предложение. В нескольких группах афроазиатских языков и в индоевропейских диалектах после отделения от них анатолийских языков к родственной афроазиатской и ностратической местоименной основе, превращавшейся в суффиксальное или энклитическое (в древнеегипетском «зависимое», Lorgièno 1998, р. 64, 113, 119) местоимение 3-го лица, присоединились окончания женского и мужского рода: прасемитск.-др.-египетск.-кушитск. **s-i* 'она', **s-u* 'он' (Moscati 1964, р. 106—110; Дьяконов 1965, с. 218—226; Gelb 1969, р. 8—9, 32, 36—37, 44, 62, 65, 218—219; Гранде 1972, с. 203; Ehret 1995, р. 155, N 209, р. 487. 1); санскрит. *s-ā* 'она' (готск. *s-o*), *s-a* 'он' (готск. *s-a*). Ср. о значимости истории этого индоевропейского элемента ниже, глава 16 (о ностратической семье и афроазиатском).

родительного падежа в индоевропейских диалектах и в некоторых других падежах, например, в тохарском В (кучанском) перлативе на *-sa*, близком по функции к творительному: возможно отождествление субморфа **-s-* в формах типа тохар. В *ɣasar-sa* 'кровью': лувийск. *ašhar-ša*, форма активированного рода от основы среднего рода (хотя полное совпадение этих форм, скорее всего, обманчиво из-за вероятного отражения позднее сократившегося долгого гласного в исходе в тохарском). Похожий элемент в значении местоимения и эргатива и/или творительного падежа встречается и в других макросемьях Евразии, в частности сино-тибето-енисейской.

Другим примером, где кажется возможным отождествление субморфа *-l-* в целой группе семей и макросемей, является окончание 1-го л. ед. ч. «волюнтатива» (приказания, обращенного к самому говорящему) в хеттском и литовском, аккадском, хурритском, причем вероятна связь (суб)морфа со служебным словом, употребляющимся в той же функции (частица с повелительным значением типа восточнобалтийск. *l-ai*, аккад. *l-ū*). Но поскольку сравниваются сверхкороткие куски морфов с разными значениями, выделяемые в языках, далеко отстоящих от друга во времени и пространстве, вероятность случайного созвучия выше, чем при обычных сравнительно-исторических сопоставлениях. Возможно, было бы нужно задуматься над введением количественной меры надежности (или степени недоверности) при сопоставлениях субморфов, которыми очень часто (иногда не отдавая себе в этом отчета: целые морфы редко совпадают) оперируют лингвисты, занимающиеся реконструкциями, в особенности направленными на самые отдаленные эпохи (вероятность существенно увеличивается, и реконструкция становится правдоподобной при привлечении не одного субморфа, а нескольких, если сравниваются не изолированные морфы, а целые парадигмы: в этом смысле диахроническая лингвистика изначально ориентирована на структуры). Представляется, что для окончательного доказательства реальности таких макросемей, как ностратическая (или «евразийская» по Гринбергу), особое значение может иметь восстановление системы морфов, позднее превратившихся в субморфы.

Значение субморфов в сравнительно-исторических исследованиях можно пояснить на примере внутренней реконструкции личных временных форм глагола в отдельных индоевропейских диалектах и в праязыке и его предыстории. Форму 1-го лица единственного числа настоящего времени с окончанием $*mi-$ > ст.-слав. — **мь** можно возвести к сочетанию двух субморфов: древнего индоевропейского показателя $*-m$ -первого лица (не только в глаголе, но и в личных и притяжательных местоимениях) и субморфа $*-i$, встречающегося в так называемых «первичных» окончаниях глагола и скорее всего имевшего в них значение события, которое с точки зрения говорящего происходит сейчас и здесь. Отсутствие этого субморфа в так называемых «вторичных» окончаниях можно интерпретировать как нулевой субморф, имеющий противоположное значение (не сейчас и не здесь). Соединение в одном окончании двух этих следующих друг за другом субморфов, каждый из которых передает только одно грамматическое значение, осуществлялось по способу, типологически сходному с агглютинацией (тот же принцип отмечается и в древних индоевропейских сочетаниях именных субморфов, например, в окончаниях локатива множественного числа $*-s-u \sim *-s-i$ и винительного падежа множественного числа $*-m-s$, где субморф $*-s-$ имеет значение множественного числа, а субморф $*-m$ имеет значение винительного падежа). Внутреннюю реконструкцию можно описать как операцию по выделению субморфов в уже реконструированных окончаниях. Вероятность их соединения проверяется типологически. Для того, чтобы показать возможность истолкования субморфа $*-m$ в индоевропейских глагольных (первичных и вторичных) окончаниях первого лица как possessивного предлагается типологическое и генетическое сравнение с аналогично построенными формами объектного ряда в уральском и картвельском (см. ниже примеч. 60). Вместе с тем восходящее еще к создателю сравнительной грамматики индоевропейских языков Боппу понимание форм первого лица глагола типа санскрит. $ad-mi < *ed-mi$ 'я ем' как сочетаний корня с древним местоимением подтверждается и параллелизмом с типологически так же построенными древнехеттскими конструкциями вроде $kattan-$

mit 'подо мной' (буквально «мой низ, моя нижняя сторона», где функцию послелога исполняет релятивное имя, выступающее в possessивной конструкции с притяжательным местоимением, см. ниже главу 8). В гипотетическом восстановлении исходных структур у Боппа (и следовавших за ним ученых) с конструкциями, найденными в древнехеттском, совпадает притяжательное постпозитивное местоимение, следующее за основным словом (или корнем). Различие состоит в том, что в древнехеттском засвидетельствованы в таком употреблении только релятивные имена существительные с обобщенным пространственным значением, тогда как в реконструированных Боппом формах перед предполагаемым притяжательным местоимением, к которому восходит субморф в окончании, могут выступать многие глагольные корни. Дальнейшее уточнение лексической части этой реконструкции оказывается возможным именно при допущении противопоставления субъектного и объектного рядов глаголов, приметы которых сохранены в субморфах. Те глаголы, которые образовывали possessивные формы по объектному типу, сохранили след древнего притяжательного местоимения, из которого происходит субморф в окончании первого лица. Последовательное выделение субморфов делает возможным выявление древних синтаксических сочетаний путем анализа морфем, в которые они превратились по мере движения от сочетаний слов внутри предложения к сочетаниям морфов внутри слова и субморфов внутри морфа.

3. Сокращение и изнашивание морфов

Для инкорпорирующих языков характерна замена полного лексического морфа такой его сокращенной формой, которая значительно короче варианта, выступающего вне инкорпорации³². В чукотском в инкорпорированных формах типа *mit-qa-a-nm-áti-rkin* — ‘будем убивать оленей’³³ (1-е л. мн. ч. будущего второго) морф *-qa-a-* представляет собой сокращение полной лексической морфемы *qoga-rá-* ‘олень (домашний северный)’³⁴, которая восходит к прачукотско-камчатскому³⁵.

В некоторых случаях обе формы — сокращенная, употребляемая при инкорпорации, и более полная, выступающая в других грамматических позициях, сосуществовали с древности, причем более полная может быть возведена к прачукото-корякскому сложению морфов, один из которых в качестве архаизма сохранился в инкорпорации: чукотск. *kə-* ‘ребенок’ (сокращенная форма в инкорпорации в *kə--nmə--rkəp* ‘он убивает детей’ = ‘ребенок-убивает-он’): *kə-miŋ* (видимо, древнее сложение, засвидетельствованное наряду с сокращенной формой в большинстве родственных чукото-корякских языков³⁶).

³² На классической работе Гумбольдта о нахуатль основано изложение принципа инкорпорации у Габеленца, см. Gabelenz 1891, S. 336—339. О североамериканских индейских языках ср. Voas 1991, p. 70—71; Sapir and Swadesh 1964.

³³ Богораз 1949, с. 111 (предложение 14); в этом двуязычном тексте форма соответствует эскимосск. (юйтск.) *toko-timákúkut* — ‘будем убивать оленей’.

³⁴ Ср. Богораз 1934, § 6, 22 и 57.

³⁵ Мудрак 2000, с. 120.

³⁶ Мудрак 2000, с. 70; Богораз 1934, с. 31 (§ 56; Богораз с синхронной точки зрения относил только согласный к инкорпориро-

Как заметил еще Поливанов³⁷ и показал Аллен в работе об абазинском глагольном комплексе³⁸, сходные с инкорпорацией структуры возникают в абхазо-абазинском. Еще до знакомства с этой статьей Аллена, занимаясь абхазским, я обратил внимание на слова типа *l-bzi-up*, которые на основании перевода можно было бы считать эквивалентом целой фразы: 'собака (морф *l-*) хорошая (*bzi*) [есть (*-up*)]'. Но, как это и обычно для полисинтетического инкорпорирующего языка, имя существительное в составе такой инкорпорации выступает в виде усеченного (суб)морфа: полная форма названия «собака» (с артиклем *a-*) при его изоляции звучит как *ala*. Возможна фраза *ala l-bzi-up* 'собака (по-собачьи) хорошая есть', в которую инкорпорация входит составной частью.

Представление слова или основы частью, усеченной до одного слога или одной фонемы (или до одной буквы с ее двухфонемным названием), характеризует современные сложносокращенные слова. Их появление в новоевропейских языках относится к началу позапрошлого века³⁹, но бурное развитие

ванному морфу, принимая следующий гласный за отдельный морф). В языке паланских коряков засвидетельствован лишь глагол *kmiŋ-эты-k*, произведенный от инкорпорированной формы. Совпадение сложения, реконструируемого для прачукото-корякского, с моделью китайск. *ʒep'-təp'* 'народ, люди' (см. ниже, примеч. 86 в главке 8), *haj-czy-təp'* 'дети' может быть чисто типологическим, поскольку в китайском это сложение признается относительно поздним (автор признателен С. А. Старостину за критические замечания по поводу этого сравнения), ср. Гуревич 1974, с. 61—62; Зограф 1979, с. 10, 33—34, 37, 42—45, 47, 49, 58—60, 68—70, 75, 77—78, 304, 312 (с общим выводом о появлении суффикса только в юаньских и сунских текстах при отсутствии его в танскую эпоху). Однако представляется возможным предложить сино-кавказскую параллель и для самого корня чукото-корякского *k(э)-, ср. сходный корень в енисейском и северокавказском по Старостину (1995, с. 236) со значением 'ребенок; рождать(ся)'. Ср. также Пјіс 2001.

³⁷ Поливанов 1991, с. 368, 407.

³⁸ Аллен 1956.

³⁹ Сокращение *M. A.* (= *Master of Arts*, приблизительно «магистр искусств») в его фонетическом чтении [eméi] есть уже в сатирах Байрона (Поливанов 1968, с. 345). В древневосточных языках

связано с политическими, технологическими, экономическими, бюрократическими преобразованиями последующего времени, особенно в тоталитарных государствах: такие специфические для них структуры, как спецслужбы, всегда обозначаются аббревиатурами. В докладе на московском семиотическом симпозиуме 1962 г. я разбирал, в частности и на примере лагерной лексики только что перед тем напечатанного «Одного дня Ивана Денисовича» Солженицына, аббревиатуры, о которых на материале разных языков тогда замышлял написать большую работу. Связь сложносокращенных слов с новыми техническими изобретениями не ускользнула гораздо раньше от языкового чутья Хлебникова: в научно-фантастической прозе он вездеход-самолет-амфибию называет *ход-нырлет* (<*ход-ить* + *ныр-ять* + *лет-ать*), *нырлетскач* (*ныр-яет* + *лет-ает* + *скач-ет*); он использовал тот тип слоговых сокращений, где слог может совпадать с корнем или основой, что делает аббревиатуру близкой к словосложению⁴⁰. Новый взлет числа сложносокращенных слов к концу

есть аббревиатуры, по семантике соответствующие современным (в частности, названия единиц измерения длины). В других случаях сокращаются часто повторяемые термины в ритуальной и сакральной сфере, как основные элементы хурритских названий печени жертвенного животного в гепатоскопических текстах, откуда они попадают и в их переводы или переложения, например хеттские.

⁴⁰ Ср. также *скрипземшар* (Перцова 1995, с. 322) и ряд других комбинаций с полуаббревиатурой — полусложным словом *земшар*: *предземшар* с производными (Там же, с. 294—295). В предсмертных стихах Маяковского *Млечпуть* — промежуточное образование между аббревиатурой (ср. *Главсевморпуть*) и словосложением. Это слово, как и сокращенная морфа *Люб-* в полуироническом (скомбинированном по образцу чужеземных географических названий *Грен-ландия*, *Лап-ландия*) *Грен-Лап-Люб-ландия* в «Про это», представляет интерес еще и потому, что (по свидетельству, сообщенному мне В. И. Нейштадтом) Маяковский при обсуждении доклада о сложносокращенных словах на заседании Московского лингвистического кружка (членом которого он был) резко выступал против порчи языка, ими производимой: поэтому (за исключением немногих пародийных мест) сам он использовал и вво-

XX в. связан с компьютерной и информационной революцией, ср. распространение полусокращенных сочетаний типа *e-mail*. Хотя аббревиатуры давно начали сравнивать с инкорпорацией, между ними есть существенная грамматическая разница: сложносокращенные слова обычно характеризуют именные части («фразы») предложения, но они не используются в глагольных фразах и весьма редко включают в себя предикат (случаи псевдосокращений вроде английского *IOU*, основанного на омонимии названий букв⁴¹ и односложных слов: *I* 'я' + *owe* 'должен' + *you* 'вам', пока стоят изолированно).

Общим с усечением морфа при инкорпорации и с выделением субморфов в синхронии может быть тот объяснимый простыми теоретико-информационными закономерностями процесс, при котором в языке действует принцип наименьшего усилия (по Ципфу) или экономии изменений (по Мартине, лень по Поливанову). То, что лат. *aqua* 'вода' превращается в однофонемное слово в современном французском языке, а староиспанское *Vuestras Mercedes* 'Ваши милости' становится исп. *Ustedes* 'Вы' (вежливое личн. мест. 2-го л. мн. ч. соотносится с формой вежливого личн. мест. 2-го л. ед. ч. *Usted* < *Vuestra Merced* 'Ваша милость'), является следствием статистически обусловленного изнашивания самых употребительных слов языка, которое осуществлялось на больших отрезках времени. Современная аббревиация, представляющая собой едва ли не самый заметный инновационный процесс в большом числе распространенных языков новейшего времени, приводит к очень быстрым заменам в значительной части словаря. Поэтому теоретически это явление кажется важным и для установления границ возможностей исторического языко-

дил только такие из них, которые не противоречат принципам русского словообразования, ср. также Винокур 1991, с. 358 и 340; Чуковский 2001, с. 81.

⁴¹ Названия букв, комбинации которых определяют произношение буквенных сокращений, рано начинают использоваться в таких терминах, как лат. *el-em-en-t-a* (из названий трех букв, находившихся в середине латинского алфавита, ср. *алфа-вит* = *альфа* + *бета*, *аз-бука* из названий первых двух букв в начале греческого и церковнославянского алфавита).

знания⁴²: от скорости и степени изнашивания морфемы и ее результирующей длины зависит надежность реконструкции.

При вызываемом изнашиванием превращении всех морфем в односложные и одновременной утрате одно- и двухфонемных или, во всяком случае, кратких грамматических (в частности, флективных) морфем (что вызывается, по-видимому, совместным действием изнашивания и грамматической тенденции к анализу⁴³) слово становится одноморфемным и односложным. Для сохранения минимальных различительных фонологических возможностей в таких изолирующих ('аморфных') языках используются тоны. Соблазнительной кажется возможность предположить такой процесс в предыстории каждого из изолирующих тоновых языков с односложными и одноморфемными словами в Юго-Восточной Азии, Африке и Америках. Пока только для некоторых из этих языков, как для вьетнамского и архаического древнекитайского, есть достаточные сравнительно-исторические данные для реконструкции исчезнувшей флексии. Но кажется возможным построить такую диахроническую типологию, где для каждого типа языка указывались бы вероятные пути в прошлом и возможное будущее (как и по отношению к подобной типологии изменений по аналогии у Куриловича⁴⁴, внутренняя лингвистика оп-

⁴² То, что быстрые замены словаря возможны и в так называемых примитивных языках, заметил Р. Диксон, отмечающий частые табуистические запреты всех слов, связанных с умершим человеком, в современных австралийских языках.

⁴³ Соотношение этих двух (фонетической и функциональной) тенденций как причин движения от флексии к анализу, несмотря на подробные обсуждения (в том числе и в нашей лингвистической литературе, особенно германистической), остается не вполне ясным. О циклическом характере развития см. ниже, в разделе о грамматикализации.

⁴⁴ «Наряду с взаимодействием и иерархией языковых элементов внутри данной системы, лингвистика имеет дело с исторической случайностью (в социальной структуре). И хотя общая лингвистика склоняется скорее к анализу системы как таковой, конкретные исторические проблемы могут решаться удовлетворительно лишь с учетом обоих факторов одновременно» (Курилович 1962, с. 121).

ределяет несколько возможностей, выбор между которыми зависит от внешних факторов).

Процесс сокращения морфов может осложниться в случае массивированного заимствования слов другого языка. Много-сложные заимствования в английский язык из греческого и латинского и из новых европейских языков не претерпевают тех изменений, которые привели к резкому сокращению длины исконных слов в современном английском по сравнению с прагерманским, к которому они восходят. Эти различия могут сказаться и на стилистическом применении обоих видов слов, например, при их соположении, как в стихах Джойса в рифме *mist* ('туман') — *sentimentalist* ('мечтатель; живущий в мире чувств'). Такие поэты, как Хопкинс, используют возможности сочетаний собственно английских односложных слов для создания особого ритма, в их стихах эта часть словаря играет большую роль, чем у других писателей. В качестве отчасти похожего примера можно было бы заметить использование в некоторых ритмических вариантах русского четырехстопного ямба односложных слов (у Пушкина *Людская молвь и конский тол*). Как и в английском языке, образование таких односложных существительных в истории языка связано с процессом разрушения конца слова (в славянских языках — сперва при отпадении конечных согласных благодаря действию закона открытых слогов, потом — благодаря осуществившемуся в конце общеславянского периода падению редуцированных кратких гласных — еров). Но в русском языке в отличие от английского изменение конца слова не было столь радикальным и поэтому доля односложных слов в исконном словаре не так велика. Соответственно и в русской поэзии основанные на сочетаниях исключительно таких слов ритмические новшества (как «Лей свет в тьму» у Державина, «Дней бык пег» у Маяковского, «Мой зноб и зной» у Цветаевой, широко использовавшей односложные слова, на которые падает ударение, в том числе и на слабых позициях в стихе) встречаются значительно реже, чем в английской поэзии, где уже у Джона Донна (в 17 в.) они определяют строение большого числа строк. Из этого видно, что результаты процесса изнашивания морфов, становящихся одно-

сложными, могут стать важными и для функционирования языка как материала для литературы.

История сложносокращенных слов в начале XX-го в. в таких языках, как русский и польский, показывает, что они первоначально могли быть связаны и с задачей использования кода, доступного только посвященным (в частности, членам партии, название которой сокращается, например, *эс-эр* = социалист-революционер). Использование в аналогичной функции названий спецслужб в тоталитарных обществах позволяет поставить вопрос о формах называния различных тайных или секретных организаций и установлений, как официальных, так и функционально с ними сопоставимых нелегальных. Интересной особенностью последних десятилетий можно считать проникновение этого типа образований в систему называния международных учреждений в разных языках мира (формы типа русск. *ООН*). Другой характерной чертой многих новейших текстов представляется частое введение многочисленных сокращений для обозначения часто употребляемых в данной узкой области понятий. По всем этим и другим подобным причинам темп изменений слов резко убыстряется и увеличивается степень непонятности для непосвященных большого числа специальных текстов.

4. В чем разница между предложением, словосочетанием и словом: *don't-touch-me-or-I'll kill-you sort of countenance*

Начиная с первых лет университетских занятий (в 1947—1951 гг.) я заинтересовался возможностью поставить в современной английской фразе целое предложение в качестве атрибута перед определяемым им именем. Оно себя ведет синтаксически так, как если бы это было прилагательное, но в переводе на русский ясна семантическая полная независимость этого отрезка (в примере, вынесенном мной в начало этого раздела: «лицо с выражением, как бы говорящим: *He притрагивайтесь ко мне, не то убью*»). Мой интерес к грамматической стороне таких, как он говорил, «образований» (которых больше всего я встречал в детективах) поддерживал один из моих замечательных университетских учителей А. И. Смирницкий. Мне казалось, что в этих построениях не меньше изобретательности, чем в сверхдлинных словосложениях эпического санскрита вроде *deva-gandharva-manuṣya/o/raga-rakṣasa-* ‘богов, гандхарвов-кентавров(?)⁴⁵, людей (*manuṣya-*), змей (*uraga-*⁴⁶), демонов’ из «Махабхараты», которую мы в то

⁴⁵ Возможностью все же соотнести древнеиндийский мифологический термин с греческим, критически оценивавшейся Мейе и другими языковедами, увлекался, как он мне рассказывал, покойный литературовед Голенишев-Кутузов (считавший лингвистику своей «скрипкой Энгра»), но его обширный труд на эту тему, принятый его мучителями за шифрованный, погиб в югославской охране по слевоенных лет, где его терзали за связь с Россией.

⁴⁶ Внутреннее сандхи — *a + u -> -o* — на стыке частей сложного слова указывает на его цельнооформленность. Важная для изу-

время читали с другим моим незабываемым университетским учителем М. Н. Петерсоном (Хлебников, в университете основательно занимавшийся санскритом, под возможным его влиянием изобретал в прозе такие русские сложные слова, как *стадо-рого-хребто-мордо-струйная река*, но любопытно, что он образовывал при этом, как и в стихах, подобных *Грудо-губо-щеко-астая / Руко-ного-главо-астая*⁴⁷, тот тип сложных прилагательных, который под греческо-церковнославянским влиянием давно сложился в русском языке, в XVIII в. использовался Ломоносовым и в пародиях на его оды Сумароковым, а на рубеже XX в. появляется в форме, напоминающей хлебниковскую, в письмах Чехова). У позднего Гете среди черт, делающих его индивидуальный стиль сопоставимым с классическим санскритом, находят и такие словосложения, как *Fettbauch-Krummbein-Schelme* (= «fettbäuchige, krummbeinige Schelme»⁴⁸ = «жирнобрюхие кривоногие мошенники» ~ *жирнобрюшнокривоножножулье*). В занятиях подобными английскими атрибутивными образованиями привлекало и то, в какой мере в них (даже больше, чем в глагольных формах полисинтетических и инкорпорирующих языков, с которыми Е. Д. Поливанов не без основания сравнивал современный китайский⁴⁹) нечеткой оказывается граница между словом и предложением. Поражала и свобода, с которой сочиняются такие вполне новые обороты: языковому творчеству пределы здесь не поставлены. Некоторые из моих американских друзей разубеждали меня в значимости приема, по их мнению вульгарного. Но в последние годы я убедился, как часто он проникает в ежедневную печать (особенно в газетные и журнальные заголовки), да и в некоторые литературные сочинения

синтаксических истоков словосложений и образований рассматриваемого типа проблема грамматического метаморфизма была поставлена Бенвенистом (1974, с. 255).

⁴⁷ Ср. Перцова 1995, с. 140, 309, 428, 444; Там же, с. 243, сложение из основ прилагательных *наго-тускло-бедренный*. См. у Маяковского *Эскадры верблюдокорабледраконьи* (Винокур 1991, с. 363).

⁴⁸ Lewy 1961, S. 96 (.4), 107 (.3).

⁴⁹ Иванов, Поливанов 1930; Поливанов 1991, с. 368—370.

ния. Ограничусь несколькими примерами, взятыми из свежих номеров газет: *a one-strike-and-you-are-out policy* 'политика (основанная на принципе): нанеси один удар и ты им со всем покончишь'; *hey-what's-going-on variety* 'тип (сообщения, говорящий): «Послушайте, что у вас там делается?»'; *The name your price Internet service* 'Служба Интернета, которая обходится в цену, вами самими назначенную'; *made-to-order baby brother* 'сделанный (как) по заказу брат-младенец'; *Caller Pays system* 'система, в которой платит тот, кто звонит'; *The Way-things-are series* 'сериал про то, как оно есть', *an end-justifies-means attitude* 'установка (основанная на принципе) «цель оправдывает средства»'. Отдельные обороты этого типа уже вошли в язык, хотя еще обозначаются кавычками (*a can-do guy* = 'умелец'). Постепенно коробки и ящики, куда я складывал вырезки и выписки из разных английских и американских изданий с все новыми примерами этих образований, стали переполняться и вытеснять меня из комнаты, и так заваленной бумагами и оттисками. В книге прозаика Ричарда Форда, описывающей спортивного журналиста и отчасти стилизующей его язык, я нашел с десяток выражений, подобных *hug-a-friend church* 'церковь, где словно обнимаешь друга'. В статьях некоторых популярных журналистов встречается по несколько таких выражений подряд. От явления речи они не перешли еще в явление языка и, быть может, поэтому пока почти не замечены многими современными лингвистами, хотя в прежних английских грамматиках о них и писали. Но эти все чаще встречающиеся обороты указывают на возможный путь, который мог бы привести английский язык к изменению соотношения основных грамматических единиц со сдвигом в сторону инкорпорации (в смысле работ Поливанова по современному китайскому). Распространение этого грамматического типа, из языка журналистики и массовой литературы медленно проникающего в другие речевые жанры, представляет исключительный интерес для выяснения характера связей между этими стилистическими сферами языка и соответственно для роли средств массовой информации в его развитии.

Художественная литература может достаточно долго сопротивляться подобному стилистическому приему, по сути

расходящемуся с общепринятыми нормами. Но у некоторых авторов (в частности, в поэзии Роберта Фроста) можно найти примеры использования целых длинных фразовых единств в роли одного слова (например, существительного, скажем в именах персонажей: Professor Square-the-circle-till-you're-tired "Профессор Занимайся-квадратурой-круга — пока-не-устанешь"; Chicamoztoc, which means The-Seven-Caves-that-We-Came-Out-of «Чикамозток, что означает Семь-Пещер-Откуда-Все-Мы-Вышли»; в последнем случае этот тип английского сверхсложного слова вводится как перевод индейского полисинтетического инкорпорирующего комплекса). Эта тенденция кажется принадлежащей не одному автору и языку, а эпохе, создававшей тексты на разных европейских языках. Подобные словообразования, нередкие в немецком классическом философском языке, стали почти неизменной принадлежностью рассуждений Хайдеггера (мастерски переданных в переводах В. Бибихина: «бытие-в тем менее означает пространственное «друг-в-друге» наличных вещей», «Бытие и время»). Другим источником отчасти подобных сочетаний явились принятые в немецкой поэзии и художественной прозе сложные слова (см. выше о Гете); эта тенденция, укрепившаяся у позднего Рильке, позднее достигает вершины в поэзии Целана. В русской философской литературе подобные построения под возможным влиянием немецкого (но и греческо-церковнославянской тразиции) находим у Флоренского, тогда как в языке Цветаевой сходные словосложения иной раз разительно напоминают новообразования Хайдеггера.

5. Из скольких частей состоит предложение? Проблема начальной группы частиц

За последние десятилетия существенно продвинулась вперед та область, ставшая для меня главной еще в аспирантские годы⁵⁰, — исследование разных мертвых индоевропейских анатолийских языков II—I тыс. до н. э., северных или (по их доисторическому расположению) восточных, к которым относятся хеттский и палайский, а также отчасти и лидийский, и южных или западных, к которым принадлежат клинописный и иероглифический лувийский и несколько языков античной эпохи: прямо продолжающий лувийскую традицию ликийский, более архаичный (но только начинающий поддаваться интерпретации) ликийский В или милийский, карийский⁵¹, а

⁵⁰ Хеттским языком я стал заниматься под влиянием статьи о нем А. А. Фреймана, изданной в 1947 г. Первую статью о клинописном лувийском языке я напечатал в самом начале его научного исследования в 1958 г.; сейчас я удивляюсь не числу ошибочных толкований в ней, а совпадению нескольких верных интерпретаций с теми, которые тогда же предложил П. Мериджи (часть их я успел отметить тогда же в корректурном примечании к статье).

⁵¹ В годы начальных занятий анатолийским языкознанием на меня, как и на моих коллег и друзей (И. М. Дьяконова, Т. В. Гамкрелидзе), большое впечатление произвели первые шаги в изучении карийского, предпринятые тогда В. В. Шеворошкиным (еще до его вынужденной эмиграции). Он верно наметил место карийского среди анатолийских языков и дал правильное толкование некоторых карийских имен, известных в передаче античных авторов. Позднейшие открытия уточнили чтение многих знаков карийского алфавита, но не изменили основной точки зрения, выработанной уже тогда и

также только еще дешифруемые писидийский и сидетский. Одним из важных открытий анатолийского языкознания явилось обнаружение того, что во всех этих языках и, возможно, в соседних неиндоевропейских⁵² предложение начинается группой следующих за первым словом частиц, которые выражают основные категории, в нем участвующие: субъектно-объектные отношения, видовые и некоторые другие характеристики глагола, локальную направленность, рефлексивность, очевидность (принадлежность знания говорящему или заимствование речи у другого лица). Такие же или сходные цепи энклитик, появляющихся после начального слова предложения или в его середине после слова-«барьера», за которым как бы заново начинается (полу)самостоятельный синтаксический отрезок, обнаружены в микенском греческом, древненовгородско-древнепсковском диалекте и в основном варианте древнерусского языка, изученных с этой точки зрения А. А. Зализняком (праславянский характер этого явления вероятен ввиду работ Бауэра, Исаченко и других лингвистов, указавших на сходные черты в западнославянском).

Для тех языков, где, как в хеттском и других анатолийских, глагол часто стоит в конце предложения, допущение о вхождении цепочки энклитик в группу («фразу») глагола несостоятельно уже потому, что означало бы «непроективность» почти всех предложений, что практически исключает

свидетельствующей о большой интуиции Шеворошкина и верности предложенного им понимания универсальных законов структуры звуковых цепей, положенных в основу его дешифровки. По этому примеру видно, как много потеряла русская наука из-за вызванной ошибками, а то и преступлениями официальных лиц продолжающейся эмиграции наиболее способных ученых, определивших расцвет нашей лингвистики и смежных областей гуманитарного знания в 1960-е гг.

⁵² Элементы такого рода, Спейзером в его грамматике названные ассоциативами, встречаются и в хурритском, где, напр., частица прямой речи *-an* прямо соответствует хеттск. *wa(r)*, но все же нельзя еще решить, характеризовало ли это явление целый языковой союз древнеближневосточных языков независимо от их генетической принадлежности.

такую синтаксическую модель. Более вероятным для хеттского и индоевропейского праязыка была бы модель, предполагающая функционирование начального комплекса энклитик как отдельной части предложения⁵³ наряду с глаголом — предикатом и именами — его аргументами (актантами в духе системы Теньера). Австралийские языки со сходной структурой, выносящей энклитики к началу предложения, описаны Кейпеллом⁵⁴. Наибольший интерес представляет разнообразие семантики частиц, входящих в такие комплексы в анатолийском. В них выражено все существенное, как бы сокращенный сгусток грамматической информации о предложении, выносимый в его начало, как резюме статьи. В полисинтетических языках соответствующие по смыслу морфы инкорпорируются в глагольную форму: при характерном для них полиперсональном спряжении субъектно-объектные отношения выражены не в группе энклитик, а в глагольных показателях⁵⁵ (на пути от первого типа к последнему находится современный французский язык). В языках второго типа можно принять двухчленную схему предложения, включив множество обозначений субъектно-объектных отношений в глагольную фразу (о предложениях без именной фразы см. ниже). В языках типа анатолийских это невозможно и предложение не менее чем трехчленно. Те группы частиц, с которых начинается в них предложение, включают и первое слово, которое вводит предложение и может быть проклитическим (в общеиндоев-

⁵³ Гамкрелидзе, Иванов 1984, т. 1, с. 358—368.

⁵⁴ Там же, с. 367, прим. 2. Клитики и частицы составили одну из популярных тем описания в разных школах современной лингвистики, например, частицам в современном русском языке были посвящены два выпуска совместного исследования французских и русских ученых (в нем участвовала и Т. М. Николаева). Было бы важно использовать результаты этих работ в типологической характеристике места частиц и их комбинаций и степени и характера их включенности в синтаксические структуры в разных языках мира.

⁵⁵ Sapir, Swadesh 1964. См. обсуждение возникающих в связи с этим проблем с точки зрения грамматики отношений: Perlmutter 1983.

ропейском по Жюкуа действует тот же принцип «энклитики, они же проклитики», который для славянского сформулировали Васильев и Долобко, чьи мысли развил позднее Дыбо). Проклитические частицы *jw* 'явно, истинно', *m.k* 'вот; гляди!' в качестве особого элемента предложений, определяющего синтаксическую структуру, характеризуют древнеегипетский⁵⁶, где для предложений инициального типа предлагаются структуры, состоящие из трех частей, — вводящей (проклитической) частицы, за которой следует либо именная и адвербиальная фразы, либо тема (данное) и глагольная фраза⁵⁷. Трехчленная схема предложения с выделением его начальной части, не укладывающаяся в прокрустово ложе схем порождающей грамматики, устанавливается также и для многих языков, в которых предложение может начинаться с восклицания (обращения к слушающему, которое прагматически отлично от остального текста, см. о статусе обращений ниже в разделе 10). Такое восклицание морфологически может быть выражено частицей, этимологически соотнесенной с глагольной основой, например, частицей 'ogī 'погоди!' (от глагола 'ogī 'ждать') в американском индейском языке иранше в Бразилии: 'oge | uāmatalora 'Погоди! Я дам это тебе' (Meader 1967, p. 30, 60, 83[128]; 137[862]). Хотя подобные начальные восклицания-обращения нередко переводятся как отдельные предложения, они в приведенном примере из иранше и во многих других аналогичных случаях входят в состав всего высказывания, представляющего собой единое целое. В русском литературном языке предшествующих веков таким элементом было, например, междометие *О*, в словарях описываемое как риторическое восклицание, скажем, в примерах из романов Тургенева: *Пойдемте, пойдемте, а ты, Федюша, дай мне руку. О, да какая же она у тебя толстая! О, как Базаров посмеялся бы над ним, если б он узнал, что с ним тогда происходило!* Согласно Исаченко, сходную междометную функцию в древнерусском языке несли проклитические начальные союзы, такие, как *а* (след его сочетания с

⁵⁶ Loprieno 1998, p. 166—168; Allen 2000, p. 188—189.

⁵⁷ Loprieno 1998, p. 162, 187.

начальной группой энклитик, за ним следовавшей, сохранен в преобразованном виде в рус. *а-во-сь*).

Описанные грамматические структуры анатолийских (северных и южных), микенского греческого, славянских и некоторых других индоевропейских языков, древнеегипетского, австралийских и ряда других неиндоевропейских языков позволяют решительно отвергнуть двучастную модель синтаксической схемы предложения, которая с легкой руки последователей порождающей грамматики получила широкое распространение и претендовала на универсальность. Эта схема может быть пригодной в ряде случаев (как и альтернативные по отношению к ней, но не пользующиеся формальными средствами грамматики Хомского модели, описывающие на другом метаязыке те же структуры). Но претендовать на роль общего положения, включаемого в постулаты предполагаемой универсальной грамматики, могут только такие обобщения, которые не ограничиваются материалом одного или двух языков (часто являющихся родными языками исследователя), а проверены на фактах возможно большего числа других языков. Каждое типологическое утверждение должно пройти проверку на базе данных описанных лингвистами языков и только после этого может заслужить право быть включенным в общие или универсальные схемы. Можно при этом допускать и статистически ограниченные утверждения, но и для них существенны размеры выборки, которые в принципе должны приближаться к числу всех известных к настоящему времени языков. Связанное с порождающей грамматикой Хомского ограничение языкового материала и ослабление внимания к типологии пагубно сказалось на популярных направлениях современной лингвистики. Индуктивные методы в ней должны занять достойное место рядом с дедуктивными, преобладание которых было на первых порах понятной данью увлечению математической логикой. Но и логические языки должны быть включены в материал, привлекаемый для общей типологии знаковых систем.

6. Грамматические универсалии. Глагол и имя

В какой мере описание каждого отдельного языка может опираться на принципы общей грамматики, считающиеся выясненными? Большинство авторов руководств по языковедческой теории учит, что категории глагола и имени различаются везде (поэтому и в той части порождающей грамматики, которую применяли к разным языкам, предложение распадается на группу — «фразу» — имени и группу — «фразу» — глагола с возможными дальнейшими вторичными подразделениями по той же схеме). Мне пришлось в этом усомниться, когда я стал заниматься американскими индейскими языками и другими языками исконных обитателей Нового Света. Уже из обзора недавно изученных языков Амазонии стало видно, что в сочиненных на них мифологических текстах предложения, состоящие из одних глаголов, преобладают и составляют основную часть повествования (до 80—90 %), а такие явления, как Солнце, называются в них отглагольными производными⁵⁸. Последнее по отношению к архаическому варианту алеутского давно заметил Вениаминов, вслед за которым Иохельсон находил, что в этом языке «формального различия между глаголом и именем нет»⁵⁹. Для выяснения этого нераз-

⁵⁸ Иванов 1988б. Сравнительно недавно напечатанный в *Language* статистический обзор использования имен и глаголов в разных языках мира проигрывает в своей достоверности оттого, что в нем совсем не учтены языки типа амазонских с принципиально иными количественными соотношениями.

⁵⁹ Иохельсон 1934, с. 139, 141; 1919; Вениаминов 1846.

личения не только в алеутском, но и во многих других языках Нового Света и Евразии особенно важно выяснить, как следует истолковывать обнаруживающееся во многих из них (и, согласно идее книги Леви о типологии языков Европы, допускающее представление в виде целого географического ареала) совпадение (или, по крайней мере, большое сходство) притяжательных форм имени и (одного из) типов спряжения глагола⁶⁰. Мещанинов в одном из ранних вариантов своей стадильной классификации усматривал в таких языках особый посессивный тип. В языках с этой особенностью во всяком случае объединяются именные и глагольные притяжательные формы, что и делает для всей этой большой типологической языковой группы разделение таких частей речи по крайней мере проблематичным.

Кажется особенно затруднительным выделение имени (и в особенности группы имени как составной части предложения, отдельной от группы глагола) в полисинтетических языках, где существительное часто появляется только в той усеченной морфе, которая вставляется (инкорпорируется) в глагольную форму. Индеец, учивший меня ирокезскому языку онондага, отказывался перевести на него с английского языка слово *tree* 'дерево', говоря, что морф со сходным значением есть только в составе глагольной формы⁶¹.

Одна из ветвей человечества — туземная американская, больше десяти тысяч лет назад отделившаяся от других, иначе стала смотреть на соотношение аргументов и предикатов. Я задаюсь вопросом, не может ли быть, что предпочтение к называнию основных предметов рассмотрения именами (аргументами), а не глаголами (предикатами), присущее нашей европейской науке, коренится в природе того типа языков, на

⁶⁰ Seiler 1983. В частности, так объясняется в свете ностратических сравнений и типологических параллелей то индоевропейское (изначально объектное) спряжение, которое развилось в хеттское спряжение на *-mi*: Иванов 1981, с. 69—71; Ivanov 2001.

⁶¹ Иванов 1997. Подтверждение этому взгляду на структуру ирокезских языков можно видеть и в цитируемых в этой статье самых первых записях иезуитов, относящихся к конструкциям этого типа.

основе которых она выработалась. Этот вопрос имеет прямое отношение и к метаязыку самой лингвистики: мы называем ее основные объекты фонемами, морфемами, словами, предложениями, хотя по сути может идти речь и о предикатах «быть фонемным» = «иметь фонологическую (различительную) функцию» и т. п.

Но в других отношениях языки ареала, географически примыкающего к американскому, оказываются ближе к научным языкам, чем европейские. На заре развития компьютерной лингвистики около 40 лет назад Г. С. Цейтин и Е. В. Падучева обратили внимание на трудность, возникающую при переводе с искусственного языка исчисления предикатов на естественный русский язык: в первом нет соответствий именам прилагательным, но сходные категории можно выразить с помощью предикатов. В ориентированной на логическую модель порождающей грамматике Хомского имя прилагательное *белый* (*white*) отсутствует в исходном наборе конструкций и выводится из трансформации глагольного выражения *белеть* (*to be white*)⁶². Существуют такие естественные языки, как северно-восточноевразийский (более других по происхождению близкий к уральским и, возможно, нивхскому) юкагирский, где прилагательных как таковых нет и в их роли выступают глаголы-предикаты⁶³. С точки зрения соответствия логическим категориям показательно и то, что в юкагирском обозначаются глагольными конструкциями те количественные отношения, которые в большинстве других языков выражаются именами числительными: вместо «было четыре оленя» говорится, что «олени четверились» (по Лейбницу такой способ выражения был бы наиболее логичным).

В той мере, в какой металингвистическое описание (согласно закономерности, намеченной в исследовании Е. В. Па-

⁶² Ср. идею «деградации сказуемого», превращающегося в определение, уже у Пауля 1960, с. 165 и сл.

⁶³ Ср. Sapir 2002, p. 111—112, о яна и нутка. В ряде индейских языков Северной Америки есть тенденция регулярно заменять прилагательное относительной конструкцией с соответствующим глаголом.

дучевой и А. А. Зализняка) зависит от родного языка исследователя, понимание имени и глагола в их взаимоотношении, в том числе интерпретация глагола как обозначение действия (а также признака или состояния) предмета, называемого именем, отражает структуру языков, где имя играет главенствующую роль. Показательна в этом смысле средневековая арабская и еврейская грамматическая терминология, где название «глагола» как части речи и его пород образовано от семитского корня (\sqrt{fl}) со значением «делать» (в этих грамматических традициях, как и в позднейшей европейской школьной грамматике, под действием имеется в виду то, что делает называемый именем предмет). Так же можно понимать и теорию актантов при глаголе в синтаксисе Теньера, близком в этом отношении к исчислению предикатов.

Разница между именами (существительными, прилагательными, числительными) и функционально с ними объединяющимися местоимениями, с одной стороны, и глаголами, с другой, проявляется и при наличии и противопоставлении этих классов, которые по-разному могут употребляться в составе предложения, и тех групп (именной и глагольной «фраз»), которые в нем можно выделить. В давно меня поразившем совпадении хеттского *akkiškittari* 'умирается' в молитвах во время чумы и нем. *es stirbe sich* в прозе Райнера Мариа Рильке⁶⁴ важно не только полное семантическое сходство описания массовой безликой смерти (в городе), но и формальное грамматическое различие: в хеттском языке при безличном (или — в других терминах — неопределенно-личном) употреблении глагола (в 3-м л. ед. ч. медиопассива наст. вр.) субъект (и имен-

⁶⁴ Иванов 2001, ср. *ak-ki-iš-ki-it-ta-ri ku-e-da-aš A.NA URU^{DIDL}*.
 𐎠𐎢𐎡𐎠 'в городах, в которых умирается' (Гётце переводил «das Sterben herrscht», Götze 1927, S. 249, Пухвель — «deaths keep occurring», Puhvel 1984, p. 21). Корень хеттского слова, скорее всего, заимствован из диалектной северокавказской формы глагола со сходным значением, относившегося к множеству субъектов и в то же время, как и хеттский глагол, имевшего функцию супплетивного пассива к глаголу «убивать» (см. об этом варианте значений и его отражении в разных языках этой семьи: Nikolayev, Starostin 1994, p. 635—636).

ная группа в смысле порождающей грамматики) отсутствует, а в немецком он выражен с помощью грамматического элемента («нейтрального» местоимения 3-го л. ср. р. *es*), играющего чисто структурную роль⁶⁵ (и соотносящегося в данном выражении с возвратным местоимением *sich*). Сходное различие можно обнаружить при сопоставлении поэтов одной школы (направления), пишущих на разных языках. Европейские, в том числе и русские, символисты (и постсимволисты, например, Елена Гуро в ее прозе) стремились к употреблению безличных предложений. Но у западноевропейских символистов формальная структура с грамматическими субъектами, обозначаемыми «нейтральными» местоимениями (которые образуют именную группу-«фразу»), делала эту безличность чисто семантической, что обыгрывается при параллелизме у Верлена⁶⁶:

*Il pleure dans mon coeur,
Comme il pleut sur la ville*

(примерно по смыслу, с перестановкой членов сравнения: «Дождит над городом, Как поет в сердце»).

В семантически похожей функции в русском символизме используются чисто глагольные безличные предложения, как у Блока в стихотворении, где их поток следует за несколькими безглагольными именными конструкциями, введенными начальной личной формой глагола:

⟨...⟩
Я помню: мелкий ряд жемчужин
Однажды ночью, при луне.

⁶⁵ Ср. Spitzer 1961, I, S. 201—202, 209 (полемика со взглядами Бругмана, в специальной работе занимавшегося ролью этого немецкого «нейтрального» местоимения, ср. также Пауль 1960, с. 154—157). О подобных «ложных» или фиктивных местоименных субъектах (*dummies*) с точки зрения грамматики отношений ср. Perlmutter 1983, p. 101—109.

⁶⁶ См. анализ этих строк в особой статье Шпитцера, посвященной стилистической роли франц. *il*: Spitzer 1961, I, S. 204—206.

Больная, жалобная стужа,
 И моря снеговая гладь...
 Из под ресниц сверкнувший ужас —
 Старинный ужас⁶⁷ (дай понять)...

Слова? — Их не было. — Что ж было? —
 Ни сон, ни явь: вдали, вдали
 Звенело, гасло, уходило
 И отделялось от земли...

И умерло. А губы пели...

Возникающий в то же время (развитый тем же Блоком) и более подробно описанный⁶⁸ именной стиль в поэзии подчеркивает полярность этих типов грамматических конструкций. В приведенном отрывке у Блока конструкция с чисто грамматическим вопросительным местоимением *что* и продолжающими именной стиль предшествующих строк оборотами *Слова?*.. *Ни сон, ни явь* оттеняет следующий за ними ряд безличных непереходных глаголов. Он заканчивается личной конструкцией с именительным падежом «губы», где 3-е лицо мн. ч. заменяет 1-е л. ед. ч.: (мои) «губы пели» вместо «я пел». Хотя такие безличные конструкции, как в предшествующих строках, принадлежат особому стилю, их возможность определена языком в целом. В северном диалекте русского языка, подробно исследованном с этой точки зрения в работе Матвеевко, употребление подобных безличных форм от переходных глаголов стало сочетаться (под вероятным субстратным воздействием) с эргативообразным использованием творительного падежа (типа литературного *его переехало машиной*). Но и при этом отсутствует в этой роли именительный падеж и отдельная именная группа, независимая от глагольной (творительный падеж управляется глаголом). Сходные конструкции характерны для языков эргативных и активных, где предложение основано на глагольных соотношениях

⁶⁷ Выражение, переводящее лат. *terror antiquus*, как и его латинский источник, было популярно у поэтов и художников русского символизма (Вяч. И. Иванов, Брюсов, Бакст).

⁶⁸ Иванов 1998, с. 52—58; 2000, с. 180—181.

(эргатив, как в хинди и других новоиндоарийских языках, появляется только при определенных временных формах глагола). Лишь по мере замены эргативного типа аккумулятивным именными формами (такие, как номинатив) приобретают большую самостоятельность, и родительный падеж, функции которого до того мог (как в современном инуит — эскимосском) исполнять эргатив, занимает особое место в парадигме существительного.

Данные афазий (в частности, результаты поражения зоны Вернике) заставляли думать, что имя как обозначение предмета или опредмеченного понятия и глагол-предикат находятся в ведении разных отделов центральной нервной системы. Но проведенные в последние годы исследования нормальной работы мозга при всей их предварительности позволяют дополнить этот традиционный взгляд предположением, что в мыслительные операции, связанные с обоими классами слов, вовлечены части мозга от лобных долей до височных⁶⁹. В разных языках, стилях и языковых произведениях эти общечеловеческие возможности могут реализоваться в разной степени или в разных количественных соотношениях, зависящих от культурной традиции, речевого жанра, эпохи и литературной моды. Лингвистические выводы, касающиеся соотношения глагола и имени в естественных языках, можно сопоставить с аналогичными выводами по поводу искусственных логических систем знаков. Для этих последних, как заметил еще Фреге в одной из первых своих работ, различие субъекта и предиката несущественно и может определяться разницей между известным и вновь сообщаемым⁷⁰ (в более поздней терминологии данное и новое, тема и рема). Однако, поскольку в логических языках обычно есть различие предиката и термов или аргументов при нем, это может объясняться либо воздействием тех (европейских) естественных языков, на основе кото-

⁶⁹ Tyler, Russell 2001. Ср. также данные о частоте использования глагола, имени и других частей речи и синтаксических конструкций, полученные для разных состояний мозга при односторонних электросудорожных шоках, рис. 6, 7, 8.

⁷⁰ Frege 1964, § 3,9.

рых в западном мире развивались искусственные логические языки, либо общечеловеческими особенностями сознания, не во всех естественных языках сказываемся.

Типологическое сравнение с языками типа американских индейских заставляет предположить, что к раннему общечеловеческому (изначально мифологическому или мифопоэтическому, по нейролингвистическим семантическим признакам в значительной мере правополушарному) способу языкового описания и понимания внешнего мира были приспособлены языковые средства, по преимуществу связанные с (конкретными) глаголами, обозначающими действия, состояния и наличие определенных признаков. Вычленение особых способов обозначения предметов могло осуществляться путем образования отглагольных имен, т.е. номинализации. Четкое грамматическое противопоставление глаголов и имен, независимых морфологически (деривационно) от последних, могло быть одним из существенных когнитивных отличий части языков Старого Света, в которых формируются зачатки будущих специальных языков науки. Некоторые из черт последующих стилей научного языка можно обнаружить уже древнеегипетских медицинских и математических папирусах, с одной стороны, в многочисленных древнемесопотамских сочинениях преднаучного характера, с другой. Для вавилонской науки и близких к ней сочинений, создававшихся в других областях Древнего Ближнего Востока (в частности, в Эбле), характерна установка на подробное перечисление имен существительных, обозначающих различные явления внутри определенного семантического поля. Основным жанром таких сочинений являлся тот, который можно было бы назвать предэнциклопедическим. Для него имена существительные были наиболее часто используемой языковой категорией. Несомненны связи истоков древнегреческой науки с этой древнеближневосточной традицией. В свою очередь последующая арабская, средневековая еврейская и позднейшие европейские научные традиции опираются на античное (греческое и этрусско-римское) наследие. С лингвистической точки зрения можно говорить об усилении противопоставления имени существительного, на основе которого формируется научная

терминология, и глагола; в нейролингвистическом плане очевиден рост роли левополушарных (височно-теменных и лобных) механизмов (бесспорно, что создание компьютеров можно рассматривать как вынесение вовне некоторых из левополушарных функций).

7. Пути семантических исследований.

Распределение семантических и грамматических типов значений в мозге

Лет сорок с небольшим назад нашу тогда дружно работавшую группу совсем молодых лингвистов привлекала задача автоматического (машинного, как мы тогда говорили) перевода (в полном виде, о котором мы тогда мечтали, она до сих пор остается нерешенной, несмотря на наличие нескольких коммерчески используемых программ, способных дать несовершенный перевод некоторых видов текстов)⁷¹. Нам вскоре стало ясно, что и для решения этой задачи, и для языкознания в целом одна из возможностей состоит в таком описании семантики, которое позволило бы установить соответствия между словами через создаваемый нами искусственный язык (меня тогда манила мысль о переосмыслении всей лингвистики как науки об отношениях между системами, уже существующими или создаваемыми нами метаязыковыми).

⁷¹ О грубых, хотя и забавных ошибках, свидетельствующих пока об очень низком уровне части (прежде всего семантической) работающих программ, говорит недавний опыт машинных переводов биографий, сделанных для ведомства итальянского премьера Берлускони: Stille 2002. Несмотря на иногда делающиеся широковещательные заявления (напр., Ten Hacken 2001), развитие используемых на практике лингвистических алгоритмов и компьютерных программ автоматического перевода за последние полвека шло крайне медленно, отставая и от лингвистической теории, и от быстрого роста компьютерной техники, в которой за это время сменилось пять поколений машин.

Одной из главных проблем была сходная с той, которая ниже обсуждается по поводу грамматики: что в семантических структурах совпадает в разных языках? Я занимался одним из диалектов бамилеке (Камерун) со студентом университета Лумумбы Антониом Зумафо. Для типологических сопоставлений я выбрал присутствующее в разных языках противопоставление большого (увеличительность) и малого (уменьшительность) и рассмотрел его выражение в языках Африки, где в некоторых группах (например, в языках банту) оно грамматикализуется — выражается особыми префиксами именных классов. Результаты оказались неожиданными: отношения отмеченности (маркированности), которыми, в частности, объясняется асимметричность производных типа *небольшой, недлинный, нестарый, величина, длина*, не совпадают в европейских языках, на основании которых строилось предположение об универсальности такой асимметрии, и в других языках мира. В тех языках, которыми часто ограничивался кругозор писавших о семантике, главной точкой отсчета были прилагательные типа *большой*, а в африканских и других языках — слова со значением *маленький*, хотя (как это обычно по отношению к надфонологическим уровням языка) можно спорить о критериях немаркированности. Более бесспорными и поэтому еще более удивительными оказались алеутские отрицательные формы, где выбор отрицаемого слова семантически почти всегда отличен от привычного для нас: *ugupu-g'-ulux* 'память' = 'не-забывчивость', *taga-da-g'-ulux* 'ветхий, старый' = 'не-новый', *salu-g'-ulux* 'ненастье' = 'неясная погода'.

В пору работы над построением системы семантических соответствий в машинном переводе мы перебирали разные способы, для этого предлагавшиеся. На этом пути выработалась идея толково-комбинаторного словаря. Когда позднее (к тому времени я в этих работах уже не принимал участия) в пробные статьи этого словаря стали входить и подобия кратких энциклопедических характеристик описываемых словами вещей, я задумался о соотношении синхронной лингвистики и наук, которые эти вещи должны описывать (в диахронической работе я все время этим занимался: «слова и вещи» я со

своими соавторами подробно описывал по отношению к индоевропейскому и его диалектам). Вероятно, лингвистам следует учесть дискуссию о соотношении языковых и внеязыковых категорий, продолжающуюся в логических публикациях⁷². Мне кажется многообещающим тот подход к языковым значениям, который был намечен Витгенштейном. Он исходил из того, что каждому значению соответствует особая «языковая игра» или набор операций (не только собственно языковых или умственных, но и физических), которые совершает говорящий. При таком операциональном подходе, безусловно, недостаточно только внутриязыковое определение значений, которое, например, издавна было принято в толковых словарях.

Одновременно с машинным переводом группа в Лаборатории электромоделирования, с которой я сотрудничал начиная с 1957 г., занималась лингвистической и логической проблематикой построения такой системы понятий (понятийной базы, сказали бы мы теперь), которая данную область знания представила бы в компьютере (вычислительной машине, говорили мы тогда). Мне и теперь кажется, что для автоматического перевода текстов в одной определенной области такая задача должна быть решена предварительно: имея полный набор ключевых понятий и отношений между ними, можно подойти к такому анализу текста, который сделает возможным адекватный перевод⁷³.

С середины 1970-х гг., продолжая заниматься афазиями (тогда в лаборатории Э. И. Канделя в Институте неврологии и в сотрудничестве с группами Межеевской в Польше и Дресс-

⁷² Ср. Parsons 2001 и другие статьи в том же сборнике, обсуждающие и продолжающие идеи Черча.

⁷³ Из существующих программ, в какой-то степени реализованных и имеющих применение, на сходных с излагаемыми принципах основана система Microkosmos, разработанная С. Нидербургом и включающая более 6 000 основных понятий, и система Kant, см. в Интернете об этой и других работающих системах машинного перевода: <http://www.promt.ru>. Пользуюсь случаем поблагодарить Е. В. Падучеву за соображения, высказанные в связи с этой проблематикой.

лера в Австрии), я много думал о выводах по поводу языковых функций двух полушарий в свете изучения функциональной асимметрии, оживившегося после успехов Сперри и тех, кто (как Зайдель) занимался с ним вместе работами по расщепленному мозгу. Позднее авторов нейролингвистических теорий языка упрекали в том, что в них одно неизвестное — структура языка и его семантика — объяснялась через еще более неизвестное — мозг. Но в нашей группе речь шла о проверке («фальсификации» в смысле Поппера⁷⁴) гипотез с помощью экспериментов, планы и результаты которых мы старательно обдумывали. Я работал вместе с ленинградскими психиатрами Л. Я. Балоновым и В. Л. Деглиным и с их сотрудниками по лаборатории в Институте им. Сеченова. Их исследования, фонетическую⁷⁵ и отчасти синтаксическую⁷⁶ части которых они успели опубликовать до смерти обоих выдающихся психиатров, строились на обследовании больных, которых лечили односторонними электросудорожными шоками.

На протяжении примерно часа после шока больные, которых мы изучали в одной из ленинградских психиатрических клиник, медленно приходили в себя. В это время в общении с врачами, проводившими эксперимент, участвовала в основном та область мозга, которая не была задета непосредственно электрошоком (он мог быть правосторонним и левосторонним, а внутри каждого из полушарий височным — более задним или лобным — более передним). Полученные в это время протоколы обследования семантических ассоциаций у больных я расписал полностью в соответствии с предложенной мной классификационной схемой. Эта работа была вместе со мной доведена Т. В. Черниговской до уровня, когда статистически надежные результаты можно было обработать на компьютере по программе, разработанной В. В. Меньшуткиным (представленные на диаграммах Венна итоги этой работы показаны на иллюстрациях 1—13). Задним числом запись, в частности, семантическая, мне теперь представляется достаточ-

⁷⁴ Поппер 1983.

⁷⁵ Балонов, Деглин 1976.

⁷⁶ Лотман (ред.) 1983.

но несовершенной, но это не мешает тому, что полученные с ее помощью выводы могут быть полезными. Помещая на рис. 1—13 представление результатов обработки этих данных, я отдаю себе отчет в том, что это — только начало возможных дальнейших исследований. В полученных нами в начале 1980-х гг. при истолковании компьютерных данных результатах мне представляются самыми интересными следующие.

Для контрольных испытаний и для всех четырех локализаций электрошоков характерными являются такие семантические операции, которые объединяют мозг в целом. К ним относятся слова, соответствующие квантору общности («весь»⁷⁷), установление семантического тождества и вхождения в семантическое поле, классифицирующие эпитеты (в частности, бинарные). Только к правому полушарию в целом относятся конкретные термины. Только к левому — логические определения. К височным (не лобным) функциям относится в обоих полушариях комбинаторная семантика, приблизительная синонимия, конструкции неграмматического характера. К лобным (не височным) функциям в обоих полушариях относятся: синтагматическо-семантические связи, разрешение омонимии, поэтические ассоциации. Когда функционирует левое полушарие и правая лобная доля, осознается грамматическая схема, используются эгоцентрические слова (шифтеры по Якобсону), глагол существования (связка), вводится квантифика-

⁷⁷ Хотя квантор общности с нейролингвистической и логической точек зрения выделяется как важнейший элемент семантической структуры, диахроническая лингвистика свидетельствует об отсутствии у него единого древнего выражения в индоевропейском: балто-славянский термин (русск. *весь*), имеющий соответствие в индоиранском, противостоит древнему философскому и мифологическому слову, общему для греческого (начиная с микенского *pa-na-t-*), тохарского (*pont-*) и южноанатолийского, тогда как (при возможной связи северноанатолийского — хеттск. *hum-ant-* с итальянским — лат. *omni-s* «весь») германский (где слово — случайно? — напоминает прасемитское и праафрозиятское слово, имеющее, правда, отсутствующий в германском согласный **k-* в анлауте) и остальные индоевропейские языки пользуются словами других корней.

тор (числительное), осуществляются операции по связи слов внутри семантического поля (иначе говоря, эта локализация ближе всего стоит к идее объединения логико-грамматических операций в связи с левым полушарием, функции которого давно сближались с характерными занятиями правой лобной доли). Когда функционирует левое полушарие и правая височная доля, осознаются пространственные уточнители, глаголы с предложным управлением, градуальные семантические оппозиции, осуществляются словарные трансформации. Когда функционирует правое полушарие и левая височная доля, отмечаются клише, существительные без эпитета, проводятся отрицательные трансформации, называются семантические различительные признаки.

Предложенные характеристики носят предварительный характер. Результаты зависели, в частности, от того, как были наложены электроды (мне было нелегко, например, сформулировать отличия ассоциаций при правостороннем лобном шоке). Данные, полученные на психически больных людях, которых лечили односторонними электросудорожными шоками, нужно соотнести с результатами, которые сейчас можно получить на нормальных людях. Но уже начало этих наблюдений позволяет рассчитывать на уточнение многих сторон понимания семантики.

Нейролингвистическое описание больных, которым делали электрошоки, привело меня к гипотезе, что у них (а скорее всего и у многих других жителей Ленинграда в 1970-е гг.) в левом (доминантном по речи) полушарии кроме собственно языка находился и некоторый набор сведений о повседневной жизни, включавший, напр., и соображения о преимуществах жизни в отдельной квартире или более высокой зарплате. Для описания этого рода, без которого собственно языковая характеристика осталась бы неполной, потребовалась бы и полевая антропологическая (этнологическая) работа по характеристике среднего жителя данного города.

По-видимому, при исследовании функционирования языка в норме задача будет состоять в выборе таких ситуаций, где можно изучать не отдельные слова и (как другой полюс) не говорение вообще (и то и другое уже делается), а определен-

ные семантические и грамматические типы слов и конструкций. Очевидно, что хотя кора обоих полушарий мозга и некоторые другие части центральной нервной системы участвуют в любом процессе речи, тем не менее существует и специализация в распределении (размещении по мозгу) функций, частично выявляющихся при афазиях. Но начатое еще в первые десятилетия прошлого века изучение функций (в том числе и речевых) каждого из полей Бродмана пока еще в очень слабой степени проверено не на патологическом материале.

В конце 1950-х гг. Лурия несколько раз безуспешно предлагал лингвистам наладить совместную работу по психолингвистическому изучению семантических полей и групп слов, связанных чисто звуковыми ассоциациями. Как показало несколько предварительных экспериментальных исследований (в частности, ставившего опыты в его лаборатории польского психолога Марушевского), выработав кожногальванический (ориентировочный) рефлекс на одно слово (скажем, *кошка*), можно дальше исследовать степень ассоциативной связи с ним других названий животных, входящих в то же семантическое поле, или (в частности, у умственно отсталых детей⁷⁸) слов, рифмующихся с ключевым (*кошка—окошка*) или напоминающих его звуковым составом. Мне казалось особенно привлекательным в этих исследованиях то, что степень близости слов можно померить, определяя соотносительную интенсивность ориентировочного рефлекса на каждое слово. Понятия семантического поля и группы рифмующихся слов, введенные в исторической семасиологии и поэтике, получают психологическую экспериментальную поддержку и могут быть проверены на опыте.

В начале 90-х гг. я увлекся программой сравнительного изучения семантики, задолго до того развернутой Шпитце-

⁷⁸ Ср. Виноградова 1956, Соколов 1982. Возможно, что при этом важен возраст, потому что многие (если не все) дети проходят период увлечения рифмоподобными связями, но у немногих они остаются главными и преобладают над смысловыми. Вместе с тем в некоторых жанрах (например, гаданиях и предсказаниях) замена смысловых связей чисто звуковыми кажется вполне обычной.

ром на материале многих европейских языков (в их число у него входил и русский). Сравнивая разные способы языкового выражения ключевых слов и понятий «иудейско-христианской культуры», к которой он относил и некоторые термины, заимствованные из античной традиции, Шпитцер открыл пути развития значений многих из них.

В качестве более раннего примера взаимодействия большого числа языков, составлявших культурное и религиозное единство на территории, представлявшей одно целое, я на протяжении многих лет (начиная с первых обсуждений еще в 1955—1956 гг. с безвременно умершим В. С. Воробьевым-Десятовским, показавшим мне тогда еще не напечатанный двуязычный текст на тохарском В и санскрите из собрания бывшего Азиатского Музея в Ленинграде) занимался ситуацией Восточного Туркестана главным образом I тыс. н. э. Основной религией, выражавшейся на многих языках (санскрите, пракритах, пали, тохарском А и В, хотано-сакском, муртуцком сакском и других сакских, согдийском, древнетюркском, китайском), там был буддизм⁷⁹. Зимой 2001 г. в Университете Калифорнии в Лос-Анджелесе я осуществил свое давнее намерение на специальном семинаре разобрать некоторые из главных буддистских понятий, способов их выражения на каждом из этих и других основных языках буддизма (классическом тибетском, японском) и текстов, где они используются. Меня занимали буддийские идеи и образы, интерес к которым я в ранние годы перенял от отца. В отличие от Московского университета, на философском факультете которого за несколько лет до того я собрал большую группу студентов, занимавшихся тохарскими буддийскими текстами в сопоставлении с санскритскими и с блеском сдавших мне экзамен, в Америке желающих заниматься нашлось мало, поскольку курс был необязательный. А аспиранты и так перегружены и не хотят делать ничего, что непосредственно по их

⁷⁹ Наряду с ним представлено манихейство, несторианское и другие виды христианства, маздеизм и ряд других религий, см. недавний обзор данных: Tremblay 2001, р. 137—182 (сведения о языках и памятниках Центральной Азии домонгольского времени).

представлениям не годится для будущей карьеры. Тем не менее несколько желающих заниматься со мной появилось, главным образом из числа приезжих (из Ирана и Швейцарии).

Мы занимались, например, тем, как соотносится:

- 1) санскрит. *dharmā* 'закон, учение' — одно из основных трех «сокровищ» (*ratna-*) или «прибежищ» (*śāraṇa-*), на которых основан буддизм, = пали *dhamma* = тох. *A mārkampal* = тох. *B pelaiḱne* = тибет. *chos*⁸⁰ = кит. *fa* = япон. *hō* или *datsuma*;
- 2) санскрит. *dhyāna* 'сосредоточенность, медитация, погруженность в медитацию' = пали *ch'anna* = тох. *A plyaskem (-n)* = тох. *B ompalḱoññe* = тибет. *bsam gtan* = кит. *ch'an(-na)* = япон. *zen(na)* = корейск. *son* = вьетнам. *thiè/ên*;
- 3) согдийск. *kty'ky nyztk* 'ушедший из своего дома'⁸¹ = тох. *A wašt-ä-ṣ lantu* 'ушедший из дома' = 'монах или Бодхисаттва'⁸² = др.-тюркск. *barq-ḱin ün-miš* 'ушедший из дома' (др.-тюркск. *barq-* 'имение, дом' + отложит. п. *-ḱin*; *ün-* 'уйти из родительского дома' + *-miš*) = кит. *ch'u kia jen*; ср. тибет. *k'yim-med-ḱa* 'бездомный' (о бездомном священнике⁸³);
- 4) хотано-сакское *ḱiṇa* < санскрит. *ḱiṇya* 'достоинство, заслуга, кармический результат волевого исполнения благих действий' > пали *ḱiṇṇa*, тох. *A ḱiṇi* = тох. *B yarp-o* (от глагола *yarp-*) = тибет. *bsod nams* = кит. *fu*;
- 5) хотано-сакское *byūh-* 'изменить, перевести'⁸⁴ (др.-хотанск. 1-е л. ед. ч. *byūh- ḱmā*) < **vi-yauf-ya-* < иранск. *vi-*

⁸⁰ О тибетском соответствии этому и другим терминам: dGe-'dun Chos-'phel 1985, p. 243 и сл.

⁸¹ McKenzie 1976, p. 54—55, 108, 167.

⁸² Sieg, Siegling 1921, 304 5. Слово оказалось существенным для пьесы «Представление о Встрече с Буддой Майтреей», недостававшие листы которой сравнительно недавно найдены и изданы: Xianlin, Winter, Pinault 1998.

⁸³ Jashke 1987, p. 47.

⁸⁴ Emmerick, 1968, p. 106, ср. об этимологии Bailey 1967, p. 264 (предложено сопоставление с осетин. *aejjafyn/aejjaeft* 'догонять, застигать, настигать', ср.: Абаев 1958, 1, с. 124—125).

y[a]ur- > согдийское **yauf-* в *ṛč-ywf-s* ‘μετεμορφώθη = *transfiguratus est*’;

- 6) санскритск. *tathāgata-* = пали *tathāgata-* = тох. *A tämne-wākñā kakmu* = тибетск. *de bzhin gsegs pa* ‘так (таким образом) пришедший’ (имя Будды);
- 7) хотано-сакское *gyastānu gyastä- gyastānu gyastibalysi* ‘Будда (*balys-*)-бог, бог богов’ = согдийск. *by'nby tm rwty* ‘Будда (*rwty*), самый божественный из богов’⁸⁵ = тохар. *A ñākt-asši pātā(-)ñākt-es* ‘Будда (*pātā*), бог богов’ = тохар. В *ñāktem = nts ñākte pud(-)ñākte* ‘Будда (*pud*)-бог, бог богов’ = др.-тюркск. *ṭḡri ṭḡgrusi burxan* ‘Будда, бог богов’.

Достаточно широкий набор таких соответствий однозначно определит вторичную понятийную систему, надстроенную над каждым из рассматриваемых языков.

Число таких вторичных систем в мире может быть значительно меньше, чем число языков. Потому что одна и та же понятийная система может лежать в основе семантических структур многих языков. Это касается не только эпохи развитого научно-технического сознания и предшествовавшего ему периода становления религиозно-философских систем осевого времени (по Ясперсу). И до этого семантика многих языков, например Севера Евразии и Америки, могла объединяться надстроенными над соответствующими языками ритуальными и мифологическими категориями шаманизма. Аналогичная возможность объединения однотипных семантических полей может предполагаться и сходством материальной культуры и социально-экономических структур, скажем у кочевых народов степных частей Центральной Азии. Культурная антропология прямо связывается со сравнительной семантикой.

В качестве примеров многих терминов первоначально шаманистского происхождения, распространение которых в разных языках может представить интерес для истории соответствующих культурных явлений, можно было бы привести

⁸⁵ Benveniste (éd.) 1946, p. 84—85; строки 1472, 1498, 1500, 1503.

наряду с названиями шаманского бубна, объединяющими некоторые языковые группы Северной Америки и Центральной Азии, также одно из ключевых шаманистских понятий, обозначающих «счастье» и «душу» (человека или домашнего животного, как древнетюркск. *qut* «счастье, блаженство, душа», в том числе в сочетании «душа скота», напоминающем древнеиранское авестийское выражение с тем же смыслом) и соответствующую духовную субстанцию, управляемую шаманом (в енисейском кетском); сходный термин обнаруживается и в древнем доиндоевропейском сакральном языке Малой Азии 3-го и 2-го тыс. до н. э. — хаттском, что представляет значительный интерес для выяснения некоторых юго-западных ареалов распространения шаманизма в эту раннюю эпоху.

8. Грамматикализация лексем и лексикализация грамматических форм

Благодаря недавним работам П. Хоппера и других авторов усилился интерес лингвистов к явлению грамматикализации. В более широком плане с ним связан происходящий во многих языках (хотя бы в части из них — циклически) переход от аналитического изолирующего («аморфного») типа, где (как во вьетнамском) грамматическая характеристика слова целиком определяется его местом в синтаксических сочетаниях, к принципиально отличному типу, предполагающему использование грамматических слов, которые на этапе выработки следующего синтетического типа становятся служебными морфемами внутри словоформы⁸⁶. По отношению к це-

⁸⁶ См. выше об изнашивании морфем как факторе перехода от флексии к анализу. В языках с достаточно длинной обозримой предысторией и письменной историей циклы развития от синтеза (напр., в доисторическом китайском, где еще отражены прасино-тибетские падежи и каузативные морфы глагола) до анализа (в классическом китайском) и снова к синтезу (в двуморфных сложениях типа *žen'-mən* 'люди=народ' в байхуа, Драгунов 1962, с. 82—83, §66, слово возникло, быть может, из сложения с кит. **min* 'народ' < тиб.- кит. *mi-n-*, Peiros, Starostin 1996, p. 28, N 101, но ср. обычно предлагаемую этимологию, сравнивающую слово с названием «ворот» на основе иероглифических написаний, Поливанов 1968, с. 174, 341, с дальнейшей библиографией: <**-mün*, Peiros, Starostin 1996, p. 45, N 161; также в местоимениях: Gabelenz 1953, S. 110 [§248], 173 [403], см. выше, примеч. 36, о чукото-корякской типологической параллели и хронологии данной формы в китайских текстах) повторяются в обратном порядке. По-

лым классам слов удастся выяснить встречающиеся в большом числе языков и в этом смысле универсальные закономерности превращения лексически полнозначных («полных» в китайской грамматической терминологии) слов в грамматические служебные («пустые» в китайской терминологии) слова, которые потом могут становиться морфемами. Сравнивая однотипные процессы в нигер-конго (нигер-бенуэ, в частности, банту), эскимосском, севернозападнокавказских и индоевропейских языках, можно обнаружить, что существительные, которые могли обозначать части тела и иметь поэтому показатели неотчуждаемой принадлежности, становятся отвлеченными релятивными именами (в смысле работы Филмора о падежах). Потом они превращаются в наречия с пространственным значением и в предлоги или послелого в зависимости, главным образом, от намеченной Гринбергом специфической для каждого конкретного языка типологической склонности к препозиции или постпозиции основных элементов предложения по отношению друг к другу. Послелого дальше могут становиться падежными окончаниями. Так возникает в ряде западноиранских языков — белуджском, мазандеранском, шамерзади, гилянском, татском — косвенный падеж (вин. или вин.-дат.), сходный по происхождению с фарси *-rā*, таджик. *-ro* (послелог или отделимое именное окончание, функционально близкое к винительному падежу, выражающему определенность объекта), из послелога **radiy* ‘для’, откуда и ср.-перс. (пехлеви) *rāy* ‘по причине, для’, парфян. *rād* ‘по при-

этому (вопреки Есперсену и Мещанинову) нет оснований предполагать всегда одно направление движения — от синтеза к анализу (или к агглютинации, по князю Трубецкому представляющей собой оптимальный тип морфологической организации языка). Но отмеченная князем Трубецким относительная редкость развитых систем склонения (типа северновостокавказских) могла бы указывать на то, что многие языки мы наблюдаем на этапе (витке цикла), когда склонение заменилось аналитическими формами (что и отмечал Есперсен, из-за ограниченности хронологических рамок, доступных для истории языка в его время, не принявший, однако, во внимание длительности всего периода, на котором можно обнаружить смену разных циклов).

чине, для⁸⁷, др.-перс. *baga-hya radiy* 'бога ради'. Воздействием последней конструкции объясняется и ст.-слав. **бога ради**.

Поразительный пример того, насколько достоверными могут быть реконструкции дописьменного состояния языка в этой его сфере, можно привести из обобщающей индоевропейстической книги Мейе, последнее издание которой при его жизни относится к 1930-м гг. (тогда же вышло и второе издание ее русского перевода). Мейе на основании пронизательного сравнения форм предположил, что индоевропейские наречия и глагольные приставки представляют собой окаменевшие падежные формы имени. Эта реконструкция в целом и некоторые конкретные восстановленные Мейе основы и их падежи этого типа нашли полное подтверждение в изученных в основном в последней трети прошлого века (спустя больше чем столетия после выхода первого издания книги Мейе) фактах древнехеттского языка (XVII—XVI вв. до н. э.), где наречиям этого типа соответствуют релятивные пространственные имена, с грамматической точки зрения неотличимые от существительных: они соединяются с управляемым ими другим существительным в родительном падеже, и к ним, как к другим существительным, присоединяются постпозитивные притяжательные местоимения. Реконструированной Мейе парадигме основы со значением «перед»⁸⁸ соответствует др.-хеттск. *peran* 'передняя сторона, перед' < **per-o-m*, которое грамматически себя ведет как тематическое существительное среднего рода с неразличением именительного и винительного падежей (засвидетельствовано в именных конструкциях с предшествующим родительным типа *ḥaššūwaš peran* 'перед царем' и в сочетании с притяжательным местоимением *-šet*: *pera-ššet* < **peran-šet* 'перед-его'); восстановленному Мейе падежу этого существительного на **-ō* (>лат.

⁸⁷ Также уже и (в более редких случаях) в значении показателя косвенного объекта: Расторгуева 1966, с. 126—128; Расторгуева, Молчанова, 1981, с. 139—140, 229; Brunner 1977, р. 148—155. О других современных западноиранских языках: Расторгуева 1975, с. 191—194.

⁸⁸ Мейе 1938, с. 209, 355.

prō, лит. *prō*, русск. *пра-*) отвечает др.-хеттск. директивный падеж *pa-ra-a* 'вперед, по направлению к той стороне пространства, которая впереди перед говорящим'. Восстановленная Мейе парадигма основы **er-*, к которой восходит греч. ἄπο, в древнехеттском соответствует *arpan* < **e/o-ro-m* 'задняя, обратная сторона' (*atta-š-ma-š arpan* 'за моим отцом'), директив *arra*. Производное прилагательное *arr-izzi(ya)* 'последний' с древним индоевропейским суффиксом пространственных и социальных отношений **-tyo-* подтверждает архаизм именных форм, образованных от этой основы. Замечание Мейе о том, что наречие, отраженное в греч. ἀντί, лат. *ante*, представляет собой «местный падеж на *-i*»⁸⁹, также подтверждается фактами хеттского языка, где есть родственные формы наречий — превербов *hant-i* (дат.-местн. пад.), *hant-a* (директив). Основа *hant-* в древнейшей хеттской надписи Анитты засвидетельствована в качестве второй части архаического словосложения *men-a-hhand-a* 'навстречу, напротив' (ср. еще более древнее название города этого типа *Puruš-hand-a*, известное уже в ранних документах из староассирийских колоний начиная с XXII в. до н. э.; к первой части ср. др.-инд. *puruṣa-* 'человек' в начале сложных слов и индоевропейский этноним племени, откуда название пруссов в балтийском); в древних текстах часто встречается прилагательное *hant-ezzi(ya)* 'первый, первого разряда', построенное по тому же типу, что *arr-izzi(ya)* 'последний', приведенное выше (ср. тот же тип в родственном лат. *anterior*). Хеттская основа сохранилась и в первичном конкретном значении 'лоб' (также *Hant-a-šera* 'Божество Лба'), следы которого есть в других индоевропейских языках и в родственной основе со значением «нос, лоб, профиль» в афроазиатском (др.-египет. *hnt* с чадским соответствием). В этом случае удастся проследить по отдельным языкам различные этапы грамматикализации от первичного значения части тела до предлога и приставки с абстрактным значением.

⁸⁹ Мейе 1938, с. 208. В этом издании уже упомянуты соответствующие формы хеттского языка, но Мейе еще ничего не знал о древнехеттском.

В таких разных группах языков, как северозападнокавказские, бурушаски, восточноавстронезийские, балтийские и некоторые другие индоевропейские, можно проследить образование суффиксальных или префиксальных показателей двойственного числа благодаря грамматикализации числительного «два»⁹⁰.

Обратный грамматикализации процесс лексикализации приводит к образованию окаменелых грамматических форм, употребляющихся в качестве лексических уточнителей, например, времени. Русск. *бывало* (*Бывало, писывала кровью / Она в альбомы старых дев* у Пушкина в «Онегине») представляет собой лексикализованную форму от глагола *быть*. В южно-анатолийском лувийском языке обнаружена точно такая же наречная (исторически глагольная) форма *riwa* 'раньше, прежде' от той же индоевропейской глагольной основы, восходящей к лексически полнозначному глаголу: индоевропейск. **b^huH-* 'быть < расти' (русск. *бытие, бывшее* : *быльё, былинка*) : уральск. **рууе* 'расти' / **-рих-ti* 'дерево', кушитск. **fu?* < афроазиатск. 'расти — о растениях'⁹¹ (алтайские факты объясняются позднейшей перестройкой основ при том же движении к семантике глагола-связки и глагола бытия⁹²).

При лексикализации суффикса он может стать отдельным словом. Это чаще происходит с морфемами, имеющими деривационное значение. В русской разговорной речи и в печати 1920-х и 1930-х гг. и позднее так иронически использовался суффикс *изм*, особенно во множественном числе; у Маяковского наряду с этим встречается и такое же использование род. п. мн. ч. *истов*⁹³; сходным образом как отдельное слово словопроизводящий суффикс *ец* (в форме родительного множественного *ецов*) используется в прозе Хлебникова. Одним из классических примеров лексикализации падежного оконча-

⁹⁰ Иванов 1981, с. 19—20 (библиография).

⁹¹ Ivanov 2001. Об афроазиатской реконструкции Ehret 1995, р. 111, N 97.

⁹² Старостин 1991.

⁹³ Винокур 1991, с. 358.

ния, становящегося отдельным словом, является англ. *bus* «автобус», через промежуточные формы (французское, общезападноевропейское и английское название транспортного экипажа-омнибуса из лат. *omni-bus* «для всех» от *omni-s* «весь», ср. об этимологии в предыдущей главке) восходящее к латинскому падежному окончанию дат. п. мн. ч. *-bus* (с индоевропейским диалектальным субморфом **-bh-*, см. выше). При лексикализации значение сужается и специализируется. Явление показывает отсутствие жестких границ между этими уровнями языковых значений. Хотя теоретически можно стремиться разграничить исследование только грамматических значений словоформ и синтаксических словосочетаний и только лексических значений слов (как словарных единиц) и фразеологических сочетаний, число промежуточных случаев оказывается большим. Деривационные значения легко становятся реляционными, и поэтому словообразование соединяет лексику и грамматику. Рассмотренный выше (примеч. 36 и 86) китайский суффикс *-тэп'* (из возможной второй части сложения с существительным «народ» или «клан, род; те, кто внутри ворот = домочадцы») может служить примером такой постепенной грамматикализации, при которой число и семантика существительных, к которым он мог присоединяться для обозначения собирательности или «групповой» множественности, были на протяжении значительного отрезка времени строго ограничены. Иначе говоря, из имени существительного (функционировавшего в качестве второго элемента словосложения) эта морфема превратилась в деривационный суффикс с ограниченной сферой употребления, внутри которой ее значение стало развиваться в сторону собственно грамматического (ограниченного множественного числа). Диахронические и синхронические факты этого рода позволяют наметить такую иерархию значений, которая бы помогала выявить вероятное движение от лексических значений к деривационным и реляционным при постепенном расширении сочетаемостных возможностей морфемы, прodelьвающей этот путь.

9. Какие грамматические структуры совпадают в разных языках?

При подвижности границ между грамматическими и лексическими морфемами набор тех категорий, которые выражаются с помощью обязательных морфологических или аналитических синтаксических средств в разных языках, относительно очень ограничен. Но пока полного их перечня ни в одной общетипологической работе нет. Во второй половине завершившегося века предварительные типологические исследования велись в СССР главным образом в Ленинграде, в группе, возглавлявшейся сперва А. А. Холодовичем (одна из основных работ которого о залоге и диатезе выполнена совместно с И. А. Мельчуком, выпустившим впоследствии уже в эмиграции наиболее детальный свод общей морфологии, включающий набор основных категорий), а потом В. С. Храковским, эта группа и работавшие с ней вместе лингвисты многое прояснили в характере глагольных категорий; в 1970—1980-х гг. я вместе с Т. М. Николаевой и другими московскими лингвистами участвовал в аналогичной работе по категории определенности и некоторым другим именованным категориям, в частности притяжательности и лишительности, в Москве в Секторе структурной типологии Института славяноведения. Одновременно широкую программу типологических исследований выполняла в США группа в Стэнфордском университете, занимавшаяся языковыми универсалиями под руководством Джозефа Гринберга, который сам сформулировал несколько существенных закономерностей, особенно касающихся порядка грамматических элементов. Типологические сводки по разным языкам мира в это же время печата-

лись в Кембридже и в других центрах. В Германии в то же время трудилась группа на лингвистическом факультете Кёльнского университета, которую возглавлял Ханс-Якоб Зайлер, чьи наблюдения над посессивностью цитируются выше. Опираясь на эти исследования (к сожалению, по разным причинам в большинстве мест приостановленные или пошедшие по другому пути), можно было бы попробовать уже теперь составить список чаще других встречающихся категорий. Но для сколько-нибудь полного (а тем более желательного исчерпывающего) списка необходима инвентаризация грамматически обязательных (выражаемых и морфологическими, и синтаксическими способами) значений всех известных языков, от чего мы пока еще очень далеки. Поэтому несколько приводимых ниже иллюстраций носят совсем предварительный характер. Сделаю оговорку относительно приводимого здесь материала. Для решения задач, связанных с типологией, я с конца 1950-х гг. начал учить разные языки, кроме индоевропейских и древнеближневосточных (шумерского, аккадского, хурритского), на которых были сосредоточены мои усилия в университете и в аспирантуре. В Институте востоковедения, где я вместе с Лекомцевым в 1960-х гг. работал («на общественных началах», т. е. не получая за это денег) в группе структурного изучения восточных языков, я регулярно занимался тагальским (с филиппинским эмигрантом, писавшим стихи на пампанго — одном из менее известных языков острова Лусон) и индонезийским; классическому тибетскому я в начале 1960-х гг. там же учился у Ю. Н. Рериха, когда он вернулся в Москву из эмиграции; японским, как и китайским, я занимался с 1959 г. во время работы в Институте точной механики и вычислительной техники, где руководил группой, среди прочего готовившей машинный перевод с двух этих языков, а представление о корейском удалось получить еще раньше с помощью одного из друзей по аспирантуре, приехавшего из Кореи. Талантливый аспирант (а потом докторант) Нгуен Хай Зьонг, дважды наведывавшийся в Москву для длительных занятий (фонологией и афазиями), учил меня вьетнамскому языку (особенно запомнился вечер вьетнамских стихов во Вьетнамском содружестве, показавший

мне степень понимания метрики, основанной на тонах, у очень широкого круга вьетнамцев: практически у всех них в период усвоения родного языка развивается музыкальный слух, что представляет огромный интерес для общей теории обучения языку и музыке, которая должна быть основана на принципе своевременного упражнения унаследованной функции в духе увенчанной Нобелевской премией работы Хьюбела и Уизела). Языковая пестрота тогдашнего Советского Союза облегчала хотя бы поверхностное знакомство с северокавказскими, картвельскими, тюркскими и другими алтайскими, уральскими и другими «евразийскими» языками; глубже других я занимался енисейскими во время специальной экспедиции. В те годы многие из нашей группы лингвистов в той или иной мере познакомились с дравидийскими языками (и аустро-азиатскими языками Индии и Юго-Восточной Азии). Некоторые другие языки (африканские, американские индейские), которыми приходилось в разное время заниматься, упомянуты в других главках. При всей недостаточности этого материала он помог мне понять условность схем, принимавшихся многими писавшими на общелингвистические темы (включая Хомского). Но о большинстве языков мира (в частности, о многочисленных австралийских и «тихоокеанских» — например, папуасских) я сужу только по их описаниям, часто весьма несовершенным (и остаются еще вовсе неописанные языки, часть которых скоро исчезнет бесследно).

В большинстве языков, где есть падежи, ими обозначаются основные актанты (отношения между глаголом-предикатом и его аргументами — субъектом, разными объектами, адресатом и т. п.); лишь в некоторых языках, как в северновосточнокавказских, есть большой набор падежей, выражающих пространственные (местные) отношения, что проанализировал в своей книге о падежах Ельмслев (полезные замечания по поводу табасаранского в связи с этим сделал Жирков). На примере старолитовского и тохарских языков можно предполагать, что разрастание такой падежной подсистемы происходит при катализирующем воздействии языка несколько иного типа (в названных языках — уральских). В значительном числе языков те же пространственные отношения выражаются служеб-

ными словами, как это виртуозно описал А. Л. Грюнберг на материале нуристанских языков⁹⁴. Тагальский локальный пассив показывает, что возможно выражение некоторых из пространственных отношений с помощью глагольных форм (локативной диатезы).

В круге языков, которые можно считать членами сибирского языкового союза, грамматикализовано реляционное для этих языков отношение неимения (необладания), которое в енисейских, ительменском и других языках выражает лишительный падеж. В английском такое же значение является деривационным в продуктивных производных (которые потенциально могут быть образованы почти от любого существительного и поэтому приближаются к порогу грамматикализации и соответственно превращения их значения в реляционное) типа *hat-less* 'без шляпы', *top-less* 'с обнаженной грудью' (без верха=без лифчика или другой «верхней» одежды), *job-less* 'безработный' (где суффикс параллелен привативному префиксу в синонимичном *unemployed*). В большом числе языков те же или очень близкие значения выражаются пространными глагольными фразами, соответствующими английскому *to have not* в заглавии романа Хемингуэя.

Трудности, испытываемые большинством западноевропейских лингвистов при описании вида (например, славянского), лучше всего показывают, что эта категория (как и многие другие, характеризующие глагол), далека от того, чтобы быть универсальной. Вероятно, был прав в общем смысле Уорф, когда он высказывал мнение о возможности выражения в американских индейских языках таких глагольных категорий, которые отличаются от временных в западноевропейских языках. Хотя конкретные замечания Уорфа о языке хопи и вызвали обоснованные возражения и уточнения, тем не менее несомненное отмеченное выше (в разделе о глаголе и имени) отличие места глагола в американских индейских языках от того, что наблюдается в языках Западной Европы, в опреде-

⁹⁴ К соотношению морфологических и синтаксических категорий внутри одного языка ср. также нейролингвистические данные, представленные на рис. 3—8.

ленном смысле подтверждает идею Уорфа. Он думал, что мир, описываемый глагольными категориями индейских языков, ближе к физической картине, нарисованной Эйнштейном, чем к механике Ньютона. Можно задуматься над поставленной им проблемой соотношения разных физических моделей и грамматических (в частности, глагольных) категорий разных языков. По-видимому, каждый язык может своими лексическими и грамматическими средствами передать разные модели и образы времени. Развивая идеи квантовой физики, Хокинг говорит о «мнимом» (*imaginary*) времени, которое на языке математики описывается мнимыми числами⁹⁵. Английский язык (как и многие другие языки, достаточно развившие соответствующую терминологию) позволяет излагать разные модели времени в рамках одной книги (в приводимом примере популярной и поэтому пользующейся естественным языком, а не соответствующими уравнениями математической физики). Основными способами языкового описания мнимого времени являются для Хокинга английские модальные глаголы (*can* 'мочь': *the beginning of the universe in imaginary time can be a regular point of spacetime* 'начало Вселенной в мнимом времени может быть обычной точкой в пространстве-времени'⁹⁶), формы будущего времени изъявительного наклонения (*the histories in imaginary time will be a whole family of slightly deformed spheres* 'истории в мнимом времени будут целым семейством слегка искаженных сфер'⁹⁷) и

⁹⁵ Hawking 2001. И здесь, как и во многих других местах моего изложения, наиболее адекватные русские примеры можно привести из Хлебникова, который был всего свободнее в использовании ресурсов родного языка: в его научно-фантастической прозе понимание будущего и (полуироническое) описание будущего искусства с помощью понятия «нет-единицы» (мнимого числа, ср. Иванов 2000, II) близко подходит к тем идеям, которые излагает Хокинг. Мнимыми числами как художественной метафорой пользовались в те же годы Замятин (под влиянием книги Флоренского о мнимых числах) и Музиль.

⁹⁶ Hawking 2001, p. 63. В пределах одного этого предложения описываются две разные модели времени.

⁹⁷ Hawking 2001, p. 94.

сослагательное наклонение (*the universe would be entirely self-contained* 'Вселенная была бы полностью самодостаточной'⁹⁸). Естественный язык имеет средства для выражения содержания любых моделей мира, но его грамматические формы по своим значениям приблизительно соответствуют той «наивной» физике, которая усваивается каждым ребенком к моменту, когда он овладевает родным языком. Эйнштейн, комментируя пугавшее его родителей отставание в его языковом развитии, заметил, что он выучил слово *Zeit* «время» так поздно, когда он уже мог обнаружить, что взрослым его значение непонятно. Автоматизм в выучивании видо-временных форм родного языка пока предохраняет среднего ребенка от опасности стать новым Эйнштейном.

Можно предположить, что многие (если не все) навыки мысли, сказывающиеся у взрослых людей, продолжают тенденции, заложенные в раннем детстве при усвоении родного языка, накладывающего свой отпечаток на способы постижения мира и душевной жизни. Поэтому кажется вероятным, что преобладание имен существительных в функции названий основных единиц и предметов исследования, которое можно считать характерным для научного языка стран Запада (см. раздел 6), должно быть связано с ролью этого грамматического класса слов в языках Западной Европы. Но связь грамматических категорий с мыслительными не может быть однозначной уже потому, что первые усваиваются в раннем детстве и на протяжении жизни даже наиболее передовых мыслителей очень мало подвержены изменениям. Можно предполагать, что набор рано воспринятых грамматических значений влияет на ход размышлений и в зрелые годы. Но если эти размышления в конце концов приводят к необходимости изменения самой формы, в которой сообщаются мысли, взрослый человек чаще всего пробует это сделать с помощью специальной системы знаков (например, математической), отличающейся от обычного разговорного языка.

Чрезвычайно быстрые и все ускоряющиеся темпы развития современной компьютерной и информационной техники

⁹⁸ Hawking 2001, p. 85.

ставят новые вопросы и по отношению к скорости изменения языка. Очевидно, что возможность раннего освоения компьютеров влияет (и в будущем будет влиять еще больше) на то, как складываются языковые навыки младшего поколения, вырастающего на базе компьютерных игр и телевизионных программ. В той мере, в какой во многих (но не всех) странах овладение компьютерными программами связывается с английским языком, темпы компьютеризации могут сказываться на увеличении значимости этого языка для младших поколений в отличие от старших. Из других факторов технологического прогресса, важных для языковых изменений, ср. ниже о возможном влиянии степени эффективности автоматического перевода и о проблемах межязыковых взаимоотношений в космосе, которые со временем могут повлиять и на земную ситуацию.

10. Что создается заново и что запоминается? Текст как целое. Данные нейролингвистики

Бахтин был первым, кто настаивал на необходимости «металингвистики» (Р. Барт предложил позднее термин «транслингвистика») — науки, которая занимается текстом и выходит за пределы предложения, на котором традиционный лингвистический анализ должен заканчиваться. Исследование «дискурса» или обширных отрезков речи стало важной областью лингвистики за последние десятилетия. Не вполне ясно, удастся ли выделение ее в особую науку. На самом деле проблемы, относящиеся к шифтерам или эгоцентрическим словам, очень часто требуют более обширного контекста. Еще в классической арабской грамматике было изучено различие именных форм (имеющих определенный артикль), которые на метаязыках разных школ европейского языкознания соответствуют (психо)логическому субъекту, *теме*, или *данному* (известному из предыдущего текста или из всего контекста ситуации), в отличие от выражаемой именным предикатом (логическим предикатом в терминологии позапрошлого века) *ремы*, или *нового*, характеризующего текущее предложение (см. выше о наблюдении Фреге). В древнеписьменных языках с еще нечетко сложившимся делением текста на отдельные фразы относительные конструкции могут охватывать целые группы предложений. Подтверждаемая вновь открываемыми фактами замечательная реконструкция «индо-хеттских» союзов и местоимений у Стертеванта предполагала отличие вводящих предложение слов, по-разному связанных с предшествующим изложением. В конструкциях с *то* после *если* в русском и других славянских языках отражена эта синтакси-

ческая особенность, объединяющая их с древнехеттским и позволяющая возвести соответствующие структуры текстов (в частности, предправовых и ранних юридических, подобных «Русской Правде») к раннему индоевропейскому («индохеттскому»). В фортуноватовской (московской) школе строгой формальной лингвистики (к которой я примыкаю по своему ученичеству у М. Н. Петерсона) строго различались звательная форма, обращенная к лицу или персонифицируемому предмету вне данного предложения, и все другие падежи, сигнализирующие об отношениях между предметами внутри предложения. К этому различию в самое последнее время снова приходят наиболее вдумчивые грамматисты⁹⁹. Но кроме собственно звательных форм к этой же сфере относятся и грамматически с ними часто сходные повелительные формы, а также разнообразные обращения, титулы, имена, клички, изучение которых продвинулось в самое последнее время благодаря использованию идей прагматики. Последние превратили изучение высказывания в особую новую область исследования. Введение таких понятий, как перформативы, проложило мост между (транс)лингвистикой и философией языка. Кажется, что это — только начало. Когда будет найден способ излагать «доязыковое» содержание высказывания с помощью системы знаков, для этого созданной (в духе тех понятийных баз, о которых мечталось хотя бы по отношению к относительно узким областям знания), окажется возможным на этом языке прагматики формулировать некоторые из тех закономерностей, которые пока за «безхозностью» относят к общей грамматике (как теорию разных видов внеязыковых ситуаций, в естественном языке описываемых посредством разных диатез). Возвращаясь с этой точки зрения к проблеме машинного перевода, можно было бы представить себе такую идеализированную схему анализа текста, которая ставила бы перед собой задачу воссоздания смысла целого, включающего несколько предложений. В этом случае перевод сводился бы не к установлению пословных соответствий (что в структурно различающихся языках затруднительно или даже невозмож-

⁹⁹ McCawley 1988, vol. 2.

но), а к пересказу на другом языке этого общего смысла целого, который и должен связывать переводимый текст на входе и переводящий текст на выходе.

Исследования последних лет, выявившие сходство систем управления звуковой речью и языками жестов типа языка американских глухонемых¹⁰⁰, в то же время подчеркнули значение построения всего текста (например, повествования, прежде всего автобиографического) в целом как отдельной лингвистической проблемы. Только что опубликованные предварительные результаты описания нормальной работы мозга при решении этой задачи¹⁰¹ позволяют поставить вопрос о расширении обычных представлений о речевых зонах и их функциях. Более обширные области мозга вовлекаются в эту работу поэтапно. На первом этапе, до расчленения задачи по отдельным лингвистическим уровням, мозг решает самую общую проблему, которая относится к области транслингвистики или семиотики текста (высказывания, которое по Бахтину и Бенвенисту принципиально отлично от всего, чем лингвистика занимается применительно к системе языка).

Другой стороной соотношения предложения и текста является возможность превращения любого небольшого текста в стандартный элемент построения речи, подобный слову или фразеологическому сочетанию слов. Хотя Гумбольдт и его последователи (как Потемня в России и ранний Хомский в Америке) верно подчеркивали творческий характер «энергии» языка, многие фразы запоминаются и передаются в почти неизменном виде (дети требуют такой неизменности и от гораздо более длинных текстов, рассказываемых им взрослыми). Я не раз сталкивался с этим в занятиях загадками и другими малыми (пареомиологическими) жанрами фольклора, на которых в последние два десятилетия сосредотачивалась ра-

¹⁰⁰ В диахронической перспективе открытое в нейролингвистике последних двух десятилетий приурочение обоих видов знаковых систем к левому (доминантному) полушарию можно пытаться истолковать и как след той глубокой древности, когда язык жестов (у антропоидов ставший основным средством общения) играл еще большую роль и у предков человека.

¹⁰¹ Braun, Guillemin, Hosey, Varga 2001.

бота нашего Сектора структурной типологии в Москве. Едва ли не самым обещающим в этом отношении может стать изучение анекдотов, на ходу возникающих и быстро окостеневающих; Зумафо знакомил меня с анекдотами бамилеке (основанными на несоответствии архаических обычаев и современной жизни), которые настолько же твердо определены по структуре и семантике, как набор загадок, в разных традициях известных обычно каждому члену племени. Не только в общении членов племен, называемых «первобытными», но и в разговорах между жителями современных государств стереотипные тексты, состоящие из последовательности речевых клише, занимают значительное место. Тексты, существенно отличающиеся от общепринятых и поэтому содержащие максимум информации в статическом ее понимании, не всегда оцениваются другими членами коллектива сочувственно. Как показывает история восприятия литературы авангарда в странах Европы за последние полтора десятилетия, поэтические и прозаические художественные тексты, по своему словарю и структуре представляющие радикальное отклонение от традиции, первоначально принимаются очень небольшой группой энтузиастов и могут подвергаться официальным преследованиям и запретам (как роман Джойса). В качестве крайних (но не очень редких) примеров можно отметить такие случаи, когда автор текста признается безумным и даже вынужден согласиться на пребывание в сумасшедшем доме (Арто). Традиционные культуры начиная с фольклорных отбирают ограниченное число текстов в качестве образцовых. Их изучение и полное (в первобытных и архаических обществах) или частичное запоминание составляет основу образования. В современных научных традициях признаются такие области, как история философии, которые целиком основаны на изучении и комментировании ранее написанных текстов. В культурах, ориентированных на иероглифические (логографические) системы письма и на хорошее знание большого числа древних иероглифических текстов, как в старом Китае, сильно вырос срок обучения, охватывавший большую часть жизни (до пятидесяти лет и дальше). Использование памяти компьютеров может привести к наиболее решительному изме-

нению этой части традиционного образования и повлиять на сроки обучения и возраст тех, кто его рано заканчивает.

Современное образование, как составную часть включающее и использование компьютеров, могло бы начать решать задачу радикального изменения соотношения периодов развития молодых людей в отрочестве и юности. Огромные возможности, заложенные в любом (нормальном) ребенке от рождения, используются в очень малой степени в большой мере из-за недостатков раннего (домашнего и коллективного дошкольного), школьного и последующего (специализированного или университетского) воспитания и образования. Нужно уметь воспользоваться теми потенциалами быстрого схватывания и запоминания, которые могут быть раскрыты и полностью применены на самых ранних этапах. В дальнейшем желательно все большее включение возможностей компьютерной памяти, поиска новых данных с помощью компьютеров и других современных информационных средств, позволяющих свести к минимуму традиционную зубрежку. При разумно построенных системах обучения посредством решения задач, расположенных в педагогически осмысленном порядке, проверка правильности решения и организация следующих этапов обучения в большой степени может быть передоверена компьютеру. Уменьшение формальной роли человека-педагога позволило бы подвести его к выполнению задачи выявления и развития особых способностей и индивидуальных черт каждого учащегося. Тогда стало бы возможным добиться быстрого окончания процесса обучения и начала ранней творческой активности в качестве общего правила, а не редкого исключения, практикуемого в настоящее время.

11. Языковая ситуация мира и прогноз на ближайшее будущее

Всего в мире в конце завершившегося века было больше 6000 языков¹⁰². Согласно часто высказывавшемуся прогнозу в ближайшие десятилетия останется не более десятой их части — около 600 языков. Повсеместно осуществляется языковой сдвиг к немногим языкам; большинство языков мира сохраняется на протяжении нескольких поколений только в маленьких группах говорящих преимущественно старшего поколения: из 187 индейских языков Северной Америки 149 уже не выучиваются детьми¹⁰³. У большей части говорящих использование «туземного» языка постепенно переходит к числу функций недоминантного правого полушария, после чего этот (некогда главный в данном коллективе) язык медленно заменяется используемым в доминантном (обычно левом) полушарии главным языком данного общества. В качестве примеров умерших или умирающих языков, с которыми мне самому приходилось иметь дело, я могу назвать енисейский югский (мне удалось записать одну из последних старух, говоривших на этом языке, летом 1962 г.), серрано (мой информант весной 1989 г. мог только комментировать сделанную им магнитную запись мифологических текстов его матери и тетки; в 1994 г. оставался только один говоривший на этом языке) и некоторые другие американские индейские калифорнийские, айнский¹⁰⁴ (в

¹⁰² Ethnologue 2002.

¹⁰³ См. детали, статистические данные и критическое обсуждение с литературой проблемы: Вахтин 2001; Silver, Miller 1997.

¹⁰⁴ По мере исчезновения реальных носителей айнского языка (как и некоторых других, оказывающихся в сходном положении)

декабре 1991 г. в доме для престарелых на Хоккайдо мне удалось найти старуху, помнившую мифологические тексты на этом языке; она мне сказала — «Приезжай еще, я знаю тебе ехать издалека. Но здесь мне не с кем поговорить, кругом одни японцы»). В 1953 г., когда я занимался в Латвии финно-угорским (финно-балтским) ливским языком, на нем говорила еще целая деревня у входа в Рижский залив; к началу этого века оставалось всего несколько говорящих.

По мере вытеснения многих умирающих языков вырастает роль нескольких основных. Изучение самых распространенных языков современности приводит к парадоксальному выводу: роль английского языка уменьшается согласно прогнозу численности говорящих на самых крупных языках на середину XXI в.¹⁰⁵ Языковые последствия глобализации и компьютеризации неожиданны: несомненен провал идеи *melting pot* — котла, где будто бы перевариваются все языки, заменяемые якобы американским английским.

Приведем прогноз численности говорящих на самых крупных языках к 2050 г., подготовленный The English Company U.K.:

Китайский язык	1 384 млн
Хинди и урду ¹⁰⁶	556 млн
Английский	508 млн
Испанский	486 млн
Арабский	482 млн

Динамика изменения взаимоотношения между английским и испанским языками отражена и по совсем недавно напеча-

появляются псевдознатоки, знающие десятка два-три слов и несколько фраз, но выступающие с уроками по телевидению и создающие видимость существования языка.

¹⁰⁵ См. статистические и другие данные: Wallraff 2000.

¹⁰⁶ Когда я занимался хинди в аспирантуре, язык все еще считался одним с урду. Различия, связанные с религиозными, касаются главным образом письменности и лексики (содержащей много персидских и арабских заимствований в урду при значительной санскритизации в хинди).

таным данным переписи 2000 г. в США: рост испаноязычного населения отмечен во всех крупных городах. Это сказалось уже и в предвыборной кампании и языковой политике нового президента, одним из первых шагов которого было проведение в Белом доме церемонии, где и он, и другие видные политики говорили по-испански.

Реальность предполагаемого прогноза на близкое будущее видна из данных о настоящем:

Численность говорящих на основных языках мира¹⁰⁷

Самые распространенные неиндоевропейские языки

Язык	Общее число говорящих / Употребляется как первый, млн чел.
1. Китайский (путунхуа-«мандаринский») (сино-тибетская семья)	1 075 (1052)/ 885(867) ¹⁰⁸
2. Японский (алтайская семья; корейско-японская группа)	126/125
3. Яванский (западная ветвь малайско-полинезийской группы австронезийской семьи)	75,5
4. Китайский диалект/вариант у (сино-тибетская семья)	75,2 (77)
5. Корейский (алтайская семья; корейско-японская группа)	75,0 (78)
6. Вьетнамский (вьетмыонгская группа аустроазиатских)	67,7 (68)
7. Телугу (дравидийская семья)	66,4 (69,7; вкл. двуязычных 75)

¹⁰⁷ Данные в основном по Brunner, В. 2001, р. 474. В скобках (в случае частого расхождения данных разных источников) указывается число говорящих по 14-му изданию (2002 г.) справочника Летней школы по лингвистике Ethnologue: <http://www.ethnologue.com>.

¹⁰⁸ См. также ниже о численности говорящих на отдельных вариантах китайского языка: у, кантонском (юэ), минь (и цзяньоу как одном из вариантов минь, см. ниже), сянь, хакка, гань.

8. Кантонский (юэ) диалект/вариант китайского (сино-тибетская семья)	66 (71)
9. Тамильский (дравидийская семья)	63,1 (61,6; вкл. двуязычных 74)
10. Турецкий (алтайская семья; тюрко-монгольская группа)	59 (61)
11. Вариант/диалект китайского языка минь (сино-тибетская семья)	49 (55 : минь нань 45 + другие диалекты минь более 10)
12. Вариант/диалект китайского языка цзяньоу ¹⁰⁹ (?) (сино-тибетская семья)	45
13/2—3 (?). Египетский вариант разговорного арабского (семитская семья, южно-центральная группа) ¹¹⁰	42,5 (46,3)

¹⁰⁹ Во избежание путаницы в цифрах говорящих я и в этом пункте следую достаточно условной классификации отдельных диалектов/вариантов китайского языка, принятой в справочнике Brunper 2001. Однако с исторической точки зрения диалекты цзяньоу едва ли можно отделять от остальных диалектов минь (ср. Старостин 1989, с. 514; Norman 1993, p. 182, table 8. 1; p. 234, tables 9. 21—22; p. 235—237, table 9. 23); в таком случае пункты 11 и 12 в приводимом списке наиболее распространенных неиндоевропейских языков следует объединить. Возможно и их (диахроническое ли только?) объединение с другими китайскими диалектами не столько по признаку взаимопонимания (оно в ряде случаев может отсутствовать), сколько для единообразия всей картины языков мира, потому, что в отношении других наиболее распространенных (индоевропейских) языков мира пока аналогичная дробность не вводится, хотя теоретически можно было бы отделить американский английский от британского или сальвадорский испанский от мексиканского.

¹¹⁰ Ср. ниже 21; в более ранних справочниках, изданных до 2001 г., общее число говорящих на разных вариантах арабского (включая и классический сакральный и ученый язык, и разговорные диалекты) определялось 256 млн; число же использующих арабский как первый язык исчислялось 211 млн; в таком случае арабский должен быть передвинут на второе или третье место в этом списке (до японского или сразу после него), что соответствует и приведенным прогнозам численности говорящих к первой половине XXI в.; на этом примере видно, как преходящие конъюнктурные обстоятельства влияют на этнолингвистическую статистику, делая ее крайне ненадежной и подлежащей многим перепроверкам.

14. Вариант/диалект китайского языка сян (сино-тибетская семья)	36
15. Малаялам (дравидийская семья)	34 (35,4)
16. Вариант/диалект китайского языка хакка (сино-тибетская семья)	34 (33)
17. Каннада (дравидийская семья)	33,7 (35,3; при учете двуязычных 44)
18. Сунда (австронезийская семья)	27
19. Южноазербайджанский (алтайская семья, тюрко-монгольская группа)	24,4 (24,3)
20. Хауса (чадская ветвь афроазиатских или семито-хамитских)	24,2
21. Алжирский вариант разговорного арабского (семитская семья, южно-центральная группа), ср выше, 13	22,4
22. Бирманский (тибето-бирманская группа сино-тибетской семьи)	22 (21,6; при учете двуязычных во всех странах 32)
23. Вариант/диалект китайского языка гань (сино-тибетская семья)	20,6
24. Тайский (тайская группа внутри предполагаемой австро-тайской семьи)	20
25. Йоруба (подсемья ква нигеро-конголезской макросемьи)	20
26. Индонезийский/малайский (На индонезийском/малайском языке как общем для Индонезии говорит около 176 (140) млн; западная ветвь малайско-полинезийской группы австронезийской семьи.)	17

Главные языки индоевропейской семьи

<i>Язык</i>	<i>Общее число говорящих/Употребляется как первый, млн чел.</i>
1/2/3(?) ¹¹¹ . Испанский (романский язык; иберо-романская группа)	425 (417) / 332 (322,2)

¹¹¹ Место испанского среди языков мира и индоевропейских языков зависит от того, что принимается за данные для английского языка и хинди (см. ниже).

2/1 (2) ¹¹² . Английский (германская ветвь; западногерманская подгруппа)	514 (508) / 322 (341)
3/4. Бенгальский (восточная подгруппа индоарийской группы внутри индоиранской ветви)	215 (211) / 189/210 (207)
4/1 (2) ¹¹³ Хинди	496 (487) / 182 (180 в Индии, 366 вкл. двуязычных)
5. Португальский (романский язык; иберо-романская группа)	194 (191) / 178 (176)
6. Русский (славянская ветвь; восточнославянская подгруппа)	275 (277) / 165 (167)
7. Немецкий (германская ветвь; западногерманская подгруппа)	129 (128) / 98 (100)
8. Французский (романский язык; галло-романская подгруппа)	129 (128) / 72 (77)
9. Маратхи (южная подгруппа индоарийской группы внутри индоиранской ветви)	64,8 (68) / 71
10. Урду (центральная подгруппа индоарийской группы внутри индоиранской ветви, ср. хинди)	109 (104) / 58 (62)
11/12. Гуджарати (западная подгруппа индоарийской группы внутри индоиранской ветви)	44 (46,1)
11/12. Польский (славянская ветвь; лехитская зона внутри западнославянской подгруппы)	44
13. Украинский (славянская ветвь; восточнославянская подгруппа)	41 (47)

¹¹² По общему числу говорящих (исчисляемому достаточно условно) английский язык мог бы занять первое место среди индоевропейских языков (или второе после хинди, см. ниже) и второе среди языков мира после путунхуа; ср. также выше о предсказании на середину этого века.

¹¹³ При объединении с урду (ср. об урду ниже) и близкими к хинди индоарийскими диалектами (как авадхи, см. ниже) общее число говорящих на нем достигает 375 млн и его нужно было бы считать наиболее распространенным индоевропейским языком и вторым по значительности языком мира после путунхуа; ср. также выше о предсказании на середину этого века.

14. Итальянский (романский язык; итало-романская подгруппа)	37 (55; с двуязычными 62)
15. Ория (восточная подгруппа индоарийской группы внутри индоиранской ветви)	31 (32)
16. Западный панджаби (северо-западная подгруппа индоарийской группы внутри индоиранской ветви)	30 (/45)
17/18/11 ¹¹⁴ . Восточный панджаби (северо-западная подгруппа индоарийской группы внутри индоиранской ветви)	26 (27, 1)
17/18. Румынский (романский язык; дако-романская подгруппа)	26
19. Бходжпури (восточная подгруппа индоарийской группы внутри индоиранской ветви); язык близок к хинди	25 (24,5/26,3)
20/21. Персидский (фарси; западноиранская группа внутри индоиранской ветви)	36 западные диалекты)/24,3
20/21. Майтхили (восточная подгруппа индоарийской группы внутри индо-иранской ветви)	24,3
22. Сербохорватский (славянская ветвь; западно-южнославянская подгруппа); по политическим причинам распадается на сербский и хорватский	21
23. Авадхи (центральная подгруппа индоарийской группы внутри индоиранской ветви); иногда рассматривается как вариант хинди	20,5
24/25. Голландский (вместе с фламандским; германская ветвь; западногерманская подгруппа)	20
24/25. Курдский (северо-западноиранская группа внутри индоиранской ветви)	20 (11)
26/27. Синдхи (северо-западная подгруппа индоарийской группы внутри индо-иранской ветви)	19 ¹¹⁵

¹¹⁴ При объединении двух вариантов панджаби (16—17 в нашем списке) этот язык должен занять 11-е место перед гуджарати.

¹¹⁵ Для индоевропейской семьи указаны и языки с численностью от 20 до 1 млн говорящих.

26/27. Пашту (восточноиранская группа внутри индоиранской ветви)	19
28. Непали (подгруппа пахари индоарийской группы внутри индоиранской ветви)	16
29. Сингальский (индоарийская группа внутри индоиранской ветви)	13
30/31. Чешский (славянская ветвь; западнославянская подгруппа)	12
30/31. (Ново)греческий (греческая ветвь, известная со времени микенского, II тыс. до н. э.; объединяется с армянским и индоиранскими в восточноиндоевропейскую часть индоевропейской семьи)	12
32/33. Белорусский (славянская ветвь; восточнославянская подгруппа)	10
32/33. Ассамский (восточная подгруппа индоарийской группы внутри индоиранской ветви)	10 (15,3)
34/35. Шведский (германская ветвь; скандинавская подгруппа)	9
34/35. Болгарский (славянская ветвь; восточно-южнославянская подгруппа)	9
36. Цыганский (индоарийская группа внутри индоиранской ветви)	7 (6/11)
37/38/39. Армянский (армянская ветвь, объединяется с греческой и индо-иранскими в восточноиндоевропейскую часть индоевропейской семьи)	6
37/38/39. Словацкий (славянская ветвь; западнославянская подгруппа)	6 (5,6)
37/38/39. Африкаанс (германская ветвь, образовался при отделении от западногерманского голландского его варианта, на котором говорили буры в Южной Африке)	6
40/—44. Таджикский (западноиранская группа внутри индоиранской ветви); близок к персидскому — фарси. см. выше	5 (4,4)
40/—44. Белуджский (северо-западноиранская группа внутри индоиранской ветви)	5

40/—44. Норвежский (германская ветвь; скандинавская подгруппа)	5
40/—44. Датский (германская ветвь; скандинавская подгруппа)	5
40/—44. Албанский (албанская ветвь, вероятно, происходящая от древнебалканского языка, известного по остаткам фракийского)	5
45. Кашмири (дардская группа внутри индоиранской ветви)	4
46/47. Галисийский (романский язык; иберо-романская группа)	3 (4)
46/47. Гилянский (северо-западноиранская группа внутри индоиранской ветви)	3
48. Литовский (балтийская ветвь; восточно-балтийская группа)	2,8 (4)
49/51. Провансальский (романский язык; галло-романская группа)	2 (0,354/0,8)
49/51. Словенский (славянская ветвь; западноюжно-славянская подгруппа)	2
49/51. Македонский (славянская ветвь; восточно-южнославянская подгруппа)	2
52. Латышский (балтийская ветвь; восточнобалтийская группа)	1,5
53/54. Мазандеранский (северо-западноиранская группа внутри индоиранской ветви)	более 1 (3)
53/54. Лури (северо-западноиранская группа внутри индоиранской ветви)	более 1 (4,3)
55. Бретонский (кельтская ветвь; британская подгруппа)	существенно меньше 1 (0,5)
56. Валлийский (кельтская ветвь; британская подгруппа); в последние годы усилилось движение за возврат к этому языку	меньше 0,5 (580 тыс. включая 540 тыс. двуязычных)
57. Ирландский (кельтская ветвь; гойдельская подгруппа)	существенно меньше 0,5 (0,26)
(Вся кельтская группа может исчезнуть в ближайшие десятилетия.)	

Одновременно с процессом исчезновения языков идет меньше изучаемый лингвистами процесс дифференциации, особенно заметный у самых распространенных языков (устные варианты китайского, как кантонский, давно решительно отличаются от байхуа; я был в Лондоне на деловой встрече с переводчиками современных русских писателей, один из них озабоченно спросил: «А на какой язык переводить — английский или американский?»). Новые языковые различия возникают при дроблении исходного языка на диалекты и образовании смешанных языков (пиджинов и креольских) как следствие распада государств, миграции населения и других процессов дезинтеграции или интеграции. При оценке возможностей будущего развития нужно учитывать и постепенное (хотя вопреки ожиданиям крайне медленное) использование компьютеров для автоматического перевода. Пока что работающие программы, как правило построенные без учета лингвистических достижений, дают переводы с таким числом ошибок, которое предполагает необходимость последующего вмешательства человека-редактора, если задача не ограничена примитивными (например, туристическими) надобностями. Но по мере быстрого развития возможностей компьютеров станет вероятным и такое применение автоматических переводов, которое по отношению к языкам, для которых будут созданы соответствующие словари, грамматики и правила перевода (в том числе и устного), по существу исключит необходимость их замены другим (более распространенным) языком.

Примером положительного влияния результатов технического прогресса на развитие языков можно признать языковую ситуацию на международной космической станции. Американские и русские космонавты, на ней работавшие, владели обоими языками (хотя английский язык в космосе более употребителен) и пользовались их соединением, в шутку названное Russenglish. Похожее объединение языков (без потери индивидуальности каждого из них) можно предположить и по отношению к возможным совместным полетам людей разных национальностей на Луну и Марс. Пока — временно? — отступила на второй план задача выработки единого языка для человечества на земле (при выборе способа общения уже

существующего, как английский, или специально разработанного, как эсперанто или в большей степени теоретически обоснованные языки, в начале научной разработки которых участвовали такие лингвисты, как Есперсен, Сепир, Трубецкой).

Преодоление тенденции к резкому сокращению числа языков представляется одной из весьма важных задач языковой политики того объединенного человечества, о котором можно мечтать в пору современного опасного обострения религиозных, этнических и языковых конфликтов.

В исчезновении таких своеобразных по своей структуре языков, как американские индейские, заключается большая опасность потому, что с ними может пропасть и еще пока сохраняющаяся возможность проникновения в другие отраженные в них способы описания и постижения мира (ср. выше, в разделе 6, о созранияющейся в ирокезских языках возможности употребления предикатов вместо имен). Каталогизация таких способов кажется одной из подготовительных задач при решении проблемы того, что может объединить все человечество.

Мечта и надежда на скорое организационное объединение всего человечества, о необходимости которого говорили такие выдающиеся деятели, как А. Д. Сахаров, сейчас может казаться утопической. Я сам этого не думаю. Начиная с 1994 г. я участвую в международной организации «Триглав» (теперь ассоциированной в качестве неправительственной с ООН), ставящей своей главной целью детальное обсуждение взаимопомощи разных частей человечества, в частности, помощи развивающимся бедным странам со стороны развитых более богатых. Начиная с совещания в 1994 г. в Триглаве (под Люблянкой в Словении) экспертов, готовивших со стороны ООН посвященное этой теме совещание в верхах в Копенгагене, мы на своих встречах (в Триглаве, Копенгагене — под эгидой правительства Европы — и в Бостоне) искали путей экономического и культурного объединения всех народов; этому же посвящена подготовленная нами книга «Свечи во тьме», предисловие к которой написал Вацлав Хавел (сходные задачи он пробовал решить на серии встреч «Форум 2000», где были религиозные, политические и научные

представители разных культурных традиций и стран; я был на первой из этих встреч в 1997 г.). В статье «Навстречу Ноосфере» в этой книге я пытался развить идеи Тейяра де Шардена и Вернадского. Объединение всех людей в ноосфере предполагает раскрытие возможностей каждой из используемых ими знаковых (а, следовательно, и языковых) систем. Только развитие того, что вносит каждая традиция (в частности, языковая), может сделать реальным их объединение. По мере того, как выявляется неправота и неосуществимость попытки навязать всем одну (в том числе и языковую) систему, все более существенным представляется план объединения разных традиций путем выявления связывающих их общих принципов, совместимых с концепцией ноосферы. В этой связи и универсальная типология языков (особенно семантическая) приобретает жгучий интерес, выходящий за пределы лингвистики.

12. «По-просту»: языки Великого княжества Литовского

Одним из особенно интересных примеров взаимодействия многих языков, систем письма, вероисповеданий, этнических групп на территории одной страны была на протяжении нескольких столетий (с XIV до XVII в. н. э. и позднее) языковая ситуация Великого княжества Литовского. Мне несколько раз приходилось сталкиваться со следами этого диковинного языкового мира, обломки которого дожили до наших дней. Первый раз это было летом 1958 г., когда знакомые литовские диалектологи пригласили В. Н. Топорова и меня участвовать в их экспедиции в литовские деревни на территории Белоруссии. Пробуя записать архаический диалект жителей этих деревень, я услышал и их необычную для меня славянскую речь, где узнавал знакомые польские, белорусские и русские элементы в новом соединении. Когда я спросил их, что это за язык, на котором они говорят, они мне ответили: «По-просту». Позднее я узнал, что так назывался и славянский язык канцелярий Великого княжества Литовского.

С другим языковым остатком этого государства я столкнулся в Трокае под Вильнюсом, где литовские друзья-лингвисты познакомили меня с первосвященником караимов Фирковичем. Караимы, когда-то приведенные из Крыма литовским великим князем Витовтом и составлявшие основу лейб-гвардии литовских великих князей, на протяжении половины тысячелетия продолжали жить в Литве. В то время они составляли еще большую часть населения Трокая. Я побывал в их молельном доме, напоминавшем синагогу (Фиркович мне рассказывал, как он объяснял Пилсудскому, а потом нацист-

скому гаулейтеру Прибалтики, чем караимы, по языку тюрки, отличаются от евреев). В семейном архиве Фирковичей я увидел образцы написанных еврейским и арабским письмом ранних восточнославянских текстов, составленных на территории Великого княжества Литовского.

Еще раз я смог не на востоке, а на западе — в Польше — наблюдать продолжение традиций того странного веротерпимого союза разных религий и языков, который просуществовал на этой земле несколько веков. В 1988 г. (через 30 лет после той поездки в литовские деревни) я приехал на конференцию в Беловежье, в места близ польско-белорусской границы. Участникам конференции показали местные села. Поразило, что католический костел, православная церковь и мечеть стоят рядом в одной деревне (до нацистских зверств были и синагоги) и священники поддерживают друг с другом добрососедские отношения.

С середины 1990-х гг., по мере того как в Европе происходили радикальные изменения и готовилась ее интеграция, история языков и культурных традиций Великого княжества Литовского все больше стала привлекать внимание ученых. В Будапеште состоялись две международные конференции, этому посвященные, вышли сборники докладов и статей. Мои аспиранты, увлеченные этой проблематикой, устроили в феврале 2001 г. в Лос-Анджелесе международную конференцию, где были специалисты из России, Израиля, Италии. Вместе с Пьетро Дини, который один из первых на современном уровне знаний описал эту необычную историческую ситуацию в своей книге о балтийских языках, мы набросали общий план изучения функций каждого из почти 30 языков Великого княжества Литовского в их взаимодействии. Этот план мы доложили и обсудили на лос-анджелесской конференции с некоторыми из возможных участников будущей работы. Следующая конференция состоялась в Москве в доме Балтрушайтиса в апреле 2002 г. Тем временем я начал изучать тексты, записанные восточными видами письма. Армяне, перешедшие на тюркский язык, родственные древнему печенежскому, записывали свои тексты армянским письмом. Я находил в этих старинных документах, обращенных к поль-

скому королю, формулы, знакомые мне по древнетюркским памятникам.

Этот симбиоз вер и языков для историка языка благодетелен. Благодаря ему на этой территории сохранились уникальные образцы славянской речи, записанной арабским письмом. Есть 4 вида «литовско-польских» (в других терминах «белорусских») кыпчакско-татарских рукописей, писанных арабским письмом и переведенных с арабских и тюркских подлинников: **1.** «Китабы» (или «Аль-китабы» от арабск. *kitab* 'книга', форма с определенным артиклем *al-kitab*). Эти тексты содержат богословские, нравственные и исторические рассуждения, религиозные истории и мифологические повествования¹¹⁶. **2.** Тефсиры (от арабск. *tafsir* 'комментарий, толкование') представляют собой построчный перевод текстов Корана на польский язык. **3.** Хамаилы (от арабск. *hama'il* 'талисман') — маленькие куски бумаги с магическими заклинаниями. У одного из высших мусульманских духовных лиц (муфтия) Вильнюса хранились такие бумаги с записанными кириллицей частями Корана и их славянским переводом. Но большинство хамаилов, как и «далавары» (от тюркск. *dua-lar* 'молитвы'), написаны по-арабски или на одном из тюркских диалектов. **4.** Теджвиды (от арабск. *tadjud* 'правила верного чтения Корана') написаны «по-просту». В «западнорусских» (или «рутенских») текстах, переведенных с арабского или тюркского, встречаются ключевые термины, заимствованные из языка оригинала (например, арабск. *farz* 'нравственное обязательство, необходимое поведение'¹¹⁷). Переводить на «просту мову» начали во второй половине XVI в., когда на нее переходит большинство татар, живших в Великом княжестве Литовском. Но потом рукописи копировались и в них вносились изменения, сближавшие переводы с разговорным языком. Последний специалист по такому изготовлению копий умер в 1979 г.: это был Лут Мухла, имам Довбучицкий.

¹¹⁶ Напр., «Китаб» Милкамановича, копированный в 1781 г. и обнаруживающий сочетание белорусских элементов с польскими: Łapicz 1986.

¹¹⁷ Akiner 1978.

Как отмечает в своей книге Дини, дальнейшее развитие исследований в этой области может быть связано и с изучением взаимодействия языков в прибалтийской области (Дини 2002, с. 418—422). По мнению многих лингвистов, занявшихся этой проблемой в последние годы, эти языки образуют «циркумбалтийский языковой союз». В частности, с его существованием связывают некоторые из характерных явлений, объединяющий древненовгородский диалект с языками околобалтийской зоны. Значительный интерес представляют многочисленные следы контактов древненовгородского с нижненемецким (Сквайрс, Фердинанд 2002), которые свидетельствуют о вовлечении Новгорода в систему междуганзейских языковых связей. Поставленный Исаченко вопрос о том, что было бы в случае другого исхода столкновения Москвы и Новгорода, можно было бы дополнить соображением о вероятном опережении Новгородом тех языковых связей с Европой, которые датируются послемосковским-петербургским — периодом.

Оглядываясь на более раннюю историю Восточной Европы, соположение религий и языков, напоминающее позднейшую картину Великого княжества Литовского, можно было бы предположить и в Хазарском царстве, отчасти предвосхитившем пестроту позднейших языковых конгломератов. Двигаясь еще дальше в пространстве и времени, с империями этого космополитического типа можно сравнить, с одной стороны, Византию, с другой, — целую россыпь языков (не меньше 30-ти) и вер, соседивших в Центральной Азии с Кушанским царством или его частично продолжавших (см. выше, конец раздела 7).

Для современного мира характерно наличие десятков и сотен языков внутри одного государства (России, Индии, Пакистана, Ирана, Индонезии, Филиппин, ряда стран Африки, Бразилии, Мексики, Канады, США) в отличие от тех европейских стран с одним главным национальным языком, которые долгое время казались примерами основного пути языкового развития. Ошибочность этого традиционного узкозападноевропейского взгляда, в наше время приводящего к непрекращающемуся кровопролитию, лучше всего видна на

таких примерах, как движение басков в Испании (с точки зрения предыстории континента баскский язык скорее всего можно считать остатком древнейшего доиндоевропейского слоя, который Н. Я. Марр в своих исследованиях времени его поездки к баскам называл «яфетическим», см. о современных обсуждениях проблемы Vanhaeren, d'Errico., Henshilwood, Lawson, Tiller, Soressi, Bresson, Maureille, Nowell., Lakarra, Backwell, Julien 2003, p. 49—50).

Когда немецкие романтики подступали к идее единства нации и языка, они не могли предположить всю степень опасности, заложенной для истории Европы в тех ложных толкованиях, которые эта тема позднее нашла в их собственной стране у Бисмарка и его последователей, а позднее у идеологов тоталитарных государств — не только в искажениях принципов сравнительного языкознания в нацистской расистской «арийской» пропаганде, но и в разглагольствованиях Сталина о признаках нации, потом им продолженных людоедской практикой в пору его откровенного русского шовинизма. На самом деле вся новейшая история Европы говорит о целесообразности взаимодействия и взаимообогащения двух и больше языков в пределах одной страны. Любая попытка заменить этот естественный процесс искусственным насильственным насаждением одного языка не имеет под собой научной почвы. Если даже «неразумные хазары» могли следовать куда более широким принципам, то приходится только удивиться нередкому в наш век непониманию того, насколько важна терпимость не только в религии, но и в языковых и культурных отношениях между народами. В этом смысле учитывание старого опыта больших государств, внутри которых осуществлялась такая терпимость, кажется обязательным для наших современников. Поэтому языковое многообразие таких государств, как Великое княжество Литовское, по-прежнему остается одной из актуальных глав европейской истории.

13. Языки большого города

Большие языки современности сохраняются в диаспоре и в сочетании с другими в многоязычии при наличии компактных этнических групп. На всем протяжении многотысячелетней истории городов они отличались языковым многообразием.

Приведу кратко предварительные данные обследования языков Лос-Анджелеса¹¹⁸. Всего в городе говорят примерно на 224 языках (т. е. почти все языки мира, на которых говорят в США, представлены здесь хотя бы одним или несколькими говорящими или большими группами населения). Наиболее распространены и используются в средствах массовой коммуникации (на специальных каналах и станциях телевидения и радио) 11 языков, из которых 5 входят в число 10 самых распространенных языков мира (китайский—байхуа, испанский, английский, русский, японский), а 3 других (корейский, вьетнамский, китайский кантонский) входят во вторую десятку самых распространенных языков мира. На материале этого одного города можно составить статистически правдоподобную картину, отчасти воспроизводящую соотношения в мире в целом и сходную с динамикой развития в некоторых других частях Америки. Самой многочисленной языковой группой города, включающей немногим меньше половины населения, является испаноязычная. Испанский язык представлен не-

¹¹⁸ Программа «Языки Лос-Анджелеса» разрабатывается мной в сотрудничестве с аспирантами, студентами и профессорами Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе на протяжении 1994—2004 гг.

сколькими его латиноамериканскими вариантами, прежде всего мексиканским (на нем говорит значительная часть испаноязычного «чиканского» — *chicanos* — населения Лос-Анджелеса в его более южных и восточных частях), сальвадорским (главным образом в группе кварталов около Корейского города и Даун-Тауна — условной центральной части города) и гватемальским, аргентинским¹¹⁹. Соотношение между уже достаточно далеко друг от друга отстоящими 19 диалектами латиноамериканского испанского языка¹²⁰ представляет исключительный интерес для исторического языкознания. Обычно при обсуждении путей образования таких языковых семей, как индоевропейская, используется сравнение с романскими языками, развитие которых основывалось на различиях между местными вариантами вульгарной латыни в Римской империи после ее распада. Но едва ли не лучший пример подобной начальной дифференциации после миграции на большие расстояния далеко от первоначальной области распространения (что особенно важно и в случае индоевропейской семьи) представляют разошедшиеся друг от друга варианты латиноамериканского испанского. Также весьма существенной представляется проблема позднейших контактов и сближений разошедшихся диалектов. В Лос-Анджелесе группы выходцев из разных стран Центральной и Южной Америки оказываются в контакте друг с другом. Часть испанских диалектов несет на себе и следы контактов с местными америндейскими языками: так, употребление испанской клитики *lo* могло измениться под воздействием конструкций с *o-* в языке нахуатль¹²¹. С этим вопросом соприкасается и проблема раз-

¹¹⁹ См. подробные карты и таблицы со статистическими данными по предпоследней переписи населения (1990 г.): Allen, Turner 1997, особенно р. 100, fig. 4.2 (население мексиканского происхождения), р. 101, fig. 4.3 (население гватемальского происхождения), р. 102, fig. 4.4 (население сальвадорского происхождения), р. 233, fig. 9.1 (основные группы населения по переписи 1990 г.). См. также Waldinger, Vozorgmehr (eds) 1996, р. 143 (table 5.1), р. 160 (table 5.10). См. карты 1—6 в конце книги.

¹²⁰ Lipski 1998.

¹²¹ Lipski 1998, р. 85—86.

ного рода пиджинов (первичных результатов смешения и одновременного употребления двух языков) и креольских языков (с выработанной грамматикой, отличной от обоих исходных языков, при скрещении которых они возникли), основанных на испанском. К последним в широком смысле можно отнести и ладино — испано-еврейский язык сефардов, сохранивший некоторые архаические черты¹²². В настоящее время число говорящих на ладино резко сократилось. Когда в букинистический магазин в Лос-Анджелесе принесли стопку изданий на ладино¹²³, оказалось трудным найти человека, способного разобраться в этих текстах.

По частично обнародованным данным последней переписи населения (2000 г.) для Лос-Анджелеса (как и для других больших городов не только граничащего с Мексикой юга Калифорнии, но и восточных штатов США) за последние 10 лет характерен рост именно испаноязычного населения. В Лос-Анджелесе к нему относится и очень значительное число нелегальных «чиканских» иммигрантов, ежегодно пересекающих мексиканскую границу (их число делает затруднительной окончательную оценку общего числа говорящих по-испански). Различия между языком этих иммигрантов, получающих самую низкооплачиваемую работу и занимающих соответственно самое низкое положение на общественной лестнице, и испанским языком и его диалектами и вариантами у других частей населения являются преимущественно социолингвистическими (а не только связанными с разницей в географии исходного диалекта).

В Лос-Анджелесе вторым по числу говорящих (около трети населения), но все еще первым по значимости в административной, политической, технологической, правовой, образовательной и экономической жизни города остается американский стандарт английского языка. Основная масса выходящих в городе изданий, показываемых в кино фильмов,

¹²² Lipski 1998, p. 24—25 a.ff.

¹²³ Относительно изданий на ладино, вышедших в Лос-Анджелесе, см. Sollors 1998, p. 65 и 75, п. 12. О переменах в числе говорящих на ладино см. Allen, Turner 1997, p. 56, fig. 3.6.

большинство компьютерных программ, передач по телевидению и радио использует английский язык. Он оказывает существенное влияние на многие другие языки в городе и служит основой для целого ряда используемых в нем пиджинов, особенно легко образующихся в семьях с неравномерностью языковых возможностей разных поколений: при малом знании английского у старшего поколения в отличие от младшего возникают такие пиджины, как англо-корейский, англо-японский, англо-«чиканский», англо-цыганский и др. В Лос-Анджелесе используются и креольские языки, основанные на английском, как ямайкский¹²⁴. Из социолингвистических вариантов, по мнению многих, близких к превращению в особые языки, в последние годы значительное внимание привлекал к себе язык основной массы черного населения, так называемый *Eubonic* (Лос-Анджелес принадлежит к 5 городам США с самым обширным черным населением). Остаются предметами дискуссии его языковой статус, возможные (но пока точно не доказанные) связи с языками африканских предков черного населения и проявления креольского типа (например, в грамматическом своеобразии нулевой связки настоящего времени¹²⁵).

Хотя часть младшего поколения стремится к полному переходу на английский язык, в последние годы среди многих молодых эмигрантов возникает стремление к возврату к языку родителей или родины. В связи с этим, как и из-за растущей роли испанского и нескольких других распространенных языков, сохраняемых внутри компактных групп населения (китайский в Китай-городах и т. п.), модель «переплавляющего котла», в котором все языки эмигрантов сливались бы в английский, если и остается верной для части языков, то с очень большими оговорками. Вероятно, что она полностью перестанет работать еще через одно поколение.

¹²⁴ Allen, Turner 1997, p. 64—65.

¹²⁵ Пуллум в специальной заметке по поводу полемики о *Eubonic* обращал внимание на то, что эта черта свойственна креольским языкам. Этот критерий использовал в своих работах по славянским языкам Гуго Шухардт.

Третьим по численности в Лос-Анджелесе является армянское меньшинство (около полумиллиона говорящих¹²⁶ на двух стандартных вариантах — восточном, распространенном в Армении, и западном, связанном с Ливаном и сопредельными странами; две трети выехавших из Армении за последние 20 лет поселились в Лос-Анджелесе¹²⁷, который стал самым населенным городом армянской диаспоры). Компактная группа армяноязычного населения обитает в Глендейле, где есть армянская библиотека, используемая как клуб (например, для выступлений приезжающих из Армении).

Четвертым из индоевропейских языков, представленных большими группами населения в Лос-Анджелесе, является фарси¹²⁸ (в частности, в Вудвуде, где на главной улице расположены многочисленные бытовые предприятия и магазины с персидскими вывесками, магазины книг на фарси, как мусульманских, так и издаваемых левой эмиграцией, и т. д.). В вывесках на фарси, написанных арабским письмом, замечается комбинация персидских и арабских форм с заимствованными из английского: *Tehran Market* (название продовольственного магазина) и т. п.

На примере вещания на фарси можно рассмотреть некоторые из вопросов, возникающих в связи с использованием средств массовой коммуникации. Три радиостанции вещают на фарси из Лос-Анджелеса¹²⁹. На протяжении последних 13 лет работает по замкнутому каналу (closed-circuit) радиостанция KRSI (Голос Ирана), в настоящее время она помещается в Беверли Хиллз (престижный район города, расположенный близко к местам с преимущественно персидскоязычным населением в Вудвуде). Вначале она работала как часть системы общественного вещания, использующего частные пожертвования. Недавно она начала ежедневные двухчасовые передачи на Иран. Другая станция, KIRN, вещающая по-персидски из Лос-Анджелеса начиная с августа 1999 г., в

¹²⁶ Allen, Turner 1997, p. 59, fig. 3.8.

¹²⁷ Fischetti 2000, p. 262.

¹²⁸ Allen, Turner 1997, p. 59, fig. 3.9.

¹²⁹ Los Angeles Times, November 11, 2000, p. B1, B10.

первое время существования ориентировалась почти исключительно на музыкальные передачи, избегая определенной политической направленности. Но перемены во вкусах большинства радиослушателей вынудили эту станцию увеличить объем новостей и обсуждений на фарси, которые теперь занимают до 70 % времени. По желанию публики устраиваются прямые трансляции из Ирана. Директор программ станции Афшин Горгин принял на работу известного политического радиообозревателя Шахнавазхана, который теперь выступает вместе с другими корреспондентами.

Третья лос-анджелесская станция, KSMI (Национальный Голос Ирана), вещающая по-персидски, начала работать в конце сентября 2000 г. Ее учредителем и президентом стал Бехруз Насер, американец иранского происхождения, 20 лет занимавшийся бизнесом. К нему работать перешли некоторые из бывших сотрудников первой из перечисленных выше радиостанций (KRSI). Аудитория слушателей новой станции, вещающей через спутник, включает говорящих на фарси в США и других странах. На Иран двухчасовые передачи через спутник идут по 2 часа ежедневно. С лингвистической точки зрения существенны современные технические способы установления и сохранения связей по эфиру с Ираном. Такие средства связи позволяют поддерживать сообщение с родной после эмиграции (на уровне отдельных людей важную роль в этом смысле играют телефонные разговоры, а в последнее время и электронная почта несмотря на трудности, связанные с использованием нелатинских фонтов).

Пятый из языков индоевропейской семьи, представленных значительной группой населения в Лос-Анджелесе, — русский¹³⁰. Самой древней частью русскоязычного населения являются молокане, приехавшие в Лос-Анджелес больше чем сто лет назад из Мексики после выезда из России (где их преследовала официальная православная церковь). Хотя группа невелика по своему числу (порядка 5 тысяч говорящих), в восточном Лос-Анджелесе (к востоку от Даун-Тауна, где было их первоначальное место жительства), они до сих пор хорошо

¹³⁰ Allen, Tuimer 1997, p. 55, fig. 3.5.

сохраняют свой диалект, который называют «молоканским»: член группы в ответ на вопрос о его языке сообщает, что говорит «по-молокански».

Первая (послереволюционная) волна эмиграции представлена в Лос-Анджелесе немногочисленными сохранившимися язык людьми старшего поколения и преимущественно их детьми и внуками, многие из которых группируются, как и семьи детей эмигрантов второй (послевоенной) волны, вокруг православных церквей. Есть небольшое число русских художественных произведений, написанных и изданных по-русски эмигрантами двух первых волн (книга стихов В. Ф. Маркова).

Основная масса говорящих по-русски принадлежит к третьей волне, связанной с еврейской эмиграцией из СССР и (после его распада) из России и Украины (особенно Одессы) в последней четверти XX в. Районы Ферфакса и Западного Голливуда, где живет основная масса эмигрантов этого времени со своими семьями (с детьми, родившимися уже вне России), отличаются сочетанием черт и центров еврейской культуры (синагоги, Еврейский культурный центр, в котором выступают вообще приезжающие из России), и русского языка (на вывесках, в книжных и продовольственных магазинах, в которых продаются эмигрантские и русские газеты). В семьях этого типа идиш за редкими исключениями ограничен самым старшим поколением (дедушек и бабушек), а молодежь знает его преимущественно как тайный код, на котором взрослые/старшие общались между собой (в последнее время наблюдается тенденция к возрождению идиш, молодежь смотрит старые нью-йоркские фильмы на идиш, слушает лекции об этом языке и практически им занимается с преподавателями). Иврит в преимущественно двуязычных русско-еврейских семьях известен тем членам семьи, кто приехал в США через Израиль, где занимался ивритом и на нем говорил. Древнееврейский язык Ветхого Завета отчасти известен тем, кто получил соответствующее образование в семьях, приехавших из Израйля. В православных семьях с помощью воскресных школ при православных церквях поддерживается знание русского извода церковнославянского. Представители младшего поколения, которые ездят в Россию и поддерживают

связи с друзьями там, сохраняют и восстанавливают знание русского языка, который у многих эмигрантов старшего поколения подвергся сильному английскому влиянию (описанному с рядом преувеличений в не вполне серьезных сочинениях журналистов и лингвистов, где повторялись анекдоты, публикуемые в газетах). В языке младшего поколения отмечается потеря стилистической ценности слова, стирание границы между (молодежным) сленгом и стандартным языком, нарушение прагматической системы коммуникационных значимостей. Часть перемен в языке эмиграции была подготовлена диалектными (в частности, южнорусскими) особенностями, которые были в языке эмигрантов еще до их отъезда. Значительную помощь сохранению русского языка оказывают телевизионные передачи из России, за которыми большая часть русскоязычного населения следит регулярно: для того чтобы смотреть передачи НТВ (теперь соединение программ 4-го и 6-го российских каналов), во многих русскоязычных домах установлены специальные «тарелки».

Из языков Востока Азии в Лос-Анджелесе в двух основных вариантах представлен самый распространенный язык мира — китайский¹³¹. В Лос-Анджелесе на нем говорит около четверти миллиона человек¹³². Кроме давно существовавшего в Даун-Тауне старого Китай-города (*China Town*) возникла новая часть города с преимущественно китайским населением в Монтерей-парк. Используются в личном общении и в средствах массовой коммуникации два стандарта разговорного китайского языка — байхуа (путунхуа) и кантонский.

Один из центров компактного проживания японоязычного населения¹³³ находится в Даун-Тауне в районе Малого Токио.

Корейский город с постоянно растущим населением¹³⁴ возле главной деловой магистрали города Уилшир окончательно сформировался в последние десять лет после расовых беспорядков.

¹³¹ Allen, Turner 1997, p. 131, fig. 5.1.

¹³² Waldinger, Bozorgmehr (eds) 1996; Pitt and Pitt 1997, p. 90.

¹³³ Waldinger, Bozorgmehr (eds) 1996; Pitt and Pitt 1997, p. 230; Allen, Turner 1997, p. 132, fig. 5.2.

¹³⁴ Allen, Turner 1997, p. 134, fig. 5.4.

рядков 1992 г., нацеленных главным образом против корейского населения, тогда в большой степени состоявшего из вновь прибывших. В Корейском городе значительное число корейских магазинов, фирм, агентств. В оформлении домов и улиц широко используется корейская письменность.

По числу говорящих (около 100 тысяч) турецкоязычная группа в Лос-Анджелесе больше аналогичных в других городах Америки.

В Орандж-Каунти поблизости от основной части Лос-Анджелеса образовалась группа вьетнамцев, насчитывающая около 70 000 говорящих и представляющая собой одну из самых больших компактных групп вьетнамского населения¹³⁵ за пределами Вьетнама. В расположенном в этом районе Маленьком Сайгоне около полутора тысяч небольших предприятий и деловых учреждений, обслуживающих местное население. Основная его масса неграмотна и находится ниже черты бедности.

Весьма тягостна также общая картина жизни большой группы говорящих на кхмерском языке¹³⁶ беженцев из Камбоджи, укрывшихся в свое время от Пол Пота. Они обосновались компактной группой на Лонг-Бич. Представители старшего поколения многоязычны, знают французский и китайский. Для трехязычных кхмеров английский оказывается четвертым языком, который они начинают учить по приезде в Лос-Анджелес. Есть много смешанных китайско-кхмерских семей, где старшее поколение хорошо говорит по-китайски. Элементы китайского языка используются и в сленге кхмерской молодежи. Смешение разных языков и использование пиджина, на этом основанного, в качестве койне, представляет отличительную особенность групп, эмигрировавших из Юго-Восточной и Восточной Азии. Двужычие при параллельном использовании тайского языка характерно для тайской общины. Хотя число говорящих на языке хмонг, переселившихся из Лаоса после убийства религиозного лидера Шонг Луэ (изобретателя письма *rahawh* Hmong, см. выше,

¹³⁵ Allen, Turner 1997, p. 137, fig. 5.7.

¹³⁶ Allen, Turner 1997, p. 138, fig. 5.8.

главка 1), в Лос-Анджелесе невелико¹³⁷, в городе и к югу от него есть люди, не только говорящие на этом языке, но и применяющие для записи и чтения текстов на нем систему письма *rahawh Hmong*¹³⁸. Несколько лет назад с помощью вьетнамцев, работающих в коммерческих фирмах, была устроена в Лос-Анджелесе выставка произведений народного искусства хмонг.

К числу наиболее распространенных языков Лос-Анджелеса принадлежит также тагальский — главный язык острова Лусон на Филиппинах и основной язык Филиппин как государства. В Лос-Анджелесе живут большие группы выходцев с островов Полинезии, говорящие на самоанском, тонга и других австронезийских языках.

Весьма существенной по числу говорящих в Лос-Анджелесе (как в целом в Калифорнии) является арабоязычная группа населения¹³⁹. Арабский язык представлен значительным числом местных вариантов, сильно отличающихся от классического арабского.

Существует группа выходцев из Бразилии, говорящих на бразильском варианте португальского, но среди них много нелегальных иммигрантов, поэтому установить их общее число нелегко.

Около половины эмигрантов из Аргентины по языку своего детства и по языку родителей связаны с итальянским, но у младших поколений язык уже не сохранился.

Начиная с XIX в. в Лос-Анджелесе жила большая группа немецкого населения, издавалась немецкая газета, в языке которой отразились местные диалектные особенности. В нацистское время город привлек многих известных писателей (Томас Манн, Леон Фейхтвангер), композиторов (Шёнберг), ученых (Карнап, Рейхенбах), вынужденных эмигрировать из Германии и Австрии. Большая вила Фейхтвангера «Аврора», на которой писатель жил до самой смерти, остается од-

¹³⁷ Allen, Turner 1997, p. 166. Общее число говорящих на хмонг в США составляет 80 тысяч.

¹³⁸ Smalley, Vang, Yang 1990, p. 126—128.

¹³⁹ Allen, Turner 1997, p. 576, fig. 3.7.

ним из культурных центров для немецкоязычного населения (здесь хранится и часть огромной библиотеки писателя, частично переданной в Университет Южной Калифорнии в Дун-Тауне; в этом университете хранился и архив Шёнберга, в недавнее время по желанию его наследников возвращенный в Вену). Немецкая публичная библиотека есть в Институте Гёте, остающегося основным культурным центром для немецкоязычного населения города. В нем устраиваются выступления авторов, приезжающих из Германии (большую аудиторию несколько лет назад собрала Криста Вольф, читавшая отрывки из своих сочинений).

Число читающих на французском языке сокращается. Об этом свидетельствует, в частности, состоявшееся в 2001 г. закрытие большого французского книжного магазина «Cité» (одной из причин могла быть также конкуренция с системой продажи книг через Интернет и относительно очень высокие цены на книги для интеллектуалов, преимущественно продававшиеся в магазине). Существует школа, где преподавание идет полностью по-французски. Кроме детей консульских работников, в ней учатся также и выходцы из богатых собственно американских семей: элитарность этого и некоторых других учебных заведений определяется очень высокой платой за обучение.

Особенностью сложившихся в последнее время групп населения, говорящих на языках, которые представлены в Лос-Анджелесе относительно малочисленными компактными группами, является связывание разных (религиозных, культурных, политических) форм объединения в одно целое. Болгарское сообщество (в которое входят и многие говорящие на македонском языке) собирается во время служб в двух православных церквях. На верхнем этаже здания, где находится православная церковь, работает ресторан, служащий также местом политических обсуждений. Почти единодушная монархическая ориентация собирающихся здесь эмигрантов выразилась в том, что зал был еще несколько лет назад украшен большим портретом царя (тогда еще в изгнании — до его триумфального возвращения на родину).

Особенности относительно небольших групп населения, прибывших первоначально из (Юго-)Восточной Европы,

можно рассмотреть на примере цыганской общины (около 5 тыс., одна из самых больших групп цыган в США). Первая волна цыган-иммигрантов прибыла в Лос-Анджелес в начале XX в. главным образом с Балкан из бывшей Турецкой (Османской) Империи (теперешней Сербии и прилегающих областей). Местные цыгане, происходящие от этой первой волны, большей частью говорят на мачванском диалекте (от сербск. *Маиша*), принадлежащем к влашской группе цыганских диалектов. Следующие волны цыганских (как и других европейских) иммигрантов приезжали в конце каждой из двух мировых войн из Восточной Европы (теперешней Украины и России). Они и их потомки, составляющие большинство цыганского населения города, говорят на калдерашском (калдэрэрском) диалекте той же влашской группы. Они живут в разных частях Лос-Анджелеса (в частности, в Западном Голливуде и Даун-Тауне), часто меняют место жительства, сохраняя отчасти навыки кочевой жизни. Язык поддерживается только общением внутри семьи и общины, школьное обучение и средства массовой информации на цыганском языке отсутствуют. Все члены общины многоязычны, каждый из них понимает оба диалекта (хотя мачванский менее употребителен) и говорит хотя бы на одном из них. Но, кроме того, цыгане в повседневной жизни преимущественно говорят на двух основных языках города — на английском и испанском и часто хотя бы в ограниченном объеме на языках Юго-Восточной и Восточной Европы (сербском, болгарском, румынском, албанском, новогреческом — демотике, украинском и русском). Хотя цыганская община рассеяна по городу, тем не менее она сохраняет отдельное обособленное существование. В разговорах между цыганами, которые называют себя *rom* («цыганин, говорящий по-цыгански»), все остальные жители города, не говорящие по-цыгански, обозначаются как *gadzo* (не-цыганин). Противопоставление *rom* — *gadzo* можно рассматривать как частный случай общеантропологического различия *чистый* — *нечистый*. В общении между цыганами широко применяется пиджин, основанный на цыганском с использованием очень значительного числа английских слов, нередко составляющих большую часть всего высказывания.

Два собственно цыганских диалекта (калдерашский и мачванский) используются только в случаях секретного разговора, а также в ругательствах и беседах сентиментального характера (объяснение в любви). Для соблюдения секретности особенно пригоден мачванский диалект, за пределами Лос-Анджелеса малоизвестный (по этой причине он и в научной литературе почти не описан). Употребление цыганского языка в ругательствах и в беседах повышено эмоционального свойства согласовалось бы с предположением о его правополушарной соотнесенности в отличие от левополушарной у английского (и, возможно, испанского) у тех же индивидов. Что же касается ругательств на цыганском языке, их семантика (внутренняя форма) и синтаксическая структура полностью сохраняют тождество восточнославянским выражениям, в этом варианте цыганского калькированным с русского или украинского. Если разговор идет между представителями двух диалектов, каждый из них употребляется по очереди. Поэтому каждый говорящий пассивно знает оба диалекта, хотя говорит обычно только на одном из них. Дети больше говорят по-английски, вставляя некоторые цыганские слова. Но они пассивно овладевают языком, понимают его и могут на нем говорить. По мере взросления они все больше говорят по-цыгански. Цыганский считается языком взрослого мужчины, повзрослев, молодой человек начинает больше на нем говорить, что выглядит как языковой аналог ритуала инициации (похожие явления наблюдаются и в других языках и объясняют устойчивость пожилой группы говорящих на протяжении ряда поколений в языках, которые без достаточных оснований причисляются к вымирающим).

Некоторые грамматические черты обоих диалектов цыганского языка (отсутствие подлинного инфинитива, заменяемого личными глагольными формами, употребление артиклей) и такие фонологические признаки, как наличие двух гласных фонем среднего ряда, показывают устойчивость отраженных в них характеристик балканского языкового союза, некоторые другие члены которого (болгарский, румынский, новогреческий) тоже относятся к числу языков Лос-Анджелеса. Вместе с тем набор оппозиций в системе согласных (как и тип ди-

намического интенсивного словесного ударения) совместим с допущением о вхождении языка в евразийский языковой союз, также широко представленный среди языков Лос-Анджелеса.

Два диалекта различаются в основном системами шумных согласных фонем. Основное отличие состоит в том, что в мачванском есть дополнительный ряд ретрофлексных (церебральных) аффрикат и спирантов [*čh*, *č*, *dž*, *š*, *ž'*]:

Система шумных согласных мачванского диалекта в Лос-Анджелесе

<i>ph</i>	<i>th</i>	<i>ch</i>	<i>čh</i>	<i>kh</i>						
<i>p</i>	<i>t</i>	<i>c</i>	<i>č</i>	<i>k</i>		<i>s</i>	<i>š</i>	<i>š'</i>	<i>x</i>	<i>h</i>
<i>b</i>	<i>d</i>	<i>dž</i>	<i>dž'</i>	<i>g</i>	<i>v</i>	<i>z</i>	<i>ž</i>	<i>ž'</i>		

Система шумных согласных калдерашского диалекта

<i>ph</i>	<i>th</i>	<i>ch</i>		<i>kh</i>						
<i>p</i>	<i>t</i>	<i>c</i>		<i>k</i>		<i>s</i>	<i>š</i>		<i>x</i>	<i>h</i>
<i>b</i>	<i>d</i>	<i>dž</i>		<i>g</i>	<i>v</i>	<i>z</i>	<i>ž</i>			

Некоторые лексические варианты пары, такие, как мачванск. *džānav* 'я знаю': калдерашск. *zanav*, объясняются этим фонологическим различием. Наличие в мачванском ретрофлексного (церебрального) ряда согласных делает систему фонем этого диалекта сходной с фонологическими системами других индоарийских языков, представленных в Лос-Анджелесе.

К существенным соответствиям относится то, что мачванск. [*с*] (из общецыганск. **ch*) отвечает калдерашск. *s*: мачванск. *maso*: калдерашск. *maso* 'рыба'; мачванск. *laso* 'хороший': калдерашск. *laso*. Мачванский отличается от калдерашского также дальнейшим развитием палатализации (см. выше об этой черте евразийского языкового союза, отраженной в цыганском): мачванск. *cher*: калдерашск. *kher* 'дом'. Этот процесс палатализации привел в мачванском диалекте к морфонологическим чередованиям, существенным с точки зрения типологии языков Лос-Анджелеса: чередование (на-

поминающее чередования [с/к] в таких восточноевропейских языках евразийского языкового союза, как русский) обнаруживается в мачванских формах именного множественного числа как *tach-a*: ед. ч. *takh* 'муха', так же как и в мачванской глагольной парадигме *dich-el* (переходная форма глагола 'видеть', в соответствии со схемой глагола балканского языкового союза заменяющая отсутствующий инфинитив); *dich-es*, 2-е л. ед. ч. наст. вр., *dich-en*, и 3-е л. мн. ч. наст. вр.: *dikh-av*, 1-е л. ед. ч. наст. вр. 'я вижу', *dikh-as*, 1-е л. мн. ч. наст. вр.

Некоторые слова в цыганских диалектах Лос-Анджелеса представляют собой недавние заимствования из испанского: мачван. *axis* 'перец' (с суффиксом *-s*, характерным для заимствований) < исп. *aji* 'американский индейский перец' при калдераш. *ardej* (< румын. *ardei*).

Современный большой город обладает большим числом учебных заведений, дающих образование, в том числе и языковое, разных уровней. Около 91 языка (несколько меньше половины всех языков города) преподается в школах — общественных, церковных, частных. Есть школы (например, французская), где преподавание всех основных предметов ведется на одном иностранном языке (плата за обучение не для французов очень высокая, поэтому здесь система приближается к кастовой). Наряду с новыми центрами образования значительную роль в жизни города по традиции играют церкви, храмы, религиозные центры разных вероисповеданий. В церковных школах преподаются священные языки: кроме уже названных древнееврейского и церковнославянского можно отметить классический арабский и коптский. Последний преподают в ряде коптских церквей, посещаемых многими коптами-христианами, чей разговорный язык — египетский вариант арабского. В центрах буддистского просвещения преподается классический письменный тибетский язык.

Из мертвых языков Европы, важных для современной культуры¹⁴⁰, но отчасти также и для некоторых (юридиче-

¹⁴⁰ О попытках воскрешения латыни как разговорного языка в Европе и в Калифорнии см.: Mead 2001. В отличие от описываемой

ских, медицинских) сторон современной жизни, в Лос-Анджелесе уделяется внимание латинскому языку. Совместными усилиями Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе и Центра Гетти создается программа Виртуальной Реальности Рима. На базе виллы Гетти, построенной по образцу римских вилл знатных людей, предполагается создать условия для восприятия с помощью современной техники культуры и быта древнего Рима, виртуальный образ которого за определенную (большую) сумму посещает клиент программы. Общение с ним должно вестись на латыни. Программа вступает в действие в ближайшие годы.

Первоначальными языками той местности, где возник потом город Лос-Анджелес, были америндейские языки юто-ацтекской группы, известные как габриелено (название этому и нескольким другим языкам юто-ацтекской группы было дано испанскими монахами соответствующих миссий), отчасти уже только или преимущественно по сохранившимся архивным материалам¹⁴¹. Язык кахуилла, на котором говорили в деревушке с пятьюдесятью жителями в районе нынешней Сен-Фернандо-Вэлей, еще сохраняется в отдалении от города в районе Палм-Спрингз, в пустыне Мохейв и проходе Сан-Горгонио; общее число говорящих в 1990 г. составляло 35 человек. В это же время на лусеньо говорило 43 человека; об умирании серрано см. выше. По мере распространения языков иммигрантов языки туземного населения были почти полностью вытеснены. Названные языки юто-ацтекской группы, на которых перед созданием города Лос Анджелеса говорили на территории предшествовавшего ему поселения Yanga, сами

программы речь идет преимущественно об изложении современных вкусов и мыслей на этом языке, напр.: *Jacobus ille Morrison[us] autumavit tria esse in hac vita nostra magni momenti: res venereas nempe, medicamina stupefactiva, atque mortem; se autem duo prima elegisse ipsum, sed a morte potius se electum iri.* — «Джим Моррисон сказал: Есть три главные вещи в нашей жизни: сексуальные дела, наркотические средства и смерть. Я сам выбрал бы две первые, а смерть сама может меня выбрать» (Там же, р. 114).

¹⁴¹ McCawley 1996; ср. Silver, Miller 1997; Closs 1996. О чумаш ср. также Beeler 1996.

не были исконными на этой территории. До их прихода с юга основными языками этого района были еще сохранявшиеся в 19-м в. диалекты чумаш (по одной из классификаций туземных америндейских языков составляют особую группу).

На протяжении почти шеститысячелетней письменной истории больших городов (а возможно и в предшествующий дописьменный период, о котором можно судить по фольклорным и другим косвенным свидетельствам) после неолитической («городской» по археологу Чайлду) революции они отличались наличием нескольких языков, используемых одновременно (как в Эбле, Угарите, Хаттусасе); в редких случаях, когда этого нет, обычно сосуществование многих других систем знаков (как в Афинах времени Перикла). Исключительное языковое разнообразие, характерное для таких городов — мегалополисов новейшего времени, как североамериканские (Торонто, Нью-Йорк, Чикаго, Бостон), можно пояснить приведенным примером Лос Анджелеса.

14. Языковая биография личности

Нейролингвистические данные показывают, что новорожденный уже отличает голос матери от других звуков, в частности музыкальных. Можно думать, что языковое развитие начинается еще в эмбриональном периоде и продолжается всю жизнь. Большая литература посвящена изучению языка ребенка в его становлении. На проведенных в середине 1990-х гг. конференциях в Москве (в Голицыно) и Женеве, посвященных памяти Выготского и Пиаже, я убедился в том, что вслед за этими крупнейшими психологами прошлого века большинство исследователей сосредоточено на изучении сменяющих друг друга периодов развития. Для лингвиста одной из увлекательных задач остается изучение младенческого лепета, предшествующего усвоению родного языка. С одной стороны, в нем можно увидеть вероятную тренировку на произнесение любых звуков, в том числе и таких, которые могут не встречаться в языковом окружении младенца (как щелкающие звуки — clicks, присущие только кой-санским языкам и другим соседним с ними языкам Южной Африки — семьи банту и по ван Гиннекену принадлежащих к остаткам древнейшего устного языка; мне случалось слышать их в лепете московских младенцев). С другой стороны, работы по глоссологии (в частности, последняя книга Якобсона и Во) позволяют предположить, что некоторые тенденции к предпочтению определенных как бы экзотических звукосочетаний (не только у поэтов, но и у крестьян — членов секты «глаголящих») могут восходить к этому раннему возрасту (я бы, например, предложил дать такую гадательную интерпретацию признанию Пастернака относительно особого значения для него зву-

чания таких слов, как *магний*). На этом пути кажется возможным искать и корни поэтической звуковой заумы, приобретшей особое значение у таких поэтов минувшего века, как Хлебников и Арто (оба они представляют редкие примеры полного выявления индивидуального языкового творчества).

Ко времени после усвоения родного языка относятся «лепые нелепицы», занимавшие Чуковского и имитированные задолго до него любимыми детскими писателями — в частности, Кэрроллом, который по этой причине оказался созвучен сюрреалистам — раннему Арагону и тому же Арто. Дети любят грамматически правильно построенные бессмысленные или противоречащие обычным смысловым правилам тексты, потому что сами их строят. Как позднее (после писателей и психологов) поняли логики и лингвисты (Карнап и Щерба), подобные тексты важны для понимания отличия грамматических значений от лексических.

Раннее усвоение двух или более языков может наложить печать на все последующее развитие ребенка и взрослого. В русской традиции знаменателен пример двуязычия Пушкина. Короткие планы произведений, написанные им по-французски, вместе с другими его французскими текстами позволяют предположить, что два основных его языка различались функционально: языком поэтического выражения по преимуществу был русский (я не исключаю и отчасти подобную роль для него итальянского в последние годы жизни, когда он им владел достаточно свободно, но как языком разговора и поэтического чтения, т. е. восприятия). А французский (как и у многих его современников, друзей, корреспондентов и собеседников, как Чаадаев) был главным языком логического рассуждения (скорее всего, левополушарного; в том же смысле вспомогательную роль мог играть латинский, ср. его терминологическое употребление в «Путешествии в Арзрум»). Такая же логически-рассудительная роль французского языка очевидна в дипломатической, публицистической и политической сторонах жизни Тютчева. Но русский оставался, как и у Пушкина, основным средством для его поэзии и языком повседневного общения вне салонов, когда он бывал на родине. С такими интеллектуальными собеседниками, как Гейне,

Тютчев разговаривал по-французски (это был основной язык салонного общения в тогдашнем Мюнхене, где они встречались). Но в тех стихах, которые, как показал Тынянов, навеяны Гейне, Тютчев явно следует ритму и звукописи немецкого подлинника (ср. *Es treibt dich fort vom Ort zu Ort — Из края в край, из града в град*). Немецкий должен был иметь значение и в повседневной жизни для Тютчева в двух его браках с немками. Иначе говоря, по своей функции немецкий язык у него мог оказываться ближе к русскому, чем к французскому.

Проведенные в последние десятилетия нейролингвистические исследования показали, что при полном сходстве функций двух языков в многоязычном обществе (например, английского и китайского в Сингапуре) они почти одинаковым образом представлены в доминантном полушарии. Но возможны и ситуации не только разделения языков по полушариям, но и наличие нейролингвистического конфликта между ними.

Выдающемуся немецкому лингвисту Леви принадлежат увлекательные исследования о языке старого Гёте, где показаны значительные языковые различия, связанные с возрастом и напоминающие у пожилого автора типологию классического санскрита¹⁴². Леви задавал вопрос, можно ли найти аналогичные явления в языке других писателей, продолжавших сочинять до глубокой старости, как Лев Толстой. Эта «герантологическая» область лингвистики остается малоразработанной, как и поставленная в этих работах Леви проблема языка отдельной личности¹⁴³.

Было бы важно наметить языковые периоды, отличающие разные времена в жизни человека, оставившего по себе словесные свидетельства, как школьные латинские стихотворные тексты Рембо, где уже выражена архетипическая тема призвания поэта, французские стихи и проза совсем юного Рембо и его же позднейшие письма из Африки.

¹⁴² Lewy 1961, S. 91—113.

¹⁴³ В более широком контексте взаимодействия культуры и личности тот же вопрос поставлен в серии статей Сепира (Сепир 1993) и в его недавно реконструированном курсе лекций о психологии культуры: Sapir 2002.

Изучены отдельные трагические повороты языковой судьбы. В стихотворении «Horloge» Бодлер приписывает своим часам способность говорить на любом языке и ставит рядом равнозначные английское *Remember!*, французское *Souviens-toi!* и латинское *Esto memor!* В свой сборник, где во французских стихотворениях немало отдельных латинских речений, вместе с французскими стихами он включает и стихотворение на латыни, стилизующее позднюю рифмованную поэзию. С английского он много переводит (Эдгара По и Де Квинси).

Бодлер болел сифилисом и в конце жизни почти полностью потерял речь. Единственное, что он мог произнести (по-видимому, правым полушарием, сохранявшим эту способность и после полного разрушения речевых зон левого полушария), было богохульственное французское ругательство¹⁴⁴.

Роман Якобсон изучил языковую сторону катастрофы, пережитой другим великим поэтом, Гёльдерлином. После того как с ним порвала его любимая женщина (та, которой, называя ее Диотимой, он посвятил лучшие свои стихи), Гёльдерлин переменялся, по мнению психиатров заболел паранойей. Он продолжал писать стихи. Но из них исчезают эгоцентрические слова, себя поэт называет различными именами (преимущественно итальянскими), избегая шифтера — личного местоимения «я»¹⁴⁵ (ср. у того же Рембо высказывание «я — это другой», привлекшее внимание Бенвениста и интересное для понимания Другого, ставшего после Когена, Бахтина и Бубера одной из главных тем философии XX в.). Демографы уверяют, что в скором времени в развитых странах пожилые люди составят едва ли не основную часть населения. В этом случае из перечисленных проблем самой острой станет язык в старости и его возможное консервирующее влияние на историю языка общества в целом.

Возникает вопрос: в какой мере предложения по улучшению словоупотребления, в котором представители старшего поколения (например, такие маститые писатели, как Солженицын) видят ошибки и отступления от духа языка у младших

¹⁴⁴ Riese 1977.

¹⁴⁵ Якобсон 1987.

по возрасту групп говорящих, в самом деле отражают собственно языковые процессы или же по существу являются просто свидетельствами соответствующих биологических и социальных различий? Особенно наглядно это проявляется по отношению к таким слоям лексики, которые быстрее всего обновляются в каждом следующем поколении, как слэнг и вообще слова с эмоциональным звучанием. Автор (как, скажем, Бродский) после вынужденного отъезда из России может продолжать пользоваться в своих произведениях словами этого рода, которые к тому времени в разговорном языке уже оказываются замененными другими синонимами. Литература может закреплять словоупотребление, расходящееся с тем, которое преобладает в современной речи.

15. Методы реконструкции и их роль

Проблема реконструкции представляет интерес для всех наук, исследующих изменение во времени¹⁴⁶ и имеющих дело с косвенными данными, по которым можно пытаться восстановить прошлое (в связи с реконструкцией детства как задачей психологии об этом писал еще в 1920-е гг. Л. С. Выготский, использовавший интересные теоретические работы тех лет, специально посвященные этому вопросу). Хотя большинство естественных наук достаточно интенсивно занимается «историей времени» (Хокинг) и восстановлением ранних или исходных состояний (Большой взрыв и т. п.) и сделаны первые шаги в построении временных логик (прежде всего Прайором¹⁴⁷), еще предстоит последовательно сравнить соответствующие выводы в этих науках и в тех гуманитарных дисциплинах, которые (как сравнительно-историческое языкознание) давно заняты решением аналогичных задач. Основой для реконструкции в современной лингвистике является выявление элементов более древней системы внутри данного языка, т. е. внутренняя реконструкция (в отличие от внешней, опирающейся на сравнение с другими языками). Такие архаизмы в современном языке выделяются благодаря их изолированному положению в системе: например, в русском языке глаголы бытия (рус. *есть—суть*, причем последняя форма в отличие от нем. *sind* или франц. *sont* стилистически ограничена, встречается в учебниках математики, в поэзии, например,

¹⁴⁶ Г. фон Вригт 1986, с. 515.

¹⁴⁷ См. напр., Прайор 1981, Томасон 1981, фон Вригт 1986, с. 31, 513—538 и др.

как бы в качестве окаменевшей цитаты из учебника или стилистически используемого вульгаризма у Бродского; о происхождении супплетивной основы *бы-ть* см. выше, с. 71), тип склонения слова *путь*, формы личных местоимений: *мы—нас* и т. д. Многие такие пережиточные древние формы сохраняются в часто употребляемых словах: реконструкция может опираться на статистические характеристики слов и форм. Поскольку подавляющее большинство языков являются смешанными, т. е. содержат (в разных количественных соотношениях) элементы, полученные из разных языков, им предшествовавших или на них в разное время повлиявших, одной из важных задач при внутренней реконструкции оказывается вычленение такого слоя в языке, который принадлежит другому языку, в случае русского — прежде всего церковнославянскому (в его русском изводе). На следующем этапе проводится сравнение данного языка (и выявленных в нем разных слоев, связанных с заимствованиями) с другими языками. Каждый язык может быть представлен как результат преобразования во времени предшествовавшего ему языка, например, современный русский язык является результатом преобразования во времени древнерусского языка, а этот последний восходит к общеславянскому праязыку. Все славянские языки происходят из диалектов этого праязыка, который реконструируется на основании сравнения их всех друг с другом при учете предварительных результатов внутренней реконструкции. Но русский язык представляет собой соединение множества L_1 основных элементов, прямо продолжающих древневосточнославянский древнерусский диалект, с очень большим числом элементов множества L_2 , восходящих к церковнославянскому и более древнему старославянскому (исторически южнославянскому) диалекту, чем объясняются, например, такие дублеты, как рус. *ж* : старослав. *жд* — *надежный* : *надежда*, *межа* : *между* и т. д.

Реконструкция предшествующего состояния может быть описана как восстановление такого процесса перекодирования, при котором каждое слово (и его составляющие — морфологические и звуковые части — морфемы и фонемы), относившееся к более древнему состоянию языка, заменяется

соответствующим ему словом, отвечающим более позднему состоянию языка. Иначе говоря, при передаче языковых сообщений по каналам связи между поколениями осуществляется перекодирование (с частым искажением, как и в случае мутации при передаче генетической информации¹⁴⁸). В теории Шеннона рассматривается случай, когда имеются два разных кода, с помощью которых кодируется язык¹⁴⁹. Именно этот случай представляется наилучшей моделью для описания изменения языка во времени. Каждая праславянская праязыковая форма, входившая в набор элементов праязыка $L_{com\ sl}$, заменяется в L_r соответствующей формой, перекодированной согласно звуковым законам исторической фонетики древнерусского языка, а в L_s — формой, отвечающей правилам исторической фонетики старославянского языка. В реальных древнерусских текстах обнаруживается оба типа отображений исходных праславянских форм. В качестве иллюстрации можно привести найденный в 2000 г. новгородской археологической экспедицией текст псалтыри. Он представляет собой древнейший датируемый старославянский документ рубежа X и XI вв. н. э. (скорее всего, первого десятилетия XI в.), соответственно в нем еры (редуцированные сверхкраткие гласные ѣ = сверхкраткое й и ѥ = сверхкраткое й) уже перекодированы по правилам старославянской фонетики. В древнерусском языке этого времени эти фонемы еще сохраняются, не подвергаясь изменениям. Псалтырь, переведенная с греческого старославянским монахом, была переписана древнерусским писцом. Поэтому на начальных страницах псалтыри отражена старославянская звуковая форма соответствующих слов, а в последующей части текста уставший древнерусский переписчик в ряде случаев меняет звуковую форму слов в согласии с древнерусским произношением, в отношении еров еще близким к праславянскому.

¹⁴⁸ См. подробнее о сопоставлении биологической и языковой эволюции в теоретико-информационных терминах: Мопод 1970. Наиболее интересным вопросом сейчас представляется возможность сопоставления «молчащей» части генетического сообщения с аналогичными явлениями в словесном (устном и письменном) общении.

¹⁴⁹ Шеннон 1963.

Случай, подобный русскому языку, когда оба языка (когда), исторически предшествующих данному, родственны друг другу (т. е. восходят к диалектам одного и того же праязыка), встречается достаточно часто: например, таково соотношение германских элементов раннедревнеанглийского (западногерманского) и древнескандинавского (северногерманского) происхождения в английском, греческого и индоевропейского догреческого происхождения в греческом, латышского и балтийского куршского в латышском и т. п. Но возможно и заимствование большой группы слов из неродственного языка, например, ранние китайские заимствования в японском. Можно изучать сравнительным способом фонетические соответствия между японскими числительными древнекитайского происхождения и сходными элементами в таких исходно родственных китайскому языках, как классический тибетский¹⁵⁰. Но рядом с заимствованными числительными в японском употребляются и исконные слова алтайского происхождения, имеющие соответствия в корейском, тунгусо-маньчжурском, монгольском, тюркском.

Реконструкция или «постсказание» (*postdiction* по Хемпелю) может быть проверена или фальсифицирована (в поперовском смысле) при открытии таких новых данных, которые не были известны в то время, когда осуществлялась реконструкция. Так, например, происхождение аффрикаты типа *с из палатализованного *k перед гласным переднего ряда, образовавшимся из древнего дифтонга, подтвердилось при недавнем открытии исключительного архаизма древненовгородского и древнепсковского диалектов, где в берестяных грамотах еще сохраняется праславянский облик соответствующих слов. В наиболее восточной ветви индоевропейских языков — тохарских языках Восточного (Китайского) Туркестана, письменные памятники которых, относящиеся ко 2-й половине I тыс. н. э., дешифрованы около столетия назад, найдены подтверждения таким реконструкциям, как *rēki 'слова, речь' для праслав. *rěci (откуда русск. *речь*). Для методологии сравнительно-исторического языкознания большое значение

¹⁵⁰ См. табл.: Иванов 1990а, с. 94.

имело подтверждение большого числа индоевропейских реконструкций при дешифровке хеттского и других древних индоевропейских языков Малой Азии. Особенно существенным достижением явилось установление Куриловичем соответствия хеттского *ḫ* и гипотетической индоевропейской фонемы, за 50 лет до этого восстановленной Ф. де Соссюром благодаря внутренней реконструкции внутри индоевропейского языка¹⁵¹.

Открытия последних лет продемонстрировали возможность проверки очень точных предсказаний, касающихся слов, заимствованных одним языком из другого, отдаленно ему родственного. В 1974 г. выдающийся иранист М. Шварц опубликовал список ряда тохарских слов, в которых он предположил заимствования из тогда незасвидетельствованных слов восточноиранского бактрийского языка, известного в то время лишь по немногим текстам. Крупнейшее достижение иранского языкознания, состоящее в обнаружении очень большого числа (порядка сотни) бактрийских документов¹⁵², позволило через четверть века подтвердить догадку Шварца: во вновь обнаруженных бактрийских текстах найдены такие реконструированные им раньше слова, как бактр. *αγαλυο*: тохар. В *akālk*, А *ākāl* 'желаемый'; бактр. *φρομγυο*: тохар. В *prāmañk* 'надежда'; двоякая реконструкция многоступенчатого заимствования была осуществлена Шварцем в отношении нескольких слов среднеиндийского пракрита Крорайны (Лулана), тексты на котором написаны индийским письмом кхароштки. Эти слова заимствованы из бактрийского в тохарский, откуда в пракрит крорайнских текстов¹⁵³.

Другой чертой современного периода в развитии сравнительно-исторических исследований является распространение методов реконструкции на большие отрезки текстов. Оказы-

¹⁵¹ Зализняк 1977; Ельмслев 1965.

¹⁵² Sims-Williams 2000.

¹⁵³ Tremblay 2001, p. 24—25, n. 37. В тохарских глухих совпали глухие и звонкие, переставшие различаться, в бактрийском конечное -o было знаком конца именной словоформы. Поэтому бактрийские и тохарские слова совпадают полностью.

вается возможным восстановление не только отдельных слов, но и целых мифопоэтических формул и фрагментов текстов.

В частности, для индоевропейской мифопоэтической традиции оказывается возможным восстановление древнейших стихотворных схем, из которых выводится дальнейшее развитие стиха в отдельных литературах¹⁵⁴. Здесь также осуществлена проверка предложенных ранее реконструкций. Исследованные в последние годы образцы анатолийских (хеттских и лувийских) стихов и песен подтверждают некоторые из метрических схем, раньше предложенных для общиндоевропейского. Реконструкция возможных метрических схем зависит от тех особенностей слоговой и акцентуационной структуры словаря и текстов, восстановление которых может быть достигнуто с помощью сравнительного языкознания и ограничено его пределами.

Возможности реконструкции соответствующих характеристик архаического индоевропейского стиха и его языка (*Indogermanische Dichtersprache*) определяются крайней консервативностью соответствующих традиций. В поэзии на древних индоевропейских языках на протяжении тысячелетий сохраняются с минимальными изменениями метрические схемы поэтических формул, путем монтажа которых образуется стихотворный текст. Эта установка на повторение старой формулы характеризует «холодные» культуры (термин Леви-Строса) в отличие от «горячих», которые стремятся к построению принципиально новых текстов (несущих поэтому максимальное количество информации).

Но в той мере, в какой возможности авторов литературных текстов не исчерпываются теми вероятными применениями метра, которые зависят от просодических особенностей данного языка, по отношению к литературе в еще большей степени, чем применительно к языку, на первый план выдвигаются возможности, связанные с культурными влияниями. Поэтому, скажем, для ранней римской (латинской) драматургии существенное значение может иметь реконструкция на основе этрусских и пунических прообразов¹⁵⁵.

¹⁵⁴ Уэст 1988; Якобсон 1987.

¹⁵⁵ Иванов 1987/2003, III.

Мысли фон Вригта о применении теории информации к истории¹⁵⁶ делают вероятным приложение некоторых из изложенных соображений и к другим гуманитарным наукам. Сравнение ученого, производящего реконструкцию, с детективом, намеченное еще в методологической работе лингвиста А. И. Смирницкого о сравнительно-историческом языкознании, было развернуто в исследовании методов истории у Хинтикки в связи с изучением возможностей абдукции (тем же кругом идей и той же метафорой детектива в ее сюжетном воплощении объясняется структура романа Эко «Имя розы» и направление примыкающих к нему эссеистических сочинений того же автора об абдукции). Проблема «улик», на основе которых строит свои выводы историк, и методов реконструкции события на их основе объединяет разные науки, занятые восстановлением прошлого. «Машина времени», построенная сравнительно-историческим языкознанием, не только может служить методологическим (часто пока недостижимым) образцом для других наук, решающих на своем материале сходные задачи, но и в принципе может способствовать объединению разных реконструкций прошлого — лингвистических, археологических, антропологических. Существуют многие области словаря древних праязыков, где сопоставление с данными других наук необходимо (например, при изучении и реконструкции названий металлов, домашних животных и растений). На этом пути возможна не только взаимная проверка выводов, полученных независимо друг от друга, но и определение древнего расселения носителей праязыков и направление их ранних миграций, приведших к диалектному членению.

¹⁵⁶ Г. фон Вригт 1986, с. 185—186.

16. Связи между макросемьями

Особенностью того развития, которое сравнительно-историческое языкознание получило на протяжении прошлого века, в особенности благодаря работам В. М. Иллича-Свитыча и его последователей, является практически неограниченное углубление реконструкции. Каждый раз выбирается определенный хронологический срез, для которого проводится реконструкция. Этот срез определяется числом и характером языков, которые по правилам исторической фонетики и грамматики сравниваются с данным, и соответствующими лексико-статистическими подсчетами. За праславянской реконструкцией, относимой к второй половине I тыс. н. э., при движении вглубь лингвистического времени следует получаемая благодаря сравнению славянского с восточнобалтийским (литовским, латышским и близким к ним диалектам) и западнобалтийским (прусским и другими вымершими языками, известными по скудным данным) реконструкция существовавшего не меньше чем за тысячелетие до этого гипотетического балто-славянского праязыка. К IV—V тыс. до н. э. по выводам лексикостатистики (глотнохронологии) в согласии с другими данными относится реконструируемый на основании сравнения балто-славянского с другими индоевропейскими языками общеиндоевропейский праязык. Результаты его восстановления можно соотнести с реконструкцией, выполненной для другой группы предположительно родственных языков. Эту операцию можно повторять несколько раз. Ограничения накладываются только изнашиванием морфов и изменениями базисного словаря. Однако число сохраняющихся элементов и соответственно надежность реконструкции при таком удалении в прошлое существенно уменьшается.

Как установил Иллич-Свитиыч, индоевропейский праязык входит в более обширную ностратическую макросемью. Лежащий в основе всех ее диалектов ностратический праязык может быть реконструирован для времени ранее 10 000 лет до н. э. Начатые в недавнее время сравнения ностратической макросемьи с другими основными макросемьями позволяют надеяться на реконструкцию некоторых элементов вероятного исходного языка, на котором могли говорить около 50 000 лет до н. э. его носители — первые представители *Homo Sapiens Sapiens*, которые к этому времени переселяются из Африки.

На протяжении будущего столетия можно надеяться на уточнение отношений между основными макросемьями языков мира (с праязыками древнее 10 000 лет), как и в пределах каждой из этих семей:

I. Ностратическая (по В. М. Илличу-Свитиычу и его последователям включает семьи: индоевропейскую, картвельскую, уральскую — финно-угро-самодийскую и юкагирский, алтайскую — тюркский, монгольский, тунгусо-маньчжурский, корейский и японский, эламско-дравидийскую, а также, вероятно, «евразийские» по Гринбергу: эскимосско-алеутский и чукото-корякский; положение нивхского и айнского, сопоставляемого также с аустро-тайским, проблематично).

II. Афроазиатская (семито-хамитская) (по В. М. Илличу-Свитиычу входит в ностратическую макросемью)¹⁵⁷.

¹⁵⁷ В пользу вхождения семитских и индоевропейских языков в одну макросемью с картвельскими и уральскими говорит разительное совпадение в структуре и грамматических показателях архаического типа глагольных форм (Иванов 1981, с. 67—68 и сл.). Ср. выше, в главке 2, о полном параллелизме в развитии анафорического местоимения. Эта грамматическая изоглосса, связывающая отдельные параллельно развивавшиеся афроазиатские и индоевропейские диалекты, представляется важным доводом в пользу отнесения их к одной макросемье (несмотря на как будто этому противоречащие лексико-статистические выводы, которые для ранних периодов нуждаются, возможно, в количественных уточнениях).

- III. Севернокавказско-енисейско-сино-тибетская** (+ на-дене?) (в эту макросемью могли также входить отдельные изолированные языки Евразии: баскский, бурушаски, мертвые языки Ближнего Востока: шумерский)¹⁵⁸.
- IV. Аустро-тайская** (в эту макросемью включаются австронезийские, в том числе малайско-полинезийские языки, а также мяо-яо и тайские).
- V. Австроазиатская** (в эту макросемью включаются вьетнамские языки, мон-кхмер, мунда); предположено отдаленное родство этой семьи с аустро-тайской; в этом случае они возводятся к одной аустрической макро-макросемье.
- VI. Австралийская.**
- VII. Индотихоокеанская** (по Гринбергу; папуасские языки и другие языки района Новой Гвинеи недостаточно описаны).
- VIII. Американоиндейская** (по Сепиру-Суодешу, Гринбергу, Мейтсон).

¹⁵⁸ Кроме отдельных лексических соответствий (как название «рта» и других основных слов) отнесение шумерского к этой макросемье представляется вероятным из-за разительного внешнего сходства глагольной префиксации с енисейским (префиксы *b-* и *d-* и некоторые другие). Исключительность совпадений енисейского с баскским заметил Поливанов. На одинаковость системы префиксального выражения именных классов в енисейском и севернокавказском указывал еще Е. А. Крейнович. Для бурушаски и енисейского это важнейшее грамматическое соответствие давно установил В. Н. Топоров; лексическое обоснование гипотезы о принадлежности бурушаски к «сино-кавказской» или «дене-кавказской» макросемье в самое последнее время получено С. А. Старостиным (Starostin 2002), которому вместе с его соавторами и сотрудниками принадлежит несколько основополагающих этимологических и фонетических исследований этой макросемьи и ее отдельных частей, сопоставленных впервые Тромбетти, Боуда, Марром (относившим эти языки вместе с рядом других, в частности картвельских, к «яфетической» семье) и рядом других исследователей.

IX. Нило-сахарская (по Гринбергу, макросемья недостаточно исследована; часть языков обнаруживает сходство с ностратическими).

X. Конго-кордофанская; макросемья состоит из нигеро-конголезской и кордофанской; она может быть родственна нило-сахарской макросемье; в этом случае они возводятся к одной конго-сахарской или «суданской» макро-макросемье.

XI. Койсанская.

Поскольку нарисованная генетиками (Кавалли-Сфорца и др.) картина древнейшего расселения человечества предполагает наличие хотя бы примитивных способов передвижения по воде, кажется полезным сравнение предполагаемой лексики мореплавания в разных (макро)семьях.

Согласно этой генетической реконструкции, предки современного человека, двигаясь по воде (вдоль берега?) из части Африки, соответствующей современной Эфиопии и Сомали, переселяются в направлении Аравии, Индии и Юго-Восточной Азии. На протяжении примерно 10 000 лет это движение, около 40 000 лет назад, приводит их в Австралию, на острова Тихого Океана и к Америке. Другая часть переселенцев из центральной Евразии, куда они приходят с юга, движется на Запад и постепенно овладевает Европой, уничтожая там и на Ближнем Востоке неандертальцев (до того препятствовавших непосредственному переселению из Африки через Синайский перешеек, в обход чего и было предпринято описанное сложное движение). С этой схемой расселения, полученной генетиками, согласуется лингвистическая гипотеза о древнем отдаленном родстве подавляющего числа существующих языков (возможное исключение могут составлять такие стоящие обособленно языки Юга Африки, как койсанские, но с исторической точки зрения они недостаточно изучены). Предполагается, что детали этой общей картины должны проясниться по мере реконструирования праязыков макросемей и путей их разделения на отдельные семьи, взаимные отношения которых друг к другу еще должны уточняться.

17. Аффективная сторона текста. Уменьшительность: четверостишие Бунина и тохарские параллели

Несколько течений в лингвистике начала прошлого века (Балли и Вандриес, школа Фосслера и Шпитцер) правильно отмечали значимость *аффективной* стороны языка. Это направление не получило значительного развития. Между тем его выводы были бы важны не только для понимания многого в различении языков поколений (каждое следующее поколение вводит свои оценочные слова типа *cool*) и темпов изменений (особенно словаря), но и для уяснения уже затронутых в другой связи выше принципов организации целого текста, в частности литературного.

В русском фольклоре (а отчасти в архаизирующем разговорном и поэтическом стилях), как и в некоторых других близких славянских и балтийских (в частности, латышской) традициях, важнейшую роль играет прием последовательного образования *уменьшительных форм существительных*. Рассмотрим второе (последнее) четверостишие стихотворения Бунина «*Степь*» — «Синий ворон от падали алы́й»:

Синий ворон пьет *глазки* до *донушка*,
Собирая по *косточкам* дань.
Сторона ли моя, ты, *сторонюшка*,
Вековая моя *глухомань*.

В тексте 17 слов, из них 4 (набранные мной курсивом), то есть немногим меньше четверти, — уменьшительные формы существительных. Из этих форм 2 стоят в особенно заметной рифменной позиции, последняя из них повторяет главное (ключевое) слово, сперва в обращении (к стране — «сторо-

не») названное в обычной форме, а затем повторенное в уменьшительной форме (прием усилительного повтора), причем на это слово приходится и синтаксическая пауза. Стилистический эффект связан с трагическим несоответствием уменьшительных форм и чудовищности описываемого — *глазки*, их *донушко*, да и *косточки* относятся к падали, пожираемой вороном, а *сторонушка*, которую автор в двух последних строках дважды называет «своей», этой именно картиной описывается и характеризуется.

О достаточно древних параллелях к таким фольклорным (по истокам) построениям в славянских традициях говорит тохарский Б поэтический текст Джатакамалы 352а 2—3¹⁵⁹, где в 2 строках соединяются 4 подобные уменьшительные формы: *kokalysiškam yākwawškam* ‘повозочки (и) лошадки’, *sāsūškam [ρ]aiyyiškam* ‘сынков ноженьки’ (все 4 формы образованы от слов индоевропейского происхождения и могли бы быть древними, хотя это не обязательно; подчеркнутые мной уменьшительные тохарские суффиксы типологически, а возможно, и генетически сходны со славянскими).

Из интересных общелингвистических вопросов, связанных с уменьшительностью, я обратил внимание на одну фонетическую особенность уменьшительных форм. Во многих языках аффиксы, выражающие это значение, содержат палатализованные или палатальные гласные. В языках, где (как во многих африканских) есть тоны, высокий или восходящий тон обычно характеризует уменьшительные формы. Там, где структура языка это позволяет, высокий тон сочетается с палатализованностью (например, в латышских диалектах, описанных Руте-Дравиня в ее книге об уменьшительных формах). С акустической точки зрения оба эти признака сходны. Можно думать, что ономатопоэтическое выражение умень-

¹⁵⁹ Код Городской библиотеки Берлина ТНТ 352; текст оригинала, написанного курсивным брахми, можно видеть на сайте TITUS. 3-е слово, образованное от основы, использующейся в им.-вин. п. мн. ч. как супплетивная форма в парадигме тох. В *soy* ‘сын’, встречается и в «Аранеми-джатаке», Краузе 1959, с. 86, 88 (прим. 4); по Винтеру оно объясняется из старой редупликации.

шительности высотой тона относится к числу универсальных свойств языка. Подобные закономерности звукового символизма, которые, как соотнесение противопоставления «большой» — «маленький» с различием гласных [a]—[i], проверены методами экспериментальной психологии, нужно рассматривать как возможные, но не обязательные: во французской паре grand 'большой' — petit 'маленький' эта тенденция побеждает, в других языках только намечена, но есть много языков, где исторические обстоятельства помешали ее осуществлению.

Вероятно, что каждое следующее поколение при усвоении родного языка пытается внести в него те черты, которые соответствуют этим универсальным закономерностям. Но коррекция со стороны родителей и воспитателей вместе с другими социальными факторами (влияние средств массовой информации и чтения) может стереть следы таких начинающих нововведений. На этих примерах можно проследить противоборствующие тенденции, определяющие характер развития языка.

18. Парные слова с начальным губным носовым

Одной из наиболее впечатляющих программ будущих возможных исследований связи звучания и значения в языке (особенно поэтическом) для меня остается глава к последней книге Романа Якобсона (написанной вместе с Линдой Во) о звуковом облике языка с эпиграфом из Малларме. Из тех проблем, которые Якобсон наметил еще в первых своих работах (в частности, в книжке о Хлебникове), я довольно долго занимался одной. На протяжении многих лет я собирал материалы, касающиеся распространенных во многих языках парных сочетаний слов, где второе слово отличается от первого только начальным губным носовым *m*- (иногда в сочетании с предшествующим шипящим спирантом *ʃ*, как в идиш: *ʃm*-), заменяющим любой первый согласный или добавляемым к следующему за ним гласному: тип русск. *гоголь-моголь*. В многочисленных поездках по Кавказу я давно обратил внимание на то, что из разных языков кавказского ареала этот распространенный в них прием попадает в тот вариант русского языка, который был распространен на Кавказе. Он обычно используется в живой речи для образования оборотов с сильно выраженной эмоциональной (иногда негативной) или иронической окраской: *сумки-мумки* (в смысле: эти бесконечные сумки — от водителя такси); *деньги-меньги*. Он попадает и в анекдотах (например, армянских), стилизующих русско-кавказский пиджин: *культур-мультаур* (где исходное слово взято из формы, которую в пиджине может получить слово *культура*). Фазиль Искандер, умело стилизующий русскую речь описываемых им краев, использовал и этот прием в сочетаниях вроде *зелень-мелень*. Первым из побывав-

ших на Кавказе писателей эту местную языковую черту подметил Лев Толстой: в «Казаках» у него уже встречается *хурда-мурда*. В пародийной передаче речи «кавказцев» аналогичное *хурд-мурд* используется у Хлебникова в пародии на стихотворение О. Розановой рядом с чисто хлебниковским *господь-мосподь*¹⁶⁰. В других местах у него появляются *могатырь, можар, можарище*. В некоторых своих сочинениях Хлебников нанизывает целые грозди таких пар: *богу-могу, девы-мевы, руки-муки, косы-мосы, очи-мочи*. В других случаях он не изобретает второе слово, доставляли его к уже существующему, а семантизирует разницу между двумя словами языка (*вера-мера*), которые можно представить как входящие в такую пару.

Чем больше я расширял в пространстве и времени круг сопоставлений, тем более заметными оказывалось сходство далеко отстоящих друг от друга языков и культур. Некоторые языки, в частности тюркские, где встречаются пары типа *tabak-mabak*, могли оказать влияние на соседние. Но число языков, где встречается этот прием, очень велико. В него входят арабский, персидский, курдский, осетинский, индонезийский, монгольские наряду с современными западноевропейскими языками. В некоторых языках (в том числе и древних) вместо носового смычного может использоваться неносовой или губной сонант, но функции его остаются теми же самыми.

Можно предположить разные причины, почему именно губной согласный выступает в роли универсального заменителя любого другого согласного. Кажется возможным сравнить это с ролью губных согласных для ранних этапов детского языка когда среди первых слов обычно произносятся такие, как *мама* и *папа*. Быть может, на этом пути найдутся следы раннего развития не только детей, но и тех черт языков взрослых, где отразились те же общечеловеческие особенности.

¹⁶⁰ Перцова 1995, с. 557.

19. Синэстезия: Хлебников, Рембо, Скрябин

Цветовые соответствия фонемам языка меня начали занимать (а в каком-то смысле и мучить) достаточно рано, когда (начиная с 1944 г., т. е. с четырнадцати с лишним лет; для желающих исследовать биохимию психических процессов можно добавить: через год после гормональной зрелости) я стал систематически писать стихи и одновременно напряженно вчитываться и вслушиваться в стихи русских поэтов тех веков, которые теперь мы называем пушкинским и серебряным. У себя, но и у других поэтов (даже самых любимых), я делил стихи и строки по тем цветовым ассоциациям, которые они у меня вызывали. Занимаясь на первом курсе университета (двумя годами спустя) общей и русской фонетикой, я понял, что яркими красками для меня переливались сонанты, звонкие согласные, шипящие (но не свистящие), гласные заднего ряда (но иногда и закрытый гласный верхнего подъема переднего ряда, но не среднего; гласные воспринимались в зависимости от окружающих согласных), а остальные фонемы казались серыми и бесцветными. Это чувство с напряженностью определяло строение собственных стихов и отбор самых часто повторяемых строк других поэтов и на других языках, которыми я владел или занимался: мне кажется, что впервые я испытал это ощущение, прочитав в 1942 г. стихотворение Верлена *La lune blanche Luit dans le bois*, где почти все строки были ярко окрашены (по-французски я разговаривал с четырех лет). Эта овладевшая мной синэстетическая разборчивость продержалась лет шесть и только постепенно стала отступать.

Занимаясь десятилетия спустя анализом стихов Хлебникова, я понял, что у него отчасти сходные синэстетические

впечатления были дифференцированы по отдельным согласным фонемам. В комментариях к «Бобэоби» и к «Звукописи весны» Хлебников пояснял, что он имел в виду одно-однозначные соответствия фонемы и цвета: *б* — красный, *в* — синий (о глазах, в других случаях — зеленый, эти два цвета во многих языках не различаются), *п* — черный, *л* — белый (слоновая кость), *г* — желтый, *з* — золотой. Женское лицо с ярко-красными губами, синими глазами, общим обликом цвета слоновой кости, желтой золотой цепью на шее изображалось звукописью в стихах:

Бобэоби пелись губы
 Вээоми пелись взоры
 Пиээо пелись брови
 Лиэээй пелся облик
 Гзи-гзи-гээо пелась цепь <...>

К несколько более позднему времени относится хлебниковский пейзаж, где можно по звукописи различить зелень дерева, темный ствол, цвет неба и черного грача:

Вэозивея — зелень дерева
 Нижеоты — темный ствол
 Мамэами — это небо
 Пучь и чапи — черный грач <...>

Хлебников в прозаическом комментарии к этим стихам ссылается на предшествующий опыт французских поэтов. Он называет при этом Бодлера и Малларме, но не Рембо, у которого как раз и находится наиболее близкая параллель к его собственному эксперименту. Недавний разбор Леви-Стросса¹⁶¹ подтвердил принадлежность сонета «Гласные» ко всему тому большому интеллектуальному и эстетическому движению, в которое входила и вагнеровская идея «общего целостного искусства», и открытие самим Леви-Строссом (для него Вагнер — один из предшественников его структурной антропологии) музыкального взаимопроникновения разных кодов в мифологическом мышлении. В России к этому слиянию раз-

¹⁶¹ Lévi-Strauss 1993.

ных видов искусства тяготел Скрыбин. Как Хлебников хотел найти однозначные соответствия фонемам, Скрыбин устанавливал (в «Прометее» и потом в незаконченной «Мистерии» и частично сохранившемся «Предварительном действе» к ней) однозначные соответствия между цветами и тональностями.

Как показал Н. Н. Николаенко, результаты работы которого по цветовым ассоциациям на материале односторонних электросудорожных шоков близки к тому, что выяснили сходные исследования группы Сперри на материале людей с расщепленным мозгом, функции называния цвета (левым полушарием) и его распознавания (главным образом правым полушарием) оказывается возможным четко разделить в эксперименте. На меня произвел сильное впечатление эпизод, когда мы вместе с Балоновым и Деглиным разговаривали после шока с больной, успешно до заболевания начинавшей заниматься изобразительным искусством. Я еще раньше думал о поражающей в письмах Ван Гога особой сосредоточенности на цвете и его названиях. В психиатрическом описании заболевания талантливой художницы, вошедшей в историю под ее именем (без фамилии) Алоиза, фиксируются ее рассуждения о роли красного цвета. Попав недавно в Лозанну, в паразитическом музее «сырого» искусства я мог увидеть композиции Алоизы, выполненные строго в красном цвете. Психологические индивидуальные и общекультурные ассоциации цвета мы начали изучать в начале 1990-х гг. с канадским психологом У. Шаффриром. Набор цветов, фиксируемых в языковых названиях, установлен для всех известных науке языков. Он стандартен: если есть иерархически менее значимый цвет (напр., зеленый), то в языке заведомо есть более значимые цвета (желтый). Вероятна гипотеза о наличии соответствующих генов. Три основных цвета (черный — белый — красный) есть во всех языках мира; различия этих цветов используются во всех мифологиях и других символических системах. В этой области языковые универсалии устанавливаются вполне отчетливо. Но обнаруживаются и разительные отличия некоторых культур (как «синяя революция» в истории французского искусства и культуры) и творческих индивидуальностей.

Из впечатляющих примеров в русской культуре 20-го в. можно было бы сослаться на то, как в романе «Петербург» начиная с первой его главы Андрей Белый использует на новый лад противопоставление «красного» и «черного», исходно являющееся универсальным и общечеловеческим (желающие убедиться в поразительном многообразии культурных применений этого цветового различия могут обратиться к описанию его роли в обрядах африканского племени ндембу, изученных в книгах выдающегося этнолога В. Тернера). Другим богатым по материалу примером может быть эссе о желтом цвете кинорежиссера и теоретика искусства С. М. Эйзенштейна. Готовясь к созданию цветковых фильмов (одним из первых примеров которых был эпизод пира опричников во второй серии его «Ивана Грозного») Эйзенштейн разбирал символику цвета в других видах искусства, в частности, словесного (и здесь его предшественником был Андрей Белый, изучавший использование названий цветов и цветковые эпитеты в русской классической поэзии и у Гоголя). Продолжая поиски Вагнера и Скрябина, Эйзенштейн мечтал о таком синтезе искусств, который объединил бы их все в новом сочетании, использующем все невиданные возможности современной техники. В этом направлении не так много сделано, хотя попытки создания такого синтетического искусства, включающего и словесные компоненты, предпринимались многократно.

20. Остаточная энтропия языка и сложность

Начало второй половины XX в. ознаменовалось несколькими крупными открытиями, которые обозначили новый этап в развитии науки в целом. Назову те из них, которые вошли в научный обиход на моих глазах в период моего научного становления и подтвердили важность дешифровочного подхода (который стал моделью всех крупных научных достижений): для меня самыми значительными были обнаружение в 1953 г. генетического кода¹⁶² (результат подготовивших работу Крика и Уотсона исследований, с самого начала в поисковых работах Гамова ориентировавшихся на лингвистическую модель), выявление реликтового излучения (подтвердившего надежность методов реконструкции исходного состояния в физике и космологии: между высказанным тем же Гамовым в 1948 г. предположением о возможности этого излучения и его открытием в 1965 г. прошло 17 лет), дешифровка в 1952 г.¹⁶³

¹⁶² Еще задолго до этого интерес к генетике во мне пробудила книга Шрёдингера «Что такое жизнь с точки зрения физики», о которой мне подробно рассказывал М. Л. Левин; вскоре после выхода в свет русского издания мне дал его читать А. С. Есенин-Вольпин, с которым мы подробно тогда ее обсуждали. Кроме того, что мы могли тогда прочитать в научных журналах, ознакомлению с открытием Крика и Уотсона содействовали многочисленные доклады и лекции И. Е. Тамма и других физиков и математиков (А. А. Ляпунова), которые способствовали возрождению у нас генетики. Из старшего поколения генетиков мне довелось знать Тимофеева-Ресовского, Малиновского и Эфроимсона, из нового я был дружен с Кириллом Гринбергом и Виктором Гиндилисом.

¹⁶³ Первые публикации Кнорозова и его главная книга были оценены только немногими специалистами, как Лаунсбери. Как потом

письменности майя Ю. В. Кнорозовым (основанная на его теории коммуникации, тем самым прошедшей проверку опытом) и в в том же году крито-микенской письменности Вентрисом и Чедвиком (которые убедительно показали значимость выявления формальных структур¹⁶⁴). Но едва ли не самым поразительным для всего моего поколения было знакомство с теорией информации, которая дала возможность измерять то, что относится к духовной деятельности человека, необычайно раздвинув тем самым границы точного человеческого знания. Меня заинтересовала работа Шеннона о теоретико-информационном подходе к дешифровке (вскоре уда-

признали, запоздалое принятие открытия сопоставляемого теперь с Шампольоном Кнорозова (через 30 лет после того, как оно было сделано, см. Сое 1999, р. 145—166; Сое, Van Stone 2001, р. 20, 33, 89, 154, 156) объяснялось нездоровым климатом послевоенной истерии и взаимного недоверия. Осталась почти незамеченной кнорозовская теория коммуникации и отражения в системе письма различных уровней языка, положенная в основу его интерпретации разных видов письма (не только майя, но протоиндийского и рапануйского — текстов с о. Пасхи), см. Иванов 1998, I.

¹⁶⁴ Несколько ранее (примерно тогда же, когда Кобер открыла свои тройки, потом послужившие для построения решетки Вентриса) путем сходных методов к пониманию слоговых структур, фиксируемых в иероглифическом лувийском письме, подошел Гельб. Но окончательная дешифровка этого письма растянулась на несколько десятилетий — до 1973 г. (она явилась итогом работы не одного Гельба, но и еще полдюжины других ученых). Из других южноанатолийских языков близок к окончательному этапу дешифровки карийский. За ранними шагами в этом направлении Шеворошкина я следил, часто общаясь с ним в те годы до его эмиграции. Из других дешифровочных работ я близко знакомился с продолжением трудов Невского по тангускому. Сам я занимался не столько дешифровкой, сколько сравнительной интерпретацией текстов на материале этрусского (дешифровкой которого, как и близкого к нему лемносского, я старался увлечь участников кружка для учеников математической школы в 1975—1976 гг.) и хаттского. С Л. В. Ивановым, участвовавшим в этом кружке, мы сделали совместную работу по формальному описанию структуры последовательностей знаков на Фестском диске.

лось вместе со Шрейдером и Пробстом приступить к реализации кнорозовского проекта дешифровки с частичной помощью компьютеров). Мне, кроме того, еще повезло в том отношении, что я в 1960—1963 гг. принимал участие в тех занятиях А. Н. Колмогорова¹⁶⁵ стихом и языком, которые привели к созданию его теоретико-информационной модели стиха, а потом и к идее сложности.

Энтропия языка по А. Н. Колмогорову складывается из чисто смысловой информации, или информационной емкости (h_1), и гибкости, или остаточной энтропии (мера синонимии $\gamma = h_2$):

$$H = h_1 + h_2. \quad (1)$$

Поскольку второе из этих слагаемых может быть получено из энтропии в целом путем вычитания другой составляющей — информационной емкости, в том же смысле можно говорить об остаточной энтропии: та энтропия, которая остается после выражения определенных мыслей, может быть затрачена на избранный метр, переносы, характер рифмовки и другие особенности художественной формы. Эти затраты энтропии на поэтическую форму могут быть точно подсчитаны. Если коэффициент β , характеризующий ограничения, налагаемые стихотворной формой, и определяющий соответствующую свободу обращения поэта со словесным материалом, больше гибкости языка, или остаточной энтропии γ :

$$\beta > \gamma, \quad (2)$$

то выражение заданной мысли в данной форме невозможно. Поэтому неравенство

¹⁶⁵ Колмогоров, высказавший некоторые идеи в этом направлении еще до выполненных во время Второй мировой войны (но опубликованных в первые годы после нее) работ Шеннона (Шеннон 1963), которого он высоко ценил, читал лекцию о теории информации сперва на мехмате МГУ, а потом на сессии Академии наук весной 1957 г. Он, как и его ученики (в особенности Р. Л. Добрушин, с которым я тогда дружил), интенсивно занимался теорией информации на протяжении всех этих лет, когда мы имели возможность узнавать от них о постоянно делавшихся новых открытиях.

$$\gamma > \beta \quad (3)$$

является необходимым условием для осмысленного поэтического творчества и стихотворного перевода.

Энтропия языка в общем случае при комбинаторном подходе понимается Колмогоровым как «показатель разветвленности возможностей продолжения речи при данном словаре и данных правилах построения фраз»¹⁶⁶; для русского языка в целом она была оценена сотрудниками Колмогорова как

$$H = 1,9 \pm 0,1. \quad (4)$$

Однако стилистические ограничения, характеризующие литературный жанр, снижают оценку энтропии, получаемой при угадывании последующих букв, до

$$H_{lit} = 1,1 \pm 0,1. \quad (5)$$

Для русского классического рифмованного ямба затраты остаточной энтропии по Колмогорову составляют

$$h_2 = 0,4. \quad (6)$$

В таком случае информационная емкость для этого жанра русского языка предположительно характеризуется как

$$h_1 = H_{lit} - h_2 = 1,1 - 0,4 = 0,7. \quad (7)$$

Эту последнюю величину можно также оценить экспериментально, сравнив между собой разные русские переводы одного и того же иностранного текста или разные русские словесные описания ситуации, изображенной на одной и той же картине, схеме или географической карте. Исследованием синонимии в последние десятилетия также занимались специалисты по лексической семантике, которые (иногда — как Анна Вежбицкая — прямо следуя за давней мыслью Лейбница) пробовали ввести набор основных семантических единиц. С их помощью можно описать более отвлеченную часть обиход-

¹⁶⁶ Колмогоров 1965, с. 4; 1987, с. 214.

ного словаря языка и синонимические преобразования, его характеризующие. Можно надеяться, что развитие исследований синонимии естественного языка (в частности, русского, для которого в последнее время выполнены работы по синонимическому словарю, идущие в том же направлении) может привести и к оценке той остаточной энтропии, которая характеризует гибкость языка. При усложнении поэтической формы и соответственном повышении затрат на нее остаточной энтропии гибкость поэтического языка может быть увеличена путем более широкого употребления слов в метафорических значениях. Семантическая структура языка запрещает только смешение значений слов внутри одного конкретного семантического поля (например, названий музыкальных инструментов или растений и их частей), но в поэтическом языке любое слово одного семантического поля может быть использовано как метафорическое обозначение денотата слова другого семантического поля (*Стволы извилисты и голы, Как будто арфы и виолы у Мандельштама*). Поэтому повышенная образность произведений с особенно изощренной поэтической формой (например, «Божественной комедии» и продолжающих ту же традицию терцин Пушкина и Блока) легко объясняется в соответствии с неравенством (3).

С этой точки зрения для сравнительно-исторической поэтики значительный интерес может представить техника древнеисландских кеннингов, для которых в работах по реконструкции индоевропейской поэзии указаны прообразы в кеннингах общеиндоевропейских (отраженных уже у Гесиода и Гомера). Логическая структура кеннингов изучалась Ю. И. Маниным. Значительное повышение гибкости языка древнеисландских аллитеративных стихов, достигаемое благодаря систематическому использованию кеннингов, указывает на то, что при жесткости формальных ограничений, наложенных на стих, оказывалось необходимым повышение остаточной энтропии.

Обе введенные Колмогоровым величины — чисто смысловая информация (h_1) и гибкость, или остаточная энтропия (мера синонимии $\gamma = h_2$), могут быть оценены количественно, что представляет собой значительный шаг вперед по пути соз-

дания эстетики как экспериментальной научной дисциплины, о чем мечтал еще Андрей Белый. Сама необходимость и возможность дать оценку каждой из этих двух величин в их взаимозависимости обусловлены двусторонним знаковым характером поэтического текста — наличием в нем плана содержания (семантики) и плана выражения, в письменном языке кодируемого буквенным письмом (отсюда расчеты количества информации, приходящегося на одну букву текста). Занятия этой областью стохастической семиотики подвели Колмогорова к выработке теории сложности, представляющей также крупный шаг в развитии тех аспектов математического знания, которые важны для науки в целом. В частности, им были предложены методы исследования уникального сообщения, не входящего в совокупность других сообщений, подобных данному, а стоящего вполне особняком (случай, особенно важный для истории художественной литературы и других видов искусства).

Отчетливое понимание этой особенности словесного и других искусств привело Колмогорова к такому изложению основ теории информации, которое строится вне обращения к теории вероятностей. Вместе с тем понятия «энтропии» и «количества информации» оказываются применимыми к индивидуальным объектам, в частности таким, которые являются произведениями художественной литературы или других видов искусства.

Благодаря этому толкованию теории информации в контексте теории алгоритмов центральным становится понятие сложности программы P , по которой строится индивидуальное сообщение. Сложность определяется длиной этой программы.

Современная математическая теория стиха, позволяющая приближенно оценить сложность программы построения стихотворного текста, может быть одной из иллюстраций подобного подхода к индивидуальным сообщениям.

21. Замечания к проблеме методологии гуманитарных наук

С самого начала моих размышлений о языке и языкознании (после того как я в 1947 г. прочитал Соссюра и Сепира) я стал думать о соотношении этой науки с более общими занятиями знаками (семиологией Соссюра, нынешней семиотикой, в «тартуско-московской» школе в 1960—1980-е гг. составившей главный предмет наших обсуждений). Стало ясным, что язык как абстрактная система знаков входит в число объектов, изучаемых логической семиотикой и теми областями логики, которые составляют особую математическую дисциплину. В то время, когда в Праге вырабатывались перенятые нами четверть века спустя в студенческие и аспирантские годы принципы подхода к структурному описанию фонологической и грамматической систем языка, Венский кружок намечал более широкое понимание языка, вслед за Карнапом развитое Рейхенбахом в книге, где языковые категории рассмотрены с точки зрения математической логики. Мы пытались усвоить выводы из работ этих ученых, а потом и продолжить их занятия в тот период, когда я вместе с В. А. Успенским и П. С. Кузнецовым затеял университетский кружок по математической лингвистике. В те годы (1957—1958) один из главных семинаров, где мы занимались вместе с такими логиками, как Д. А. Бочвар (в его институте, где его предметом исследований была химия), был посвящен тщательной проработке книги Карнапа о логическом синтаксисе языка¹⁶⁷. Од-

¹⁶⁷ К тому времени, когда я игрой судьбы оказался рядом с Бар-Хиллелом в переполненном зале на открытии Международного

ним из первых значимость этой линии исследований для языкознания оценил Ельмслев. В кругу связанных со мной молодых лингвистов, начинавших в первые годы после смерти Сталина свободные занятия наукой, прямым последователем Ельмслева и переводчиком его главного труда был умерший молодым исключительно одаренный Ю. К. Лекомцев. Первым из нас он основательно изучил некоторые разделы математики и пробовал применить их в лингвистических и семиотических занятиях¹⁶⁸. Несомненной заслугой многих лингвистов (главным образом русских и американских), которые работали на перекрестке этих наук во второй половине XX в., было выяснение применимости ряда понятий математической логики к изучению естественного языка¹⁶⁹. Предпринятый в нескольких течениях русской науки (математической лингвистики в том очень широком смысле, в каком она тогда у нас понималась) и американской порождающей грамматики и по-

съезда лингвистов в Осло в 1957 г., я уже внимательно изучил совместную Карнапа и его работу о семантической информации, до настоящего времени сохраняющую значение как опыт построения такого мира («описаний состояния»), через который можно оценить объем информации в замкнутых областях. Я достаточно рано ощутил особую близость к сделанному Карнапом и Рейхенбахом; потом близость оказалась буквальной — пространственной: по странной случайности я уже 12 лет как преподаю в том американском университете, который был их последним прибежищем, и в 1995 г. читал почетную «профессорскую лекцию» в серии, где в начале списка лекторов рядом с Шёнбергом (в аудиторном корпусе имени которого состоялась эта лекция) стоит имя Рейхенбаха.

¹⁶⁸ В последних своих работах он пробовал понять, в чем должна состоять специфика сравнительно-исторического исследования применительно к изучавшимся им языкам Юго-Восточной и Южной Азии. Быть может, теперь можно переформулировать задачу так: если принять, что часть этих языков прошла цикл, превративший их в односложные и одноморфемные, какими средствами можно восстановить предыдущие фазы этого цикла?

¹⁶⁹ Одной из наиболее серьезных книг остается описание английского синтаксиса: McCawley 1988, где учтена и долгая традиция логико-лингвистических исследований начиная с Есперсена. Ср. выше, с. 53, о работах Цейтина и Падучевой.

рождающей семантики опыт перенесения принципов построения формальной системы на естественный язык полезен не столько по непосредственным результатам (сказавшимся главным образом в прояснении многих вопросов синтаксической структуры), сколько как некоторая модель возможной будущей науки (пока еще никак не построенной). Обозначившееся в США противопоставление порождающей грамматики, увлекшейся формализмом и иногда внешней кажущейся математикообразностью рассуждений, и содержательно более богатой функциональной лингвистики как бы символизирует две дороги, которые непременно должны соединиться. Функциональная лингвистика научится более строгим и точным методам доказательств, а некоторые части наследия порождающей грамматики (которая как теория, претендовавшая на не оправданную фактами языка универсальность, скорее всего, не найдет продолжения) соединятся с данными вновь описываемых языков.

Связи языкознания, с одной стороны, и шенноновской теории информации и колмогоровской теории сложности, с другой, представляют примеры того, как в будущем могут начать складываться отношения между научными дисциплинами. Вместо традиционно наследуемых и охраняемых условных границ между ними наступит время исследований по проблемам, а не по установленному условному размежеванию сфер занятий. Можно надеяться, что от принятой сейчас традиционной и весьма консервативной классификации знаний уже скоро останутся одни воспоминания.

Следуя мыслям того же Колмогорова, которые он не раз излагал в переписке и разговорах, можно было бы разделить математику (и отдельные входящие в нее дисциплины), науки об общих идеях (примерами которых может быть информация и сложность), которые достаточно абстрактны, чтобы объединить несколько разных областей, но при этом лишены отвлеченности математики, и конкретные сферы исследования.

Общие идеи по мере того, как их изложение становится более абстрактным, частично могут пересекаться с определенными разделами математики. Как не раз напоминал в своих публикациях на эту тему В. И. Арнольд, с математической точки зрения Рене Том занимался просто теорией особенно-

стей, но сфера приложения теории катастроф (в том числе и к языку, о чем у Тома есть специальная работа¹⁷⁰) гораздо шире. Том хотел использовать язык топологии для прояснения семантики нескольких употребительных глаголов. Настаивая на том, что связи лингвистики и математики не лежат исключительно или главным образом в сфере числовых характеристик языка, Роман Якобсон отмечал, что одно из центральных понятий лингвистики в его понимании — инвариант — находит наиболее адекватное представление в топологии.

Опять-таки, возвращаясь к примеру Колмогорова, можно напомнить, что теория вероятности как математическая дисциплина входит в теорию меры¹⁷¹. Однако, например, применяя к изучению языка и речи (в том числе поэтической) вероятностные методы, мы мало думаем об основаниях теории вероятности, которые требуют знакомства с теорией меры. Можно надеяться, что наиболее плодотворным соприкосновением с математикой для лингвистики может оказаться именно поиск и выработка общих идей, объединяющих ее с другими науками. Кроме сказанного выше об информации убедительным примером может оказаться теория симметрии. Теория симметрии представляет собой приложение теории групп. В такой же мере, в какой по Янгу физика после Эйнштейна целиком строится на понятии симметрии, его аналог выдвигается на первый план и в синхронной и диахронической лингвистике. Здесь можно снова вспомнить Панини и его продолжателей, а возможно, и тех их предшественников, деятельность которых хотел реконструировать Соссюр. Та строго симметричная картина форм и категорий санскрита, которой мы им обязаны, отчасти самим языком, но едва ли не в большей степени его первоописывателями была построена исходя из того

¹⁷⁰ Том 1975.

¹⁷¹ Хотя с такой же строгостью математический статус теории информации, возникшей (в том числе и в ранней статье Котельникова) из чисто инженерных проблем передачи по каналам связи, не определен, об алгебраическом переосмыслении теории информации говорил на конференциях ее создатель Шеннон, а Колмогоров в своих последних статьях искал ее логические основания на путях, близких к теории сложности (Колмогоров 1987).

принципа, который после структуралистов мы называем системностью и наличием структуры. С этим связано высокое эстетическое совершенство системы Панини. Возможность осуществления не менее эстетически привлекательных построений в диахронической лингвистике, в частности в «Мемуаре» Соссюра¹⁷² и в последующих теориях корня Бенвениста и Куриловича, в большой степени основывалась на использовании нескольких замечательных идей древнеиндийских грамматиков (классификация глагольных классов, разделение корней *set* и *anit*). Последовательное применение симметрии для внутренней реконструкции составляет отличительную черту книги Гельба о реконструкции протоаккадского¹⁷³. Особой эстетической стройностью отличаются реконструкции пра-ностратического, предложенные Илличем-Свитычем. Принципы симметрии лежат и в основе разных вариантов исследования аналогии в грамматических изменениях от младограмматиков до Куриловича¹⁷⁴. Основные достижения разных школ психофонетики и фонологии (в частности, яacobсоновских двоичных различительных признаков) и тех геометрических представлений систем фонем, которые начал еще князь Трубецкой, и грамматических значений (падежей по Яacobсону) также можно изложить как описание симметрических отношений. В работах по симметрии давно уже приводятся в качестве примеров такие семантические противопоставления, как «левый» и «правый»¹⁷⁵. Мне думается, что именно на этом пути можно найти решение едва ли не самых сложных проблем семантического исследования. Переделывая (но, быть может, с бóльшим основанием) высказывание, касавшееся предельно общих вещей (мира в целом), я бы рискнул сказать, что *лингвистика спасется красотой* (самого пред-

¹⁷² Ельмслев 1965; Зализняк 1977.

¹⁷³ Gelb 1969. Для связанного с зеркальной симметрией вопроса о роли бинарных оппозиций в языке значительный интерес представляет их система, последовательно восстановленная этим замечательным ученым, во всех разнообразных сферах своей работы открывавшего новые пути.

¹⁷⁴ Курилович 1962.

¹⁷⁵ Вейль 1968, с. 52—53.

мета исследований и того, как можно суметь его представить в наиболее адекватном описании).

При рассмотрении того, как абстрактную систему знаков использует конкретный говорящий (и описывает конкретный лингвист), языкознание вступает в область, пограничную не только с психологией и философской прагматикой, но и с современной физикой, где на первый план выдвигается наблюдатель и соответственно вырастает роль субъективного начала. Антропный принцип, утверждающий потенциальную значимость будущего наблюдателя с самого начала той Вселенной, в которой мы живем, среди нескольких возможных следствий может иметь семиотические и лингвистические: предполагается наличие у наблюдателя средств сообщения о наблюдаемом и соответственно эволюция, направленная на то, чтобы их выработать. Хокинг формулирует следствия из слабой версии антропного принципа как обусловленную структурой Вселенной возможность задавания ее разумными обитателями и наблюдателями вопросов о ее устройстве¹⁷⁶. Тем самым предполагается наличие у них и разума, и способов выражения и обсуждения мыслей, основанных на наблюдениях.

Выявление закономерных повторов в развитии («волн» или циклов) особенно важно для прогнозирования будущего (по отношению к языку немногие опыты предвидения будущего, например, английского языка у Сепира и русского у Поливанова и Петерсона, при их успешности остаются единичными, как и однократным было участие крупных лингвистов — князя Трубецкого, Сепира, Есперсена — в планировании международного языка, который в глобальном мире не получает пока поддержки¹⁷⁷, ср. об этом выше).

Науки о человеке изучают его поведение, в том числе и речевое, в пространстве-времени макромира. Некоторые аспекты оказываются близкими социальной физике, выводы которой существенны, например, для описания сложения человеческих коллективов.

¹⁷⁶ Hawking 2001, p. 85, 98, 181, 196.

¹⁷⁷ Число говорящих на эсперанто в мире исчисляется двумя миллионами, что составляет ничтожно малую часть населения Земли.

Согласно замечательной мысли Соссюра, пока еще не получившей достаточно плодотворного развития, лингвистика и другие семиотические дисциплины, оперирующие, как и экономика, категорией ценности, именно поэтому должны строго разделять синхронный срез и диахронию. Но, как и по отношению к биологической и социальной эволюции человека, особую значимость (в том числе и для прогнозирования будущего) приобретает выявление в синхронном состоянии языка архаических черт, унаследованных от прошлого, в том числе и весьма отдаленного.

По мере того, как убыстряющийся технологический прогресс может вести ко все увеличивающимся появлению новых языковых элементов, иногда затрудняющих понимание для непосвященных (см., например, выше о сокращениях), кажется все более важным выявление универсальных принципов языковой структуры, которые должны сохраняться при преобразовании существующих языков и при проектировании новых (в том числе искусственных). Если согласно новейшим исследованиям именно развитие языка и символики других знаковых систем (семиосферы) было основой для сдвига в выработке технических средств (техносферы) у предков современного человека¹⁷⁸, то и последующая эволюция всей техносферы может зависеть от ноосферы и семиосферы, прежде всего от состояния и изменения естественных и искусственных языков.

¹⁷⁸ Vanhaeren, d'Errico, Henshilwood, Lawson, Tiller, Soressi, Bresson, Maureille, Nowell., Lakarra, Backwell, Julien 2003.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
- Балонов Л. Я., Деглин В. Л.* Слух и речь доминантного и недоминантного полушарий. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976.
- Бару А. В.* Слуховые центры и опознание слуховых сигналов. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
- Бётлингк О. Н.* О языке якутов / Пер. с нем. В. И. Рассадина. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989.
- Блумфилд Л.* Язык. М.: Прогресс, 1968.
- Богораз В. Г.* Луораветланский (чукотский) язык // Языки и письменность народов Севера / Под общ. ред. Я. П. Алькора. Ч. 3. Языки и письменность палеоазиатских народов (ред. Е. А. Крейнович). 1934.
- Богораз В. Г.* Материалы по языку азиатских эскимосов. Л.: Учпедгиз, 1949.
- Вахтин Н. Б.* Языки народов Севера. СПб., 2001.
- Вейль Г.* Симметрия. М.: Мир, 1968.
- Вениаминов И.* Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка. СПб., 1846.
- Виноградова О. С.* Исследование некоторых особенностей второй сигнальной системы в норме и при олигофрении с помощью плейзмографической методики // Вопр. психологии. 1956. № 6.
- Винокур Г. О.* О языке художественной литературы. М.: Высш. шк., 1991.
- Вригт Г. Х. фон.* Логико-философские исследования. М.: Прогресс, 1986.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический ана-

- лиз праязыка и протокультуры. Т. 1—2. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.
- Гранде Б. М. Введение в сравнительное изучение семитских языков. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1972.
- Гуревич И. С. Очерк грамматики китайского языка III—V вв. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1974.
- Дини П. Балтийские языки. М.: ОГИ, 2002.
- Драгунов А. А. Грамматическая система современного китайского разговорного языка. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962.
- Дьяконов И. М. Языки Древней Передней Азии. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1965.
- Ельмслев Л. Метод структурного анализа в лингвистике // История языкознания XIX—XX веков / Сост. А. А. Звегинцев. М.: Учпедгиз, 1965. С. 103—109 [первоначально статья написана и напечатана по-русски: Acta Linguistica. 1950—1951. Vol. VI. Fasc. 2—3.].
- Зализняк А. А. О «Мемуаре» Ф. де Соссюра // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 289—301.
- Зограф И. Т. Среднекитайский язык: Становление и тенденции развития. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1979.
- Иванов А. И., Поливанов Е. Д. Грамматика современного китайского языка // Труды Ин-та востоковедения им. Нариманова. Т. XV. М., 1930.
- Иванов Вяч. Вc. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол: индоевропейские истоки. М.: Наука, 1981.
- Иванов Вяч. Вc. О возможности реконструкции литературы как совокупности текстов // Исследования по структуре текста. М.: Наука, 1987. С. 58—77 (перепечатка: Иванов 2003, III).
- Иванов Вяч. Вc. Из истории усвоения древнеиндийского грамматического наследия // Лингвистические традиции в странах Востока. М.: Ин-т востоковедения АН СССР, 1988а. С. 77—79.
- Иванов Вяч. Вc. Современные проблемы типологии (к новым работам по американским индейским языкам бассейна Амазонки) // Вопр. языкознания. 1988б. № 1. С. 118—131.
- Иванов Вяч. Вc. Генеалогическая классификация языков; Моногеза теория; Языки мира // Лингвистическая энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1990а; б; в. С. 93—98, 308—309, 609—613.
- Иванов Вяч. Вc. Имя или глагол (вариации на тему статьи Г. О. Винокура «Глагол или имя?») // Исследования по лингвистике и поэтике: Памяти Григория Осиповича Винокура

(1896—1947). Frankfurt am Main: Peter Lang: Europäischer Verlag der Wissenschaften, 1997. S. 37—46.

- Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 1—3. М.: Языки русской культуры, 1998; 2000; 2003.
- Иванов Вяч. Вс. Хеттский язык. 2-е изд. М.: УРСС, 2001.
- Иохельсон В. И. Алеутский язык в освещении грамматики Вениаминова // Изв. Российской Академии Наук. 1919. № 2, 4—7.
- Иохельсон В. И. Унанганский (алеутский) язык // Языки и письменность Севера / Ред. Я. П. Алькор. Ч. 3: Языки и письменность палеоазиатских народов. М.; Л.: Учпедгиз, 1934. С. 129—148.
- Колмогоров А. Н. Три подхода к определению понятия «количество информации» // Проблемы передачи информации. 1965. Т. 1. С. 3—11 [переизд. в кн.: Колмогоров 1987. С. 213—223].
- Колмогоров А. Н. Теория информации и теория алгоритмов. М.: Наука, 1987.
- Краузе В. Тохарский язык / Пер. И. А. Мельчука // Тохарские языки / Под ред. В. В. Иванова. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. С. 39—89.
- Курилович Е. Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит., 1962.
- Лотман Ю. М. (ред.) Текст и культура // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 635. Тарту: Изд-во Тартуск. ун-та, 1983. (Труды по знаковым системам. Т. 16).
- Лузин Н. Н. Ньютонова теория пределов // Исаак Ньютон: Сб. ст. к трехсотлетию со дня рождения / Под ред. акад. С. И. Вавилова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1943. С. 53—74.
- Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1979.
- Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.: Соцэкгиз, 1938 [репринт: М.: УРСС, 2001].
- Мудрак О. А. Этимологический словарь чукотско-камчатских языков. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1960.
- Перцова Н. Словарь неологизмов Велемира Хлебникова // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 40. М., 1995.
- Поздняков К. И. Сравнительная грамматика атлантических языков. М.: Наука: Изд. фирма «Восточная литература», 1993.
- Поливанов Е. Д. Статья по общему языкознанию. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1968.

- Поливанов Е. Д. Словарь лингвистических и литературоведческих терминов (1935—1938) // Поливанов Е. Д. Введение в языкознание для востоковедных ВУЗ'ов. 2-е изд. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1991. С. 317—506.
- Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.
- Прайор Ф. Н. Временная логика и непрерывность времени // Семантика модальных и интенциональных логик. М.: Прогресс, 1981. С. 76—97.
- Расторгуева В. С. Среднеперсидский язык. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1966.
- Расторгуева В. С. Вопросы общей эволюции морфологического типа // Опыт историко-типологического исследования иранских языков. М.: Наука, 1975. С. 89—224.
- Расторгуева В. С., Молчанова Е. К. Среднеперсидский язык. Парфянский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М.: Наука, 1981. С. 6—232.
- Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Изд. группа «Прогресс-Универс», 1993.
- Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н. Ганза и Новгород. Языковые аспекты исторических контактов. М.: изд. «Индрик», 2002.
- Соколов Е. Н. Психология локальных поражений мозга в трудах А. Р. Лурия // А. Р. Лурия и современная психология: Сб. ст. памяти А. Р. Лурия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 173—176.
- Старостин С. А. Реконструкция древнекитайской фонологической системы. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1989.
- Старостин С. А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1991.
- Старостин С. А. Сравнительный словарь енисейских языков // Кетский сб.: Лингвистика. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН / Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 176—315.
- Том Р. Топология и лингвистика / Пер. с франц. с предисл. Ю. И. Манина // Успехи математических наук. 1975. Т. XXX. Вып. 1. С. 199—221.
- Томасон С. К. Семантический анализ временных логик // Семантика модальных и интенциональных логик. М.: Прогресс, 1981. С. 166—179.
- Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка: Общезападноевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). М.: Индик, 2001.

- Уэст М. Л. Индоевропейская метрика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 21: Новое в современной индоевропеистике. М.: Прогресс, 1988. С. 474—506.
- Чуковский К. И. Живой как жизнь: О русском языке // Собр. соч.: В 15 т. М.: Терра — Книжный клуб, 2001. Т. 4. С. 5—194.
- Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике / Пер. с англ.; Под ред. Р. Л. Добрушина и О. Б. Лупанова; Предисл. А. Н. Колмогорова. М.: Изд-во иностр. лит., 1963.
- Шухардт Г. Личность автора в лингвистическом исследовании // Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. М.: Изд-во иностр. лит., 1950. С. 259—276.
- Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987.
- Akiner S. Oriental Borrowings in the Language of Byelorussian Tatars // Slavonic and East European Review. 1978. Vol. 56. № 2. P. 224—240.
- Allen J. P. Middle Egyptian: An Introduction to the language and Culture of Hieroglyphs. Cambridge: Univ. Press, 2000.
- Allen J. P., Turner E. The Ethnic Quilt: Population Density in Southern California. Northridge: California State Univ., 1997.
- Allen W. S. Structure and System in the Abaza verbal Complex // Transactions of the Philological Society. L., 1956.
- Ambrose A. (ed.). Wittgenstein's Lectures. Cambridge, 1932—1935. // Notes of Alice Ambrose and Margaret Macdonald: Great Books in Philosophy. N. Y.: Prometheus Books, 2001 (1st ed. 1979).
- Bailey, Sir H. W. Indo-Scythian studies, beins Khotanese Texts. Cambridge: University Press, 1967.
- Beeler M. S. Chumash Numerals // Closs (ed.). 1996. P. 109—129.
- Benveniste E. (éd.). Vessantara Jātaka Texte sogdien / Éd. E. Benveniste. Paris, 1946.
- Blake Barry J. Australian Aboriginal Languages: A General Introduction. Queensland, Australia: Univ. of Queensland Press, 2nd ed. 1991 (1st ed. 1981).
- Boas F. Introduction to Handbook of American Indian languages // Boas & Powell, 1991. P. 1—79.
- Boas F, Powell J. W. Introduction to American Indian languages; Indian Linguistic Families of America North of Mexico / Ed. P. Holder. Lincoln; L.: Univ. of Nebraska Press, 1991.
- Braun A. R., Guillemain A., Hosey L., Varga M. The Neural Organization of Discourse. An H₂¹⁵O-PET Study of Narrative Producti-

- on in English and American Sign Language // *Brain*. Vol. 124. October 2001. № 10. P. 2028—2044.
- Brunner B.* (ed.) *Time World Almanach 2002 with Information please*. Des Mines: Learning Network, 2001.
- Brunner C. J.* *A Syntax of Western Middle Persian // Persian Studies Series*. № 3. Delmar, New York: Caravan Books, 1977.
- Closs M. P.* *Native American Number Systems // Closs (ed.) 1996*. P. 33—35.
- Closs M. P.* (ed.). *Native American Mathematics*. Austin: Univ. of Texas Press, 1996 (paperback, 1st printing 1986).
- Coate H. H. J., Oates L. F.* *A Grammar of Ngarinjin*. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1970.
- Coe M. D.* *Breaking the Maya Code*. N. Y.: Thames and Hudson 1999.
- Coe M. D., Van Stone M.* *Reading the Maya Glyphs*. N. Y.: Thames and Hudson, 2001.
- Cohen L., Lehericy S., Chochon F., Lemer C., Rivaud S., Dehaene S.* *Language-specific Tuning of Visual Cortex? Functional Properties of the Visual Word Form Area // Brain*. 125 (5). 2002. P. 1054—1069.
- Čop B. *Indogermanisch-Anatolisch und Uralisch // E. Neu, W. Meid 1979*. S. 9—24.
- dGe-'dun Chos-'phel*. *Dhammapada Translated into Tibetan from the Pāli*. Oakland: Dharma Publishing, 1985.
- Edgerton F. E.* *Buddhist Hybrid Sanskrit Grammar and Dictionary*. Vol. 2. Dictionary. New Haven: Yale Univ. Press, 1953.
- Ehret Chr.* *Reconstructing Proto-Afroasiatic: Vowels, Tone, Consonants, and Vocabulary // University of California Publications. Linguistics*. Vol. 126. Berkeley: Univ. of California Press, 1995.
- Emmerick R. E.* *Saka Grammatical Studies*. London, 1968.
- Ethnologue: Languages of the World*. Vol. 1—2. 14 ed.: SIL International, 2002 (www.ethnologue.com).
- Fischetti P. R.* *The Ethnic Cultures of America*. Washington, D. C.; Waynesboro: Educational Extension Systems, 2000.
- Frege G.* *Begriffsschrift, eine der arithmetischen nachgebildete Formelsprache des reinen Denken // Begriffsschrift und andere Aufsätze*. Hrsgb. I. Angelelli. Olms: Hidesheim, 1964 (1 изд. статьи 1879; также англ. пер. : *Begriffsschrift, a formula language, modeled upon that of arithmetic, for pure thought // From Frege to Gödel. A Source Book in Mathematical Logic, 1879—1931*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1976, 3 printing. P. 1—82).

- Gabelenz G. von.* Die Sprachwissenschaft. 1891.
- Gannon P. J., Holloway R. L., Broadfield D. C., Braun A. R.* Asymmetry of the Chimpanzee Planum Temporale: Humanlike pattern of Wernicke's Brain Language Area Homolog // *Science*. 1998. 279 (5348). P. 219—221.
- Gelb I. J.* Sequential Reconstruction of Proto-Akkadian // *Assyriological Studies*. N 18. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1969.
- Götze A.* Die Pestgebete des Muršiliš // *Kleinasiatische Forschungen* / Hrsg. F. Sommer, H. Ehelolf. Weimar: Hermann Böhlaus Nachfolger, 1927. S. 161—251.
- Greenberg J. H.* Indo-European and Its Closest Relatives. Vol. 1. Grammar. Stanford: Univ. Press, 2000.
- Hawking S.* The Universe in a Nutshell. N. Y.: Bantam Books, 2001.
- Ifrah G.* The Universal History of Numbers. N. Y.: John Wiley and Sons, Inc., 2000.
- Ilijic R.* À propos des origines du suffixe -men en chinois // *Journal of the American Oriental Society*. 121. 2001. № 3. PP. 391—409.
- Ivanov Vyach.* Indo-European **bhuH-* in Luwian and the Prehistory of Past and Perfect // *Proceedings of the Twelfth Annual UCLA Indo-European Conference*. Los Angeles. May 26—28, 2000 // *Journal of Indo-European Studies Monograph*. 2001. No. 40. P. 80—106.
- Jashke H. A.* A Tibetan-English Dictionary. Delhi, 1987 [reprint].
- Kaplan R.* The Nothing that is: A Natural History of Zero. Oxford: Univ. Press, 1999.
- Kiparsky P.* Some Theoretical Problems in Pāṇini's Grammar (Professor K. V. Abhyakar Memorial Lectures. Second Series). Postgraduate and Research Department Series N 16. Poona, 1982.
- Kiparsky P.* The Architecture of Pāṇini's Grammar (конспект лекций, прочитанных 15—18 апреля 2002 г. в Университете Калифорнии в Лос-Анджелесе).
- Kripke S. A.* Wittgenstein on rules and private language: An elementary exposition. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 2000 (10th printing, 1st ed. 1982).
- Lapicz C.* Kitab tatarów litewsko-polskich (paleografia, grafia, język). Toruń: Univ. Mikołaja Kopernika, 1986.
- Levelt W. J. M.* Speaking: from Intention to Articulation. Cambridge, MA: MIT Press, 1989.
- Lévi-Strauss C.* Regarder, écouter, lire. Paris: Plon, 1993.
- Lewy E.* Kleine Schriften. Berlin: Akademie-Verlag, 1961.

- Lipski J. M.* Latin American Spanish. L.; N. Y.: Longman, 1998 [3rd impr.: 1st ed. 1994].
- Loprieno A.* Ancient Egyptian: A linguistic introduction. Cambridge: University Press, 1998 (reprint, 1st ed. 1995).
- McCawley J. D.* The Syntactic Phenomena of English. Vol. 1—2. Chicago: The Univ. of Chicago, 1988.
- McCawley W.* The First Angelinos. The Gabrielino Indians of Los Angeles. Malki Museum Press: Ballena Press Cooperative Publication, 1996.
- McKenzie.* The Buddhist Sogdian Texts of The British Library. 1976.
- Mead R.* Letter from Italy. Latin Lover. Can a classicist's plan to revive a dead language save Europe // New Yorker. September 17. 2001.
- Meader R. E.* Iranxe: notas gramaticais e lista vocabular (Publicações série diversos linguística II). Rio de Janeiro: Universidade federal do Rio de Janeiro / Museu Nacional. 1967.
- Monod J.* Le hasard et la nécessité. Paris: Seil, 1970 [англ. пер.: Change and Necessity. N. Y.: A. F. Knopf, 1972].
- Moscatti, S.* (ed.). An Introduction to the Comparative Grammar of Semitic Languages: Phonology and Morphology. By S. Moscati, A. Spitaler, E. Ullendorf, W. von Soden. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1964.
- Neu E.* Einige Überlegungen zu den hethitischen Kasusendungen // Neu, Meid, 1979. S. 177—196.
- Neu E., Meid W.* (hrsgb.). Hethitisch und Indogermanisch Innsbruck: Institut der Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1979. (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. Hrsgb. W. Meid. Bd. 25).
- Nikolayev S. L., Starostin S. A.* A North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow: Asterisk Publishers, 1994.
- Norman J.* Chinese: Cambridge Language Surveys. Cambridge: Univ. Press, 1993 (reprint; 1st ed. 1988).
- Parret H.* Réflexions saussuriennes sur le Temps et le Moi // Cahiers Ferdinand de Saussure. Revue suisse de linguistique générale. 49. 1995—1996. Genève, 1997. P. 85—122.
- Parsons T.* The Logic of Sense and Denotation: Extensions and Applications // Logic, Meaning and Computation: Essays in Memory of Alonzo Church / Ed. C. A. Anderson and M. Zelený. Dordrecht; Boston; London, 2001. P. 507—543.
- Peiros I., Starostin S.* A Comparative Dictionary of Five Sino-Tibetan Languages, fasc. I—VI. The University of Melbourne, Department of Linguistics and Applied Linguistics, 1996.

- Perlmutter D. M.* (ed.). *Studies in Relational Grammar*. 1. Chicago; L.: Univ. of Chicago Press, 1983.
- Pitt L., Pitt D.* *Los Angeles A to Z: An Encyclopedia of the City and County*. Berkeley; Los Angeles; L.: Univ. of California Press, 1997.
- Puhvel J.* *Hittite Etymological Dictionary*. Vol. 1—2, 3, 4, 5. *Trends in Linguistics. Documentation* 1. Berlin: Mouton Publishers, 1984—2001.
- Rauscheker J. P., Biao Tian.* *Mechanisms and Streams for Processing of «What» and «Where» in Auditory Cortex // Proceedings of the National Academy of Sciences of USA*. 2000. Vol. 97. Issue 22. P. 11800—11806.
- Riese W.* *Baudelaire's Aphasia // Selected papers on the History of Aphasia. Neurolinguistics* 7. Amsterdam; Lisse: Swets and Zeitlinger B.V., 1977. P. 25—40.
- Sapir E.* *The Psychology of Culture: A Course of Lectures / Reconstructed and edited by J. T. Irvine*. 2ed. Mouton de Gruyter, 2002 (1 ed. 1993).
- Sapir E., Swadesh M.* *American Indian Grammatical Categories // Language in Culture and Society / Ed. Dell Hymes*. Harper and Row Publishers, 1964. P. 101—107.
- Scott S. K., Blank C. C., Rosen S., Wise R. J. S.* *Identification of a Pathway for Intelligible Speech in the Left Temporal Zone // Brain*. December 2000. Vol. 123. № 12. P. 2400—2406.
- Seiler H.* *Possession as an Operational Dimension of Language. Language Universals Series*. Vol. 2. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1983.
- Sieg E., Siegling W.* *Tocharische Sprachreste*. 1. Leipzig, 1921.
- Silver S., Miller W. R.* *American Indian Languages: Cultural and Social Contexts*. Tucson: The Univ. of Arisona Press, 1997.
- Sims-Williams N.* *Bactrian Documents from Northern Afghanistan*. I: *Legal and Economic Documents*. C. II. Part II. Vol. VI. Bactrian; London, 2000.
- Smalley W. A., Vang C. K. And G. Y. Yang.* *Mother of Writing. The Origin and Development of a Hmong Messianic Script*. Chicago: The University of Chicago press, 1990.
- Sollors W.* (ed.). *Multilingual America. Transnationalism, Ethnicity and the Languages of American Literature*. N. Y.; London: New York University Press, 1998.
- Spitzer L.* *Stilstudien*. 1. Teil. Sprachstile; 2. Teil. Stilsprachen. München: Max Hueber Verlag, 1961.

- Stang Chr. S.* Opuscula linguistica: Ausgewählte Aufsätze und Abhandlungen. Oslo: Universitetsforlaget, 1970.
- Starostin S. A.* Word Prosody in North Caucasian Languages and Beyond. Лекция для Программы индоевропейских исследований Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе, 1 мая 2002 г.
- Stille A.* Computerized Translation: «Been Born and Conjugated»? // Correspondence. An International Review of Culture and Society. № 9. Spring 2002. P. 40.
- Ten Hacken P.* Has There Been a Revolution in Machine Translation? // Machine Translation. 16. 2001. № 1. P. 1—19.
- Tremblay X.* Pour une histoire de la Sérinde: Le manichéisme parmi les peuples et religions d'Asie Centrale d'après les sources primaires. Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, Sitzungsberichte, 690 Bd. Veröffentlichungen des Kommission für Iranistik, hrsgbn. H. Eichner und R. Schmidt. Wien, 2001.
- Tyler L. K., Russell R.* The Neural Representation of Nouns and Verbs: PET Studies // Brain. August 2001. Vol. 124. № 8. P. 1619—1634.
- Vanhaeren M., d'Errico F., Henshilwood C., Lawson G., Tiller A.-M., Soressi M., Bresson F., Maureille B., Nowell A., Lakarra J., Backwell L., Julien M.* Archaeological Evidence for the Emergence of Language, Symbolism and Music- An Alternative Multidisciplinary Perspective. // Journal of World Prehistory. March 2003, vol. 17, N 1. PP. 1-70.
- Waldinger R., Bozorgmehr M.* (eds). Ethnic Los Angeles. N. Y.: Russell Sage Foundation, 1996.
- Wallraff B.* What Global Language // The Atlantic Monthly. 2000. № 11. (Digital ed. <http://www.theatlantic.com/issues/2000/11/wallraff.htm>).
- Wise R. J. S., Greene J., Buchel C., Scott S. K.* Brain Regions involved in Articulation // Lancet. March 1999. 353 (9158). P. 1057—1061.
- Xianlin J., Winter W., Pinault G.-J.* Fragments of the Tocharian A Maitreyasamiti-Nāṭaka of the Xinjiang Museum, China. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

А. Размещение семантических и грамматических категорий в передних и задних отделах левого и правого полушарий (по данным односторонних электросудорожных шоков)

Диаграммы Венна, показывающие характер набора парных связей семантических и грамматических особенностей речи в контроле (норме для данных больных) и при односторонних электросудорожных шоках с различным расположением электродов (сокращенно обозначены стороны отключения: S — лоб — лобная доля левого полушария; S — висок — височная доля левого полушария; D — лоб — лобная доля правого полушария; D — висок — височная доля правого полушария). На диаграммах Венна представлено, какой набор языковых категорий отличает от нормы каждое из четырех состояний, соответствующих одному из этих положений электродов. Часть категорий совпадает во всех пяти состояниях, есть частичное пересечение этих множеств и, наконец, связи, характерные лишь для одного из множеств. Рядом с диаграммами Венна представлены графы связей и сходства состояний, где использованы более краткие сокращенные обозначения нормы и стороны отключения: К — контроль, Sl — лобная доля левого полушария; Sv — височная доля левого полушария; Dл — лобная доля правого полушария; Dв — височная доля правого полушария. На графах степень относительного сходства наборов категорий обозначается жирностью линии связи, а числа относятся к уровням (достоверности) связей. Диаграммы Венна и графы получены В. В. Меньшуткиным при компьютерной обработке лингвистических записей

данных по речи больных при односторонних электросудорожных шоках. Совместная работа Л. Я. Балонова, В. Л. Деглина, Вяч. Вс. Иванова, Д. А. Кауфман, Н. Н. Николаенко, В. В. Меньшуткина, Т. В. Черниговской. План и результаты исследования на разных этапах обсуждались всеми сотрудниками руководившейся Л. Я. Балоновым лаборатории ленинградского Института эволюционной физиологии и биохимии им. И. М. Сеченова.

Список сокращений.

Сокращенные обозначения языковых категорий

= : семантически тождественный

АСС : высказывания, связанные с более широкими внеязыковыми ассоциациями

АТЕРМ : абстрактный термин

Б : бинарная оппозиция и ее члены / антонимы : *мягкий-жесткий* или члены универсальных бинарных оппозиций : *Луна—Солнце*

ГЛСПРЕД : существительные, заполняющее семантически возможные места при глаголе (предикате); набор всех таких мест («аргументов» или переменных при предикате) и образует соответствующее «размытое» («расплывчатое»-fuzzy 'нечеткое') множество

ГР : грамматически правильная форма

—ГР : грамматически неправильная форма или конструкция

ГРСУЩ : группа существительного

ГРАД : член градуальной оппозиции (*хороший-средний-плохой*)

ГРСХ : высказывание, относящееся к грамматической (в разбираемых устных текстах школьной) грамматической схеме предложения и его частей : *хотеть — что делать?* соответствует пониманию глагола как слова, отвечающего на вопрос «что делать?»

Д : дефиниция (утверждение, формально построенное так, как в языке строятся определения)

ЗВАС : звуковая ассоциация

КВАНТ : квантификатор (в том числе числительное)

КВОБЩ : квантор общности

КЛЭП : классифицирующий эпитет

КОМ : комплекс названий разных предметов, связанных между собой ассоциативными (но не обычными логическими-понятийными) связями, объясняемыми, в частности, структурой соответствующих фрагментов реального мира

КС : сочетание слов, часто встречающееся в текстах и описываемое комбинаторной семантикой. К этому типу относятся, в частности, фразеологические почти неразложимые сочетания, в описываемых устных текстах дающиеся полностью (*коммунальное удобство* в отличие от *безотчетный* = *безотчетный страх*)

...кс... — неполное сочетание типа описываемого комбинаторной семантикой : *топить* = *топить печь*, *горячая* = *горячая печь*

—КС : высказывания, нарушающие синтаксические правила («заумные»)

Ктерм : конкретный термин

ЛВ : 2-ое лицо

ЛД : логическая дефиниция (определение вида через род), наиболее общее название всех членов данного семантического поля (*цвет* по отношению к *красный*, *розовый*, *синий* и т. д.)

—ЛД : пояснение значения слова. при котором род поясняется через вид (процесс, в известном смысле обратный логической дефиниции, чем и объясняется обозначение), напр, бинарная оппозиция, выраженная через конкретный пример: *голодный-позавтракавший*, а не *голодный-сытый*

ЛОК : пространственные (локальные) уточнители

ЛП : 1-ое лицо

ЛТ : 3-е лицо

МЯ : метаязыковое утверждение (замечание говорящего о собственных операциях с языком)

От : отрицательная трансформация (такое языковое выражение бинарной оппозиции, при которой в данной форме представлено отрицание : *не-*, *ни* и т. д.). Отрицательная трансформация представляет собой частный случай бинар-

ной семантической оппозиции, выделяемый по формальному языковому признаку

ОУ : общее утверждение

ПЕРС : персеверация и вызываемый ей повтор слова

ПОЭТ : поэтическое сочетание слов

ПРЕС : пресуппозиция — предполагаемое семантикой языка
условие: *для того, чтобы купаться, человек должен
сперва раздеться*

Р-ОМ : разрешение омонимии в речи

РП : название различительного (дифференциального) признака, по которому одно слово противопоставляется другому внутри бинарной оппозиции в данном семантическом поле: *светлый* — название признака, по которому *голубой* = *светло-синий* противопоставлено *синий*

С : синоним (т. е. член семантического поля, по значению или смыслу предельно близкий данному слову); ср. *Как самочувствие?* — *Как здоровье?*

...С ... : существительное без соответствующего эпитета
(*звук* = *короткий звук*, *сигнал* = *короткий сигнал*)

С-ГЛ : субъект + глагол

СЛ : имеющий отношение к словообразованию

СЛТР : словарная трансформация (типа толкования слова в толковом словаре)

...СЛТР... : часть словарной трансформации, которая без других поясняющих слов не дает семантического эквивалента данному

СП : семантическое поле (за исключением особо оговаривавшихся случаев имелось в виду «парадигматическое» семантическое поле — набор слов, близких по смыслу и/или значению, т. е. предметной отнесенности) и член семантического поля данного слова

СП . Б : член семантического поля, внутри него находящийся в бинарной оппозиции к данному слову (*зеленый* — член семантического поля названий цветов, к которому относится *синий*; внутри этого семантического поля *зеленый* полярно — бинарно противопоставлен прилагательному *красный* — названию дополнительного к нему цвета. Но в определенных культурно-исторических условиях *красный* и

синий тоже могут образовывать бинарную оппозицию [le rouge et le bleu у Стендаля, основанные на этом «три цвета времени» его исследователя Виноградова и т. п.], как и *розовый* и *голубой* — это слова одновременно в определенной своей функции антонимы и наиболее эмоционально близки в восприятии людей с соответствующими наклонностями и воспитанием

СП (/) Б : семантическое поле, связанное с введенным выше членом бинарной оппозиции: *оттепель* — элемент семантического поля, связанного с Солнцем (но не с Луной, членом бинарной оппозиции к которой является Солнце)

СП СИН : член семантического поля слов, по синтагматическому контексту связанных с данным: слово *помолчать* может употребляться в контексте типа *помолчим и в тишине слушаем музыку*, входя в одно поле с другими существительными этого предложения

СП (СИНТ) : член семантического поля, связанного с данным словом синтагматическими отношениями в данном контексте

СП СИН СЛ : член семантического поля, связанного с данным и синтагматическими отношениями в данном контексте и отношениями словообразовательными (*цвести-цветок*)

СП (СЛ) : член семантического поля, связанного с данным словом словообразовательными отношениями

ТАВТ : тавтологическое утверждение (чаще всего такое, где один и тот же смысл выражен разными словами, а утверждение их равнозначности составляет содержание всего высказывания)

ШИФТ : шифтер или «эгоцентрическое слово» (элемент, чаще всего местоименный или глагольный), обозначающий соотношение с ситуацией говорения и ее участниками (настоящее время, указательное местоимение «этот», местоименное наречие «здесь» и т. п.)

ЭКЗ : предложение или словосочетание, включающее экзистенциальные глаголы (*быть, бывать*)

Экстр : экстрасигнальные ответы

ЭП : эпитет (определение), предшествующий определяемому существительному

- ...ЭП... : эпитет без соответствующего определяемого
ACUS : винительный падеж
ADJ : прилагательное
ADJ D : местоименное прилагательное
ADJ V : причастие
Adres/Adr : обращение
ADV(ERB) : наречие
ADVMOD : модальные слова наречного типа
Ag : агенс
Atr : определение
CO : союз
COMPL : дополнение
DAT : дательный падеж
GEN : родительный падеж
INF : инфинитив
INSTR : творительный падеж
MO : полное повторение слова-стимула
MOD : модальный
MX: лексическое тождество (при других различиях форм)
N : существительное
NEG : отрицание
NOM : именительный падеж
NUM : числительное
OBJ : объект
PART : частица
Pat : пациент
PERF : совершенный вид
PL : множественное число
PRED : предикативная именная форма
PRE(D) MOD: модальный предикат
PREP : предложный падеж
PRES : настоящее время
PRON : местоимение
PRP : предлог
PST : прошедшее время
PURP : цель
QU: вопросительное
REL : отношение

SG : единственное число
ТЕМР : временное
V : глагол

Рис. 1. Диаграмма Венна, показывающая попарные связи семантических категорий в норме и при четырех состояниях, определяемых местом наложения электродов.

Рис. 2. Диаграмма Венна для элементов семантики, сильно связанных с другими элементами семантики ($\rho = 0.3$) при различных состояниях больных.

Рис. 3. Диаграмма Венна для связей *семантика — части речи* ($\rho = 0.3$).

Рис. 4. Диаграмма Венна, показывающая попарные связи семантических и синтаксических категорий при разных состояниях больных.

Рис. 5. Специфичность частот употребления падежей имен существительных при различных состояниях.

Рис. 6. Диаграмма Венна для элементов частей речи ($\rho = 0.3$).

Рис. 7. Специфичность частот использования частей речи при различных состояниях.

Рис. 8. Диаграмма Венна, показывающая связи синтаксических категорий с частями речи.

Рис. 9. Диаграмма Венна для связей в синтаксисе.

Рис. 10. Диаграмма Венна для элементов синтаксиса, сильно связанных с другими элементами синтаксиса.

Рис. 11. Специфичность употребления синтаксических конструкций при различных состояниях.

Рис. 12. Диаграмма Венна для связей *синтаксис — тип предложения*.

Рис. 13. Диаграмма Венна для связей в типах предложения.

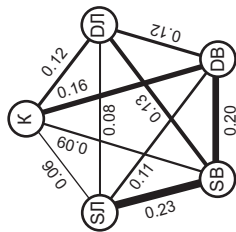
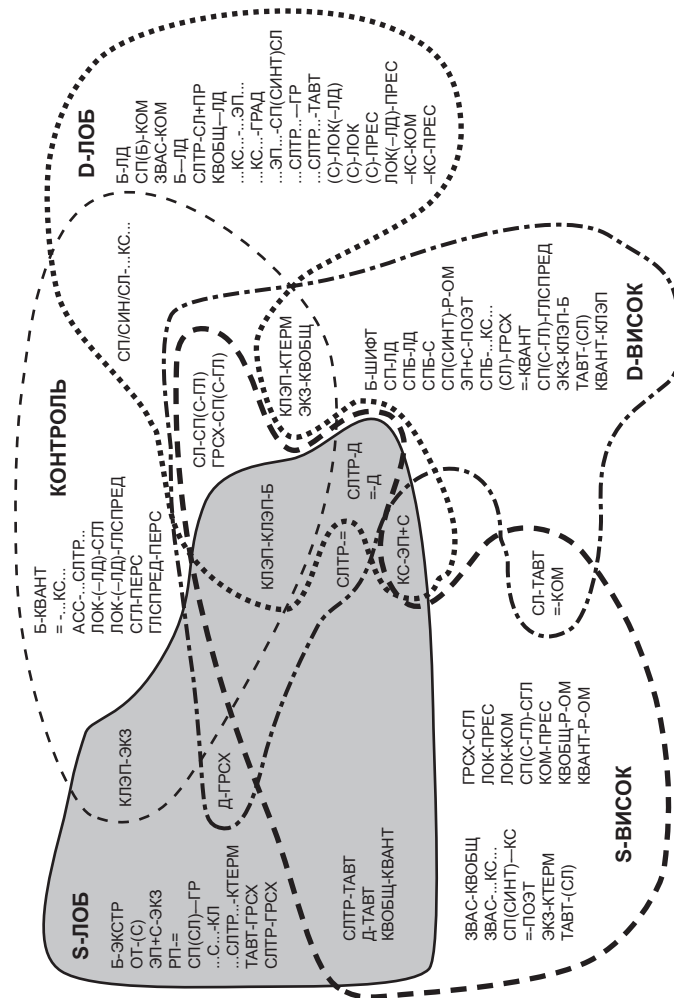

Рис. 1

Диаграмма Венна, показывающая попарные связи семантических категорий в норме и при четырех состояниях, определяемых местом наложения электродов

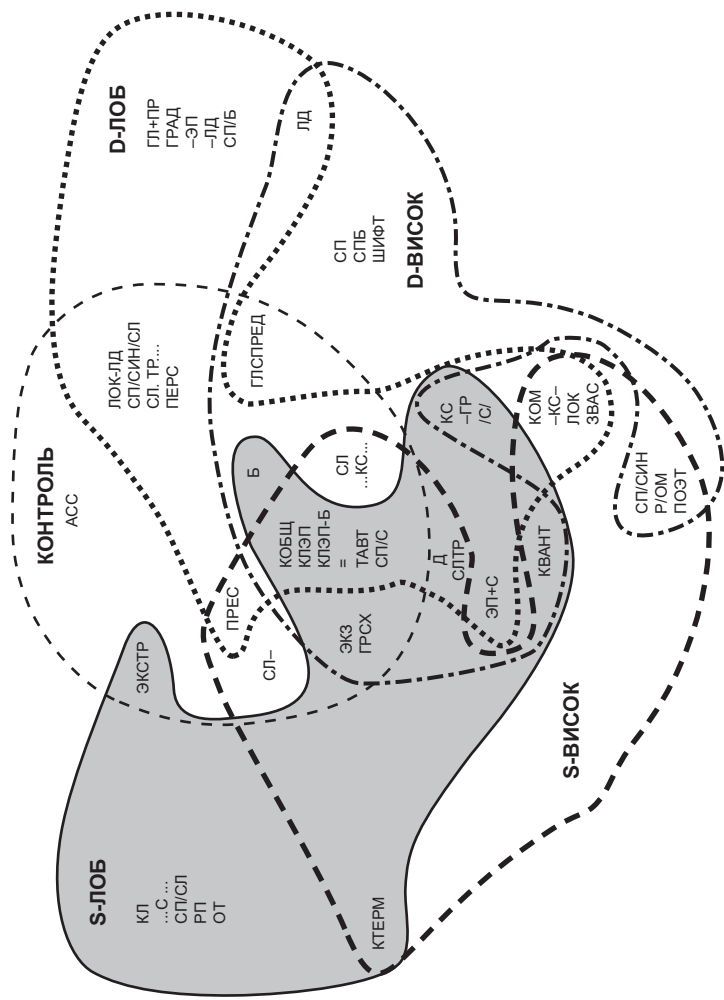

Рис. 2

Диаграмма Венна для элементов семантики, сильно связанных с другими элементами семантики ($\rho \geq 0,3$) при различных состояниях больших

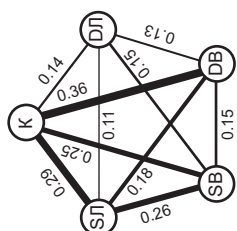
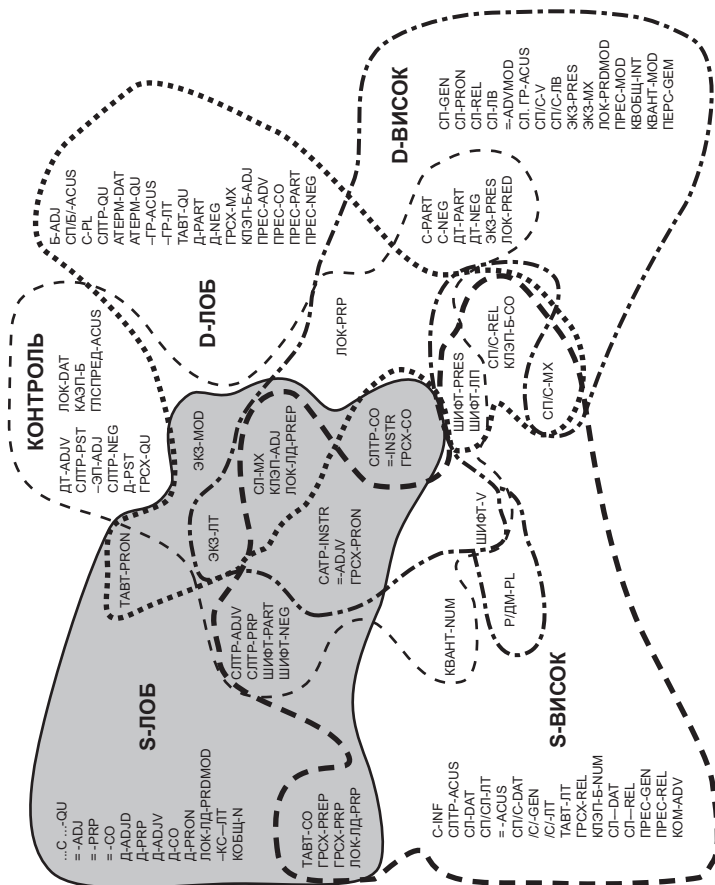

Рис. 3

Диграмма Велла
для связей семантика —
части речи ($\rho \geq 0.3$)

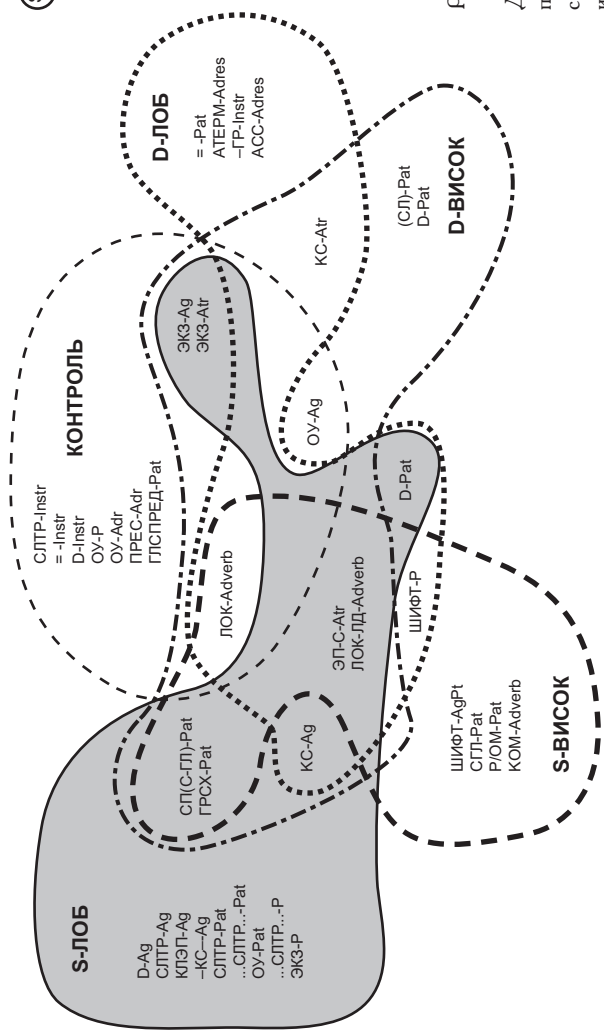
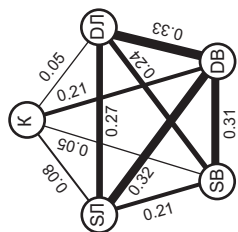

Рис. 4

Диаграмма Венна, показывающая попарные связи семантических и синтаксических категорий при разных состояниях больших

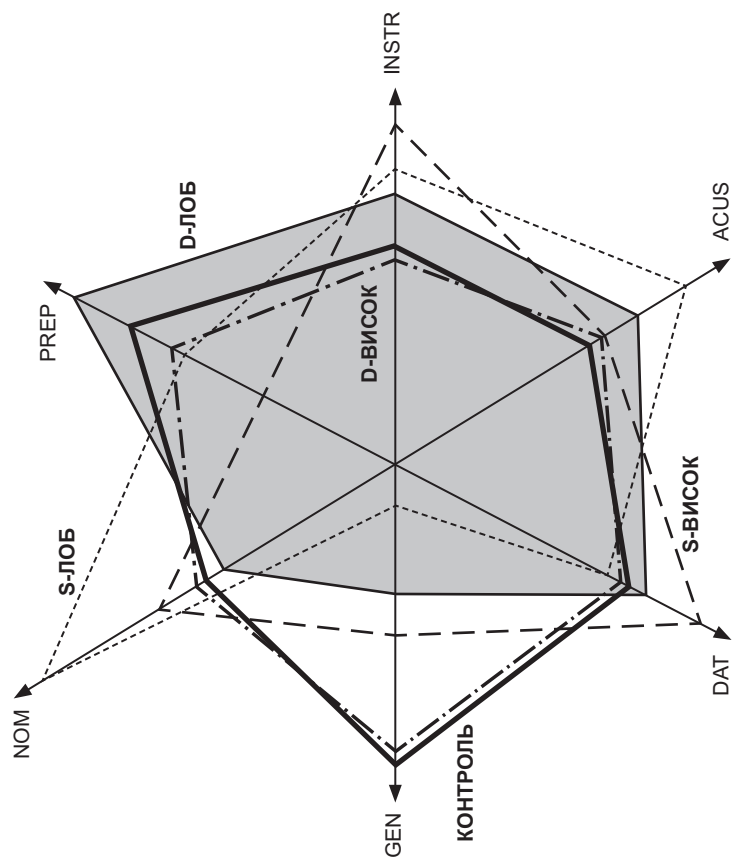

Рис. 5

Специфичность частот
употребления падежей
имен существительных при
различных состояниях

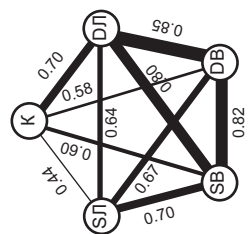
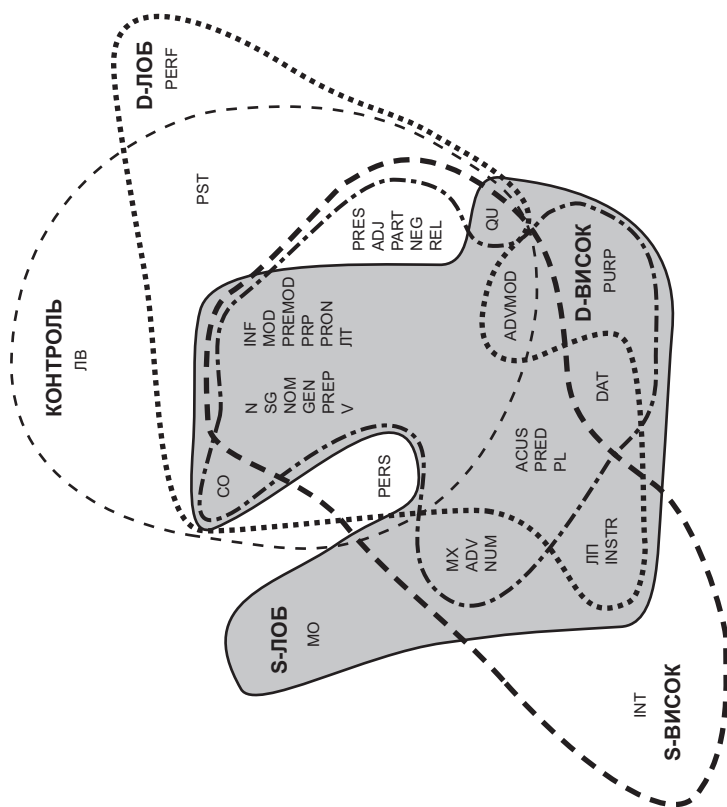

Рис. 6

Диаграмма Венна
для элементов частей речи
($\rho \geq 0.3$)

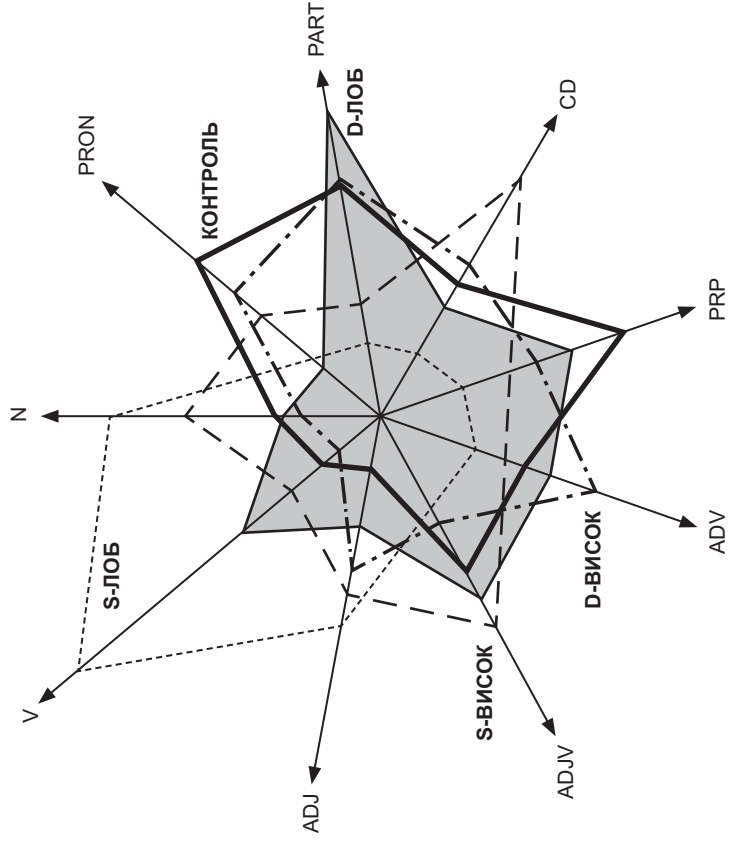

Рис. 7

Специфичность частот
использования частей речи
при различных состояниях

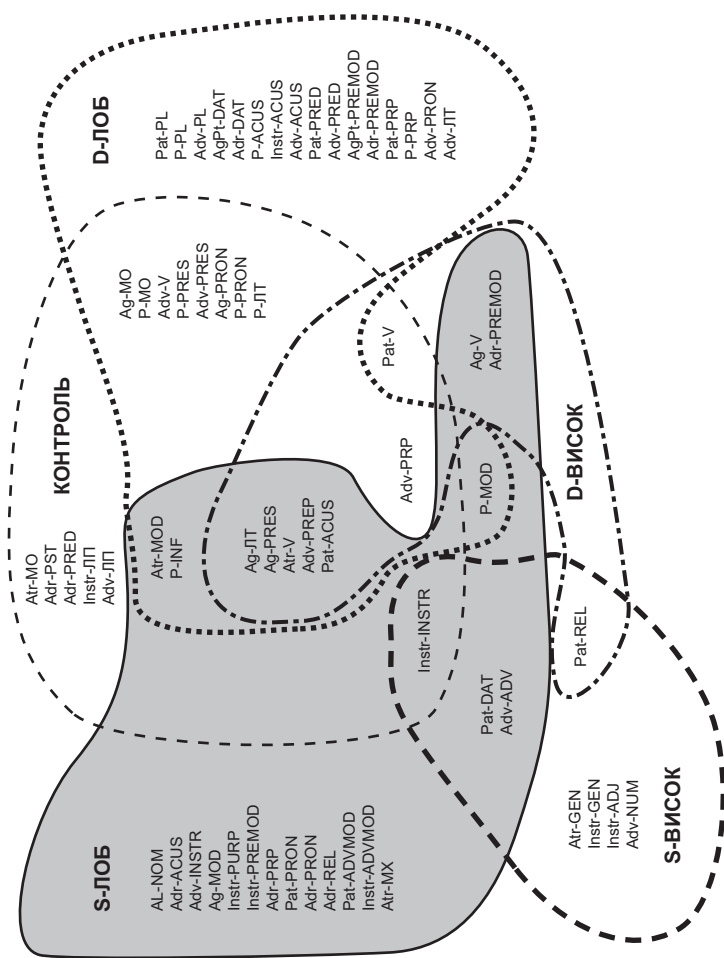
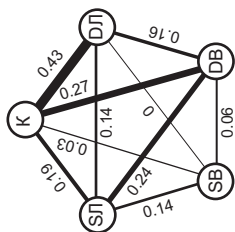

Рис. 8

Диаграмма Венна,
показывающая связи
синтаксических категорий
с частями речи

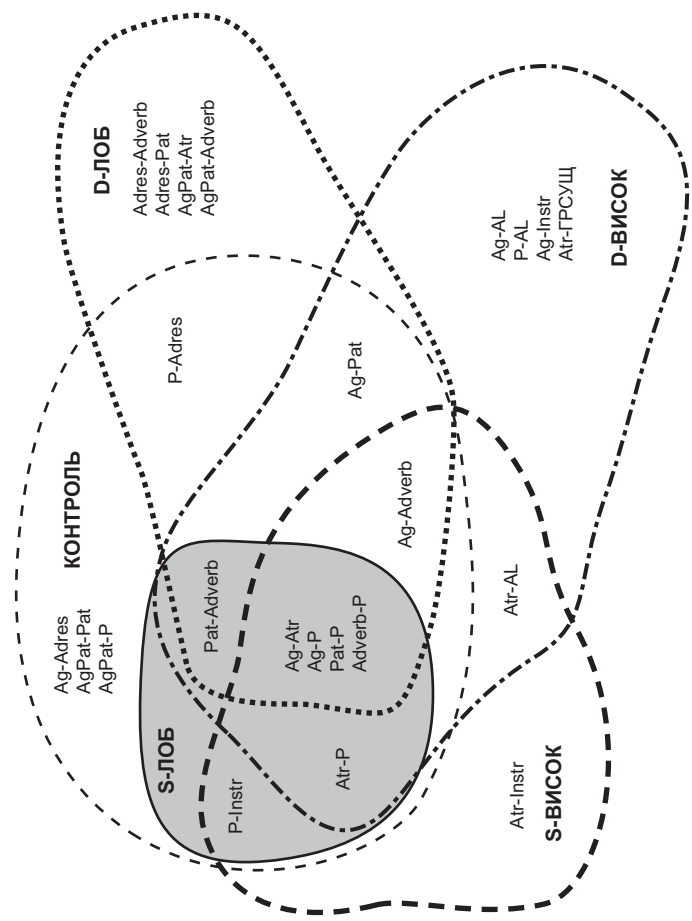
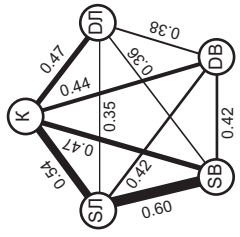

Рис. 9

Диаграмма Венна
для связей в синтаксисе
($p \geq 0.15$)

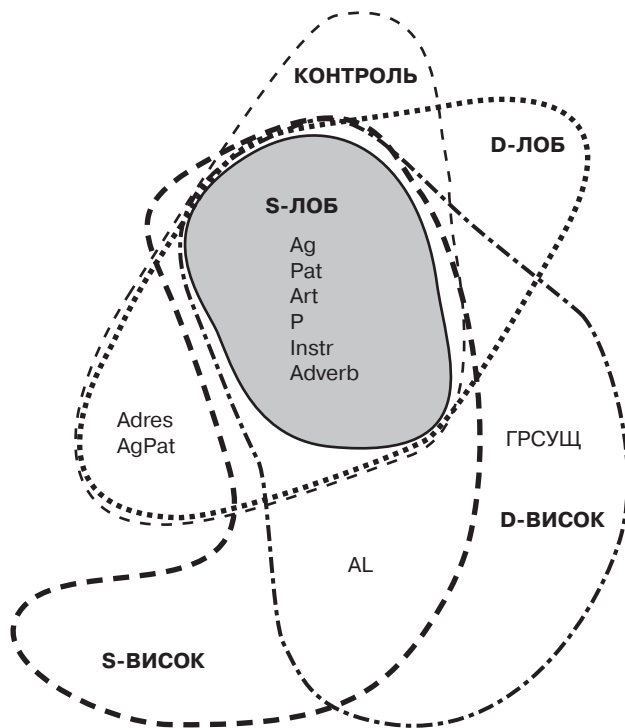

Рис. 10

Диаграмма Венна для элементов синтаксиса, сильно связанных с другими элементами синтаксиса ($p \geq 0.15$) при различных состояниях

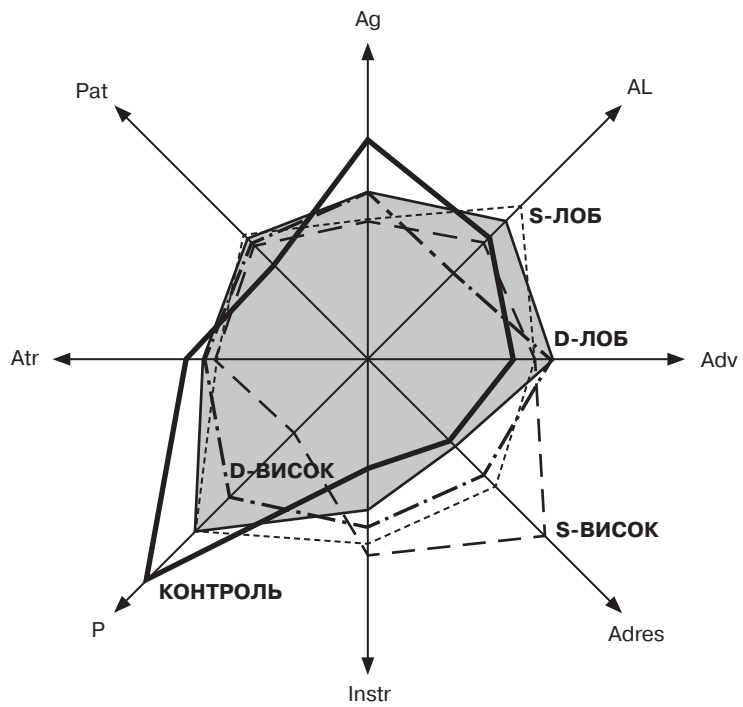

Рис. 11

Специфичность
употребления
синтаксических
конструкций при
различных состояниях

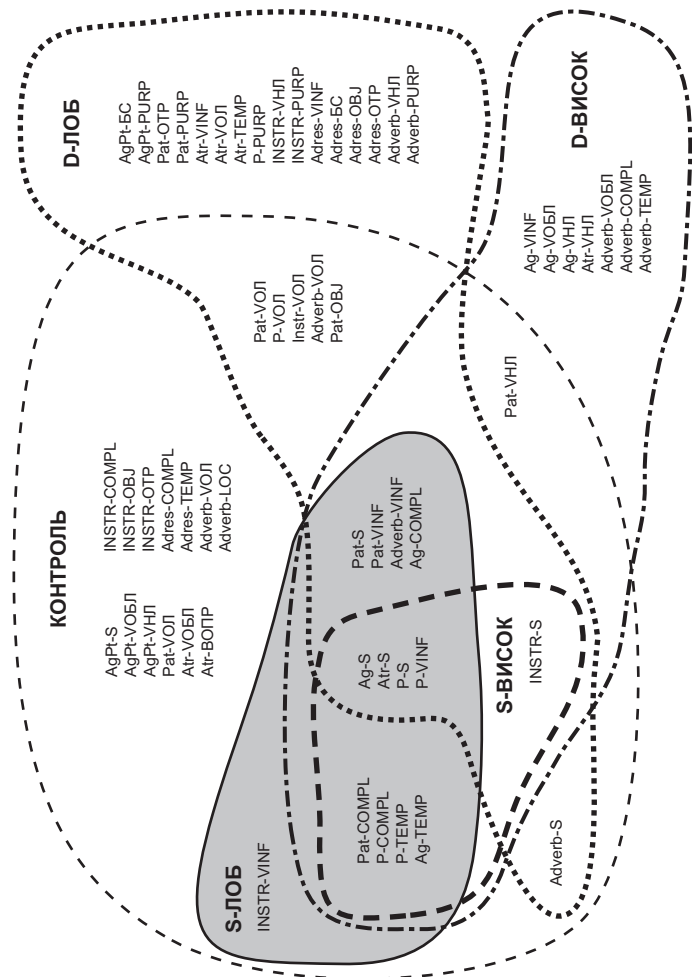
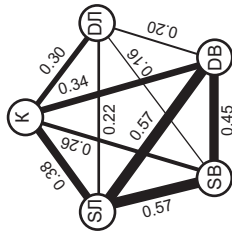

Рис. 12

Диаграмма Венна
для связей синтаксис —
тип предложения

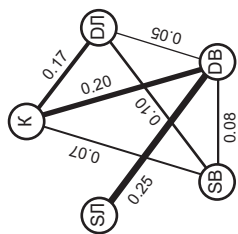
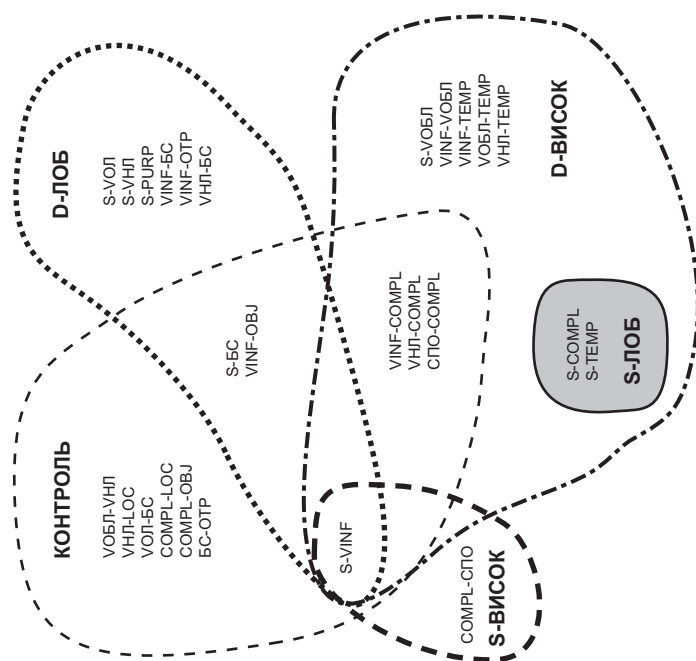

Рис. 13

Диаграмма Венна
для связей в типах
предложения

Б. Карты распространения языков в области Лос Анджелеса

Приводимые карты разработаны для программы «Языки Лос-Анджелеса» Дерриком Ауёуном (Derrick Auyoung) на основании данных, собранных в кн. Allen, Turner 1997; русский вариант подготовлен Л. В. Ивановым.

Карта 1. Некоторые из распространенных языков города и графства: латиноамериканские диалекты испанского, русский, восточно-индоевропейские языки (армянский, фарси), белизский и ямайкский креольские, китайский, алтайские Дальнего Востока (японский, корейский), алтайские языки Ближнего Востока (турецкий), семитские (арабский, иврит), австронезийские (самоанский). Английский язык является основным языком всего города и графства.

Карта 2. Диалекты латиноамериканского испанского языка: мексиканский, гватемальский и сальвадорский и др.

Карта 3. Распространение русского языка в графстве Лос-Анджелес. Красным прямоугольником выделена область, на которой на следующей карте показана плотность русского населения.

Карта 4. Плотность русскоязычного населения Лос-Анджелеса (в процентах по отношению ко всему населению).

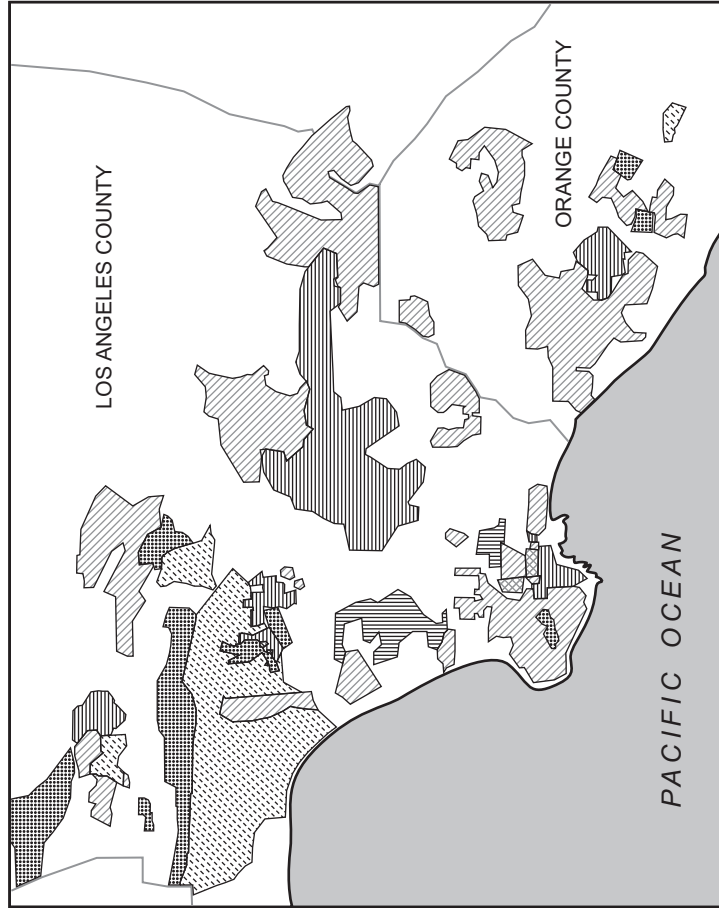
Карта 5. Распространение армянского и фарси (восточно-индоевропейские языки), турецкого (тюркская семья внутри алтайской) и иврита и арабского (семитские языки).

Карта 6. Белизский и ямайский (креольские языки)

Карта 7. Китайский, алтайские языки Дальнего Востока (японский, корейский), аустро-тайские — австронезийские (индонезийский, тагальский), тайские (лаосский, тайский), австроазиатские (кхмерский, вьетнамский).

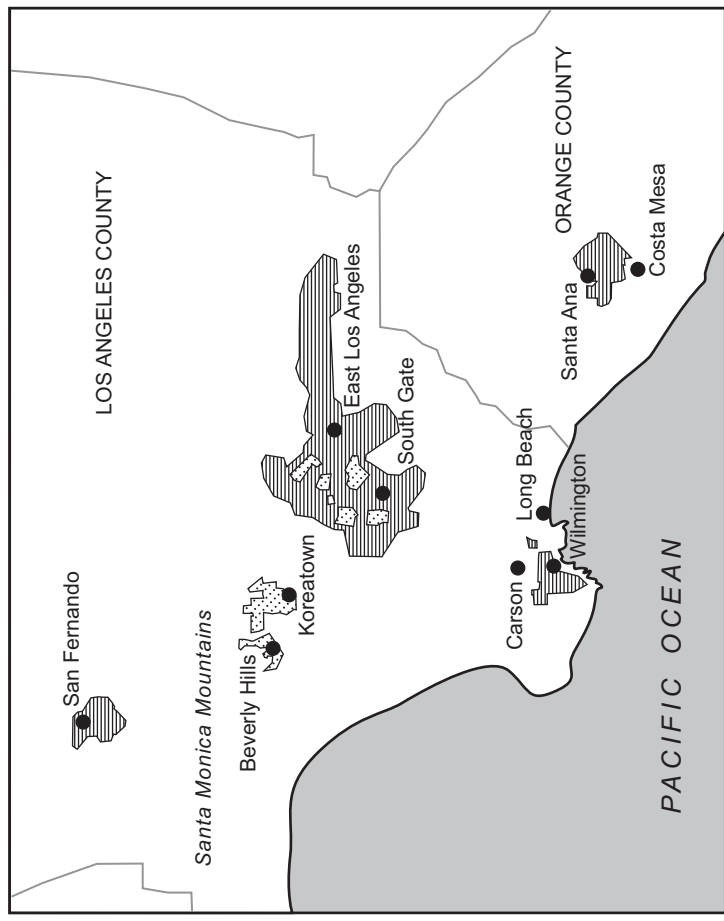
Карта 8. Самоанский.

- Belizean and Jamaican Creole languages
- Chinese, Far Eastern Altaic, Austro-Thai languages
- Latin American Spanish
- Eastern Indo-European, Semitic, Near Eastern Altaic languages
- Russian
- Samoan

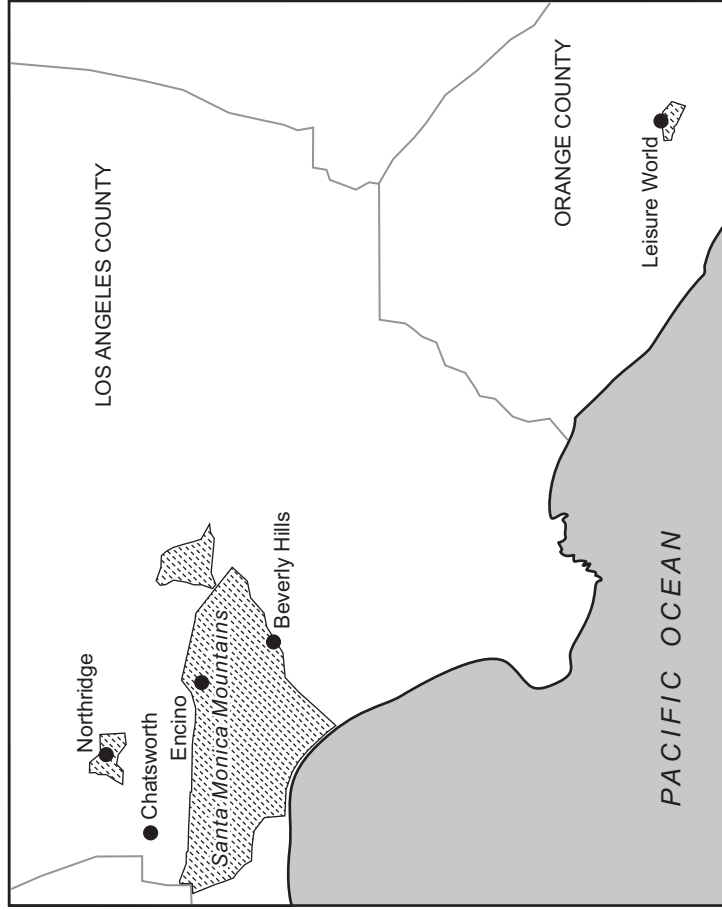

Kapra 1

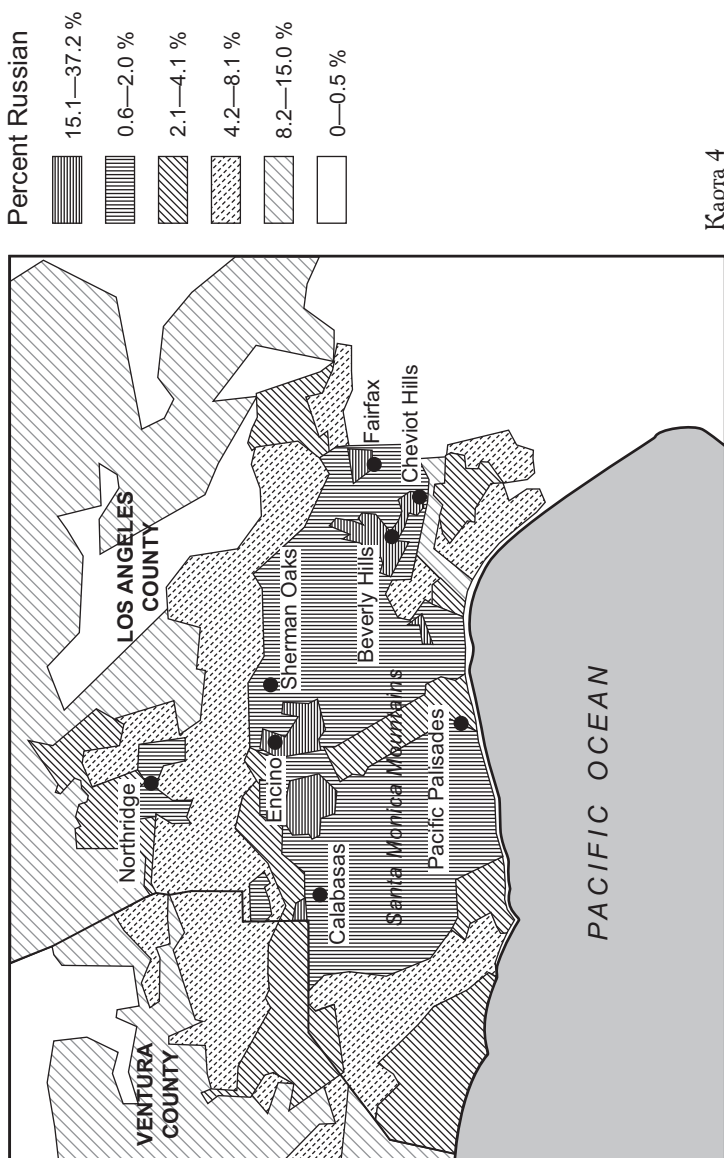
Guatemalan
 – Salvadoran
 Spanish:
 Mexican Spanish and
 other varieties of Latin
 American Spanish

Kapra 2

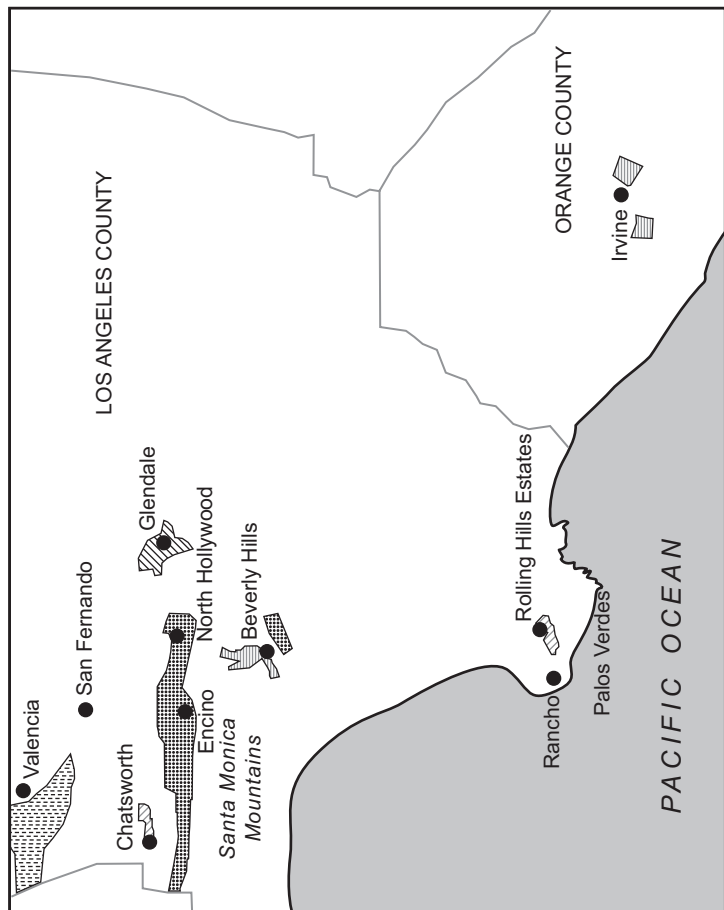

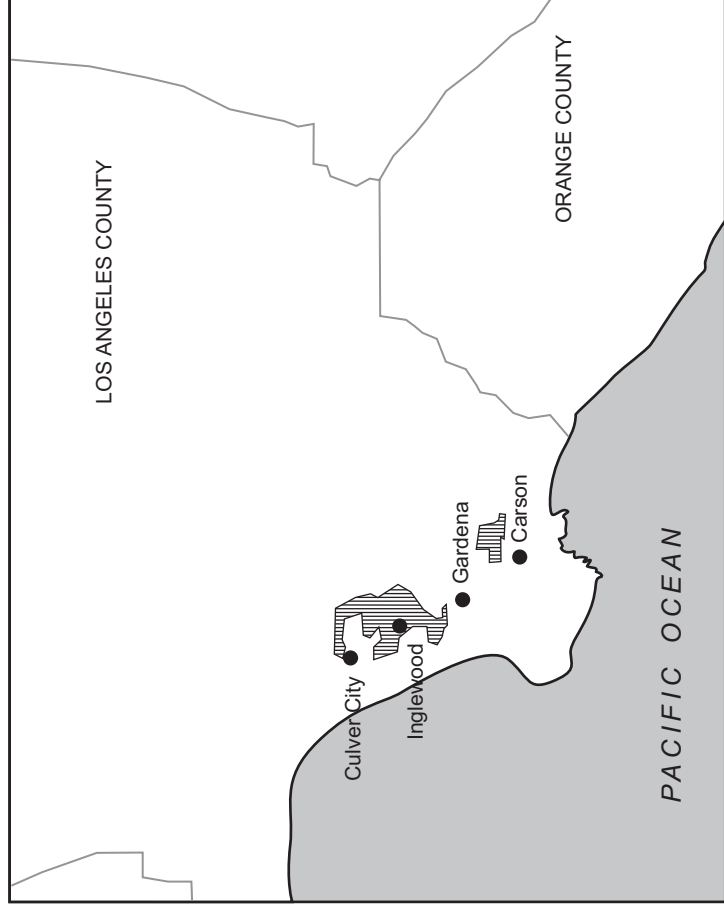
Russian

Kapra 4

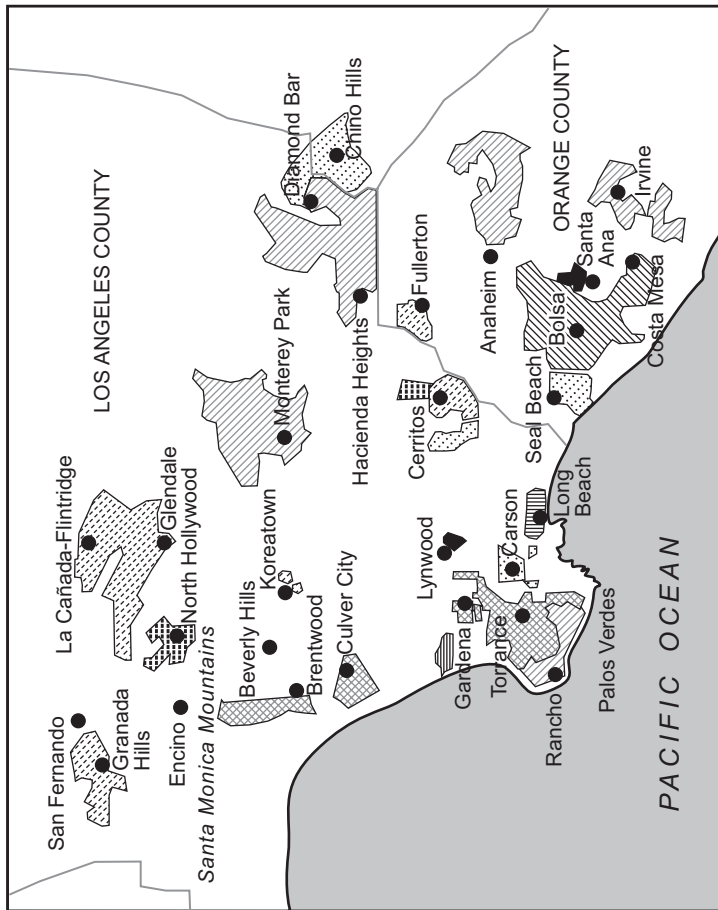
- Eastern Indo-European:
 - Armenian
 - Farsi
- Semitic:
 - Arabic
 - Hebrew
- Near Eastern Altaic:
 - Turkish

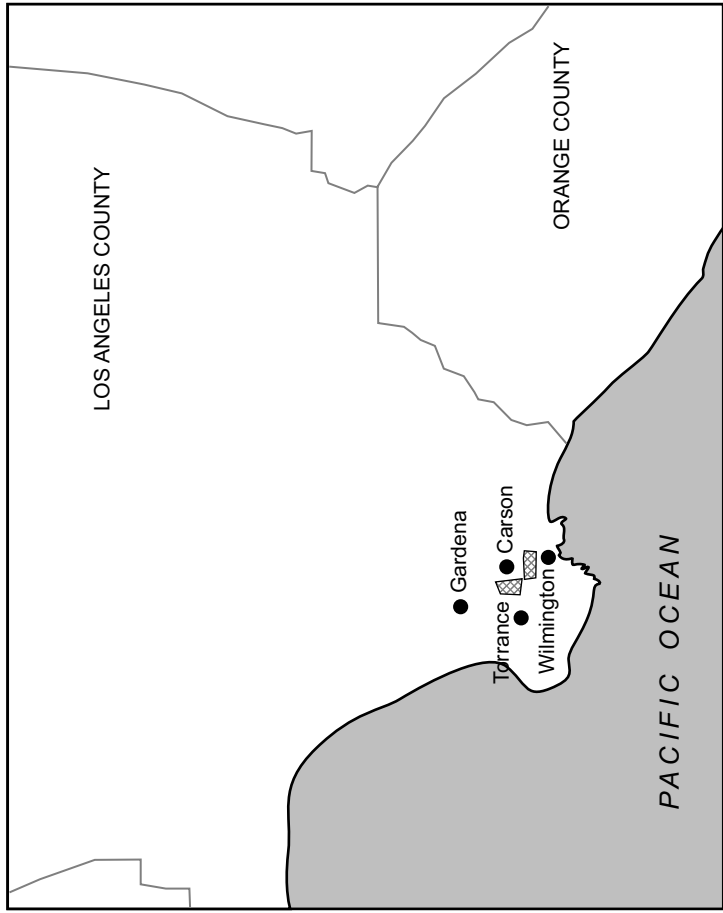

Belizean and Jamaican
Creoles

- Sino-Tibetan:
 - Chinese
- Far Eastern Altaic:
 - Japanese
 - Korean
- Austro-Thai:
 - Indonesian
 - Tagalog
- Austronesian:
 - Indonesian
 - Tagalog
- Austroasiatic:
 - Khmer
 - Vietnamese
- Thai:
 - Laotian
 - Thai

Kapra 7

Samoan

Вячеслав Всеволодович Иванов

ЛИНГВИСТИКА ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Вопросы к будущему

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление обложки Ю. Саевича

Корректор О. Заикина

Подписано в печать 01.06.2004. Формат 84x108 ¹/₃₂.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,27. Тираж 2000. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры».

ЛР № 02745 от 04.10.2000.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: Lrc@comtv.ru

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.

(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this publication

by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru

or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153)

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ»
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ

- В. Айрапетян.** Толкуя слово: Опыт герменевтики по-русски. 496 с. 2001.
- В. М. Алпатов.** История лингвистических учений. 368 с. 2001.
- В. С. Баевский.** Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы. 336 с. 2001.
- А. В. Бондарко.** Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. 736 с. 2002.
- Е. А. Боратынский.** Полное собрание сочинений и писем: В 4 т.
Т. 1. Стихотворения 1818–1822 годов. 512 с. 2002.
Т. 2. Стихотворения 1823–1834 годов. 440 с. 2002.
- Ф. И. Буслаев.** Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков / Сост. Б. А. Успенский. 856 с. 2004.
- В. В. Вейдле.** Эмбриология поэзии: Статьи по поэтике и теории искусства. 456 с. 2002.
- М. М. Гиршман.** Литературное произведение: Теория художественной целостности. 528 с. 2002.
- С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин.** Словарь языка русских жестов. 256 с. 2001.
- Г. А. Гуковский.** Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. 352 с. 2001.
- Н. Н. Дурново.** Избранные работы по истории русского языка. 816 с. 2000.
- В. М. Живов.** Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. 760 с. 2002.
- В. А. Жуковский.** Полное собрание сочинений: В 20 т.
Т. I. Стихотворения 1797–1814 годов. 760 с. 1999.
Т. II. Стихотворения 1815–1852 годов. 840 с. 2000.
Т. XIII. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833. 608 с. 2004.

А. А. Зализняк. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. 2002. – I–VIII, 752 с. 2002.

А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект – 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995—2003 гг. 872 с. 2004.

Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Введение в русскую аспектологию. 226 с. 2000.

Вяч. Вс. Иванов. Избранные труды по семиотике и истории культуры.

Т. I. 912 с. 1998.

Т. II. 880 с. 2000.

Т. III. 880 с. 2004.

С. А. Иванов. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» миссионера? 376 с. 2003.

Из истории русской культуры.

Т. I. Древняя Русь. 760 с. 2000.

Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. 944 с. 2002.

Т. III. XVII век. 768 с. 1995.

Т. IV. XVIII – начало XIX века. 832 с. 1996.

Т. V. XIX век. 848 с. 1996.

А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Части 1–2, 880 с. 2003.

С. Д. Кацнельсон. Категории языка и мышления: Из научного наследия. 864 с. 2001.

Т. Леннгрен. Сборник Нила Сорского.

Ч. 1. 472 с. 2000.

Ч. 2. 512 с. 2002.

Ч. 3. 584 с. 2003.

П. Е. Лукин. Письмена и православие. 376 с. 2001.

Н. А. Любимов. Неувядаемый цвет: Книга воспоминаний. В 3 т.

Т. I. 416 с. 2000.

Т. II. 416 с. 2004.

К. А. Максимович. Пандекты Никона Черногорца. 296 с. 1998.

А. В. Михайлов. Обратный перевод. 856 с. 2000.

А. В. Михайлов. Языки культур. 912 с. 1997.

Мир Велимира Хлебникова. 880 с. 2000.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка /
Под ред. акад. Ю. Д. Апресяна.

Вып. 1. 552 с. 1997.

Вып. 2. 488 с. 2000.

Вып. 3. 624 с. 2003.

Ю. Г. Оксман – К. И. Чуковский. Переписка. 1949–1969 / Предисл.
и коммент. А. Л. Гришунина. 192 с. 2001.

Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики.
608 с. 2004.

Н. В. Перцов. Инварианты в русском словоизменении. 280 с.
2001.

А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. 544
с. 2001.

Р. Пиккио. Древнерусская литература. 352 с. 2002.

Л. В. Пумпянский. Классическая традиция. 864 с. 2000.

А. С. Пушкин. Тень Баркова. 496 с. 2002.

Русский язык в научном освещении. № 1. 2001. (Языки славян-
ской культуры: ИРЯ РАН).

Русский язык в научном освещении. № 2. 2001. (Языки славян-
ской культуры: ИРЯ РАН).

Русский язык в научном освещении. № 1(3). 2002. (Языки сла-
вянской культуры: ИРЯ РАН).

Русский язык в научном освещении. № 2(3). 2002. (Языки сла-
вянской культуры: ИРЯ РАН).

Русский язык в научном освещении. № 1(5). 2003. (Языки сла-
вянской культуры: ИРЯ РАН).

Русский язык в научном освещении. № 2(6). 2003. (Языки сла-
вянской культуры: ИРЯ РАН).

Русский язык конца XX столетия (1985–1995): Сб. ст. 480 с. 2000.

В. В. Седов. Славяне: Историко-археологическое исследование.
624 с. 2002.

- А. М. Селищев.** Труды по русскому языку. Т. I. 632 с. 2003.
- Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением / Отв. ред. Т. М. Николаева. 560 с. 2002.
- Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна. 648 с. 2001.
- Дж. Смит.** Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике. 528 с. 2002.
- А. И. Соболевский.** Труды по истории русского языка. Т. 1. 712 с. 2004.
- Ж. Старобинский.** Поэзия и знание: История литературы и культуры. Т. I. 528 с. 2002. Т. II. 600 с. 2002.
- В. Н. Топоров.** Из истории русской литературы. Т. II: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. I. 912 с. 2001. Кн. II. 928 с. 2003.
- В. Н. Топоров.** Исследования по этимологии и семантике. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. 816 с. 2004.
- Я. Ульфелдт.** Путешествие в Россию. 616 с. 2002.
- Ф. Б. Успенский.** Имя и власть. 144 с. 2001.
- Ф. Б. Успенский.** Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки. 456 с. 2002.
- А. А. Формозов.** Пушкин и древности: Записки археолога. 144 с. 2000.
- М. О. Чудакова.** Литература советского прошлого. Т. 1. 472 с. 2001.
- М. И. Шапир.** UNIVERSUM VERSUS: ЯЗЫК–СТИХ–СМЫСЛ в русской поэзии XVIII–XX веков. Кн. 1. 544 с. 2000.
- А. Д. Шмелев.** Русская языковая модель мира. 224 с. 2002.
- Д. Н. Шмелев.** Избранные труды по русскому языку. 888 с. 2002.

- Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев.** Русский анекдот: Текст и речевой жанр. 144 с. 2002.
- Дж. Т. Шоу.** Конкорданс к стихам А. С. Пушкина. Т. 1–2.
Т. 1. 672 с. 2000.
Т. 2. 640 с. 2000.
- Дж. Т. Шоу.** Поэтика неожиданного у Пушкина. 456 с. 2002.
- Е. М. Юхименко.** Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература.
Т. I. 544 с. 2002.
Т. II. 480 с. 2002.
- Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю. С. Степанова.** 600 с. 2001.
- Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты.** 496 с. 2001.
- Т. Е. Янко.** Коммуникативные стратегии русской речи. 384 с. 2001.

Иванов Вячеслав Всеволодович

родился в 1929 г. в Москве,
языковед, семиотик, филолог,
литературовед, поэт-переводчик,
писатель-мемуарист.

Окончил филологический ф-т МГУ (1951).

Доктор филологических наук (1980).

Директор Института теории и истории
мировой культуры МГУ (с 1992).

Профессор кафедры славистики
и Программы Индоевропейских
исследований Калифорнийского университета
(Лос-Анджелес) с 1992, почётный член

Американского лингвистического общества
(с 1968) и нескольких зарубежных
академий (Британской с 1977,

Американской академии наук и искусства с 1993,
Американского Философского Общества с 1994,

Латвийской Академии Наук с 1993 и др.);
действительный член Российской академии
естественных наук (с 1990)

и Российской академии наук (с 2000).